

INTERREGIONAL ORGANIZATION
"RUSSIAN PLATONIC PHILOSOPHICAL SOCIETY"

The Herzen State Pedagogical University of Russia

RUSSIAN CHRISTIAN ACADEMY FOR THE HUMANITIES

29TH INTERNATIONAL CONFERENCE
«THE UNIVERSE OF PLATONIC THOUGHT»:
«Paideia, State, Man:
Anthropology in Platonic Tradition»

Saint Petersburg
24–25 June 2021

St Petersburg
2021

МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
«ПЛАТОНОВСКОЕ ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО»

Российский государственный педагогический университет
имени А. И. Герцена

РУССКАЯ ХРИСТИАНСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ АКАДЕМИЯ

При поддержке Издательской группы «Весь»

XXIX НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«УНИВЕРСУМ ПЛАТОНОВСКОЙ МЫСЛИ»:
«Рациональная теология в платонизме»

Санкт-Петербург, 24–25 июня 2021 г.

Тезисы докладов

Санкт-Петербург

2021

Оргкомитет конференции:

Председатель организационного комитета: Светлов Роман Викторович,
доктор филос. наук, профессор РГПУ им. А.И. Герцена

Заместитель председателя организационного комитета: Christov Ivan, PhD,
professor Sofia University «St. Kliment Ohridski»

Организационный комитет: Melina Musala, PhD, Assistant Professor, University of Patras; Tiziana Andina, Dr., professor, University of Turin, Italy; Thomas Robinson, Emeritus Professor, University of Toronto; Степанова Анна Сергеевна, доктор филос. наук, профессор РГПУ им. А.И. Герцена; Протопопова Ирина Александровна, кандидат культурологии, ведущий научный сотрудник РГГУ; Тантлевский Игорь Романович, доктор филос. наук, профессор СПбГУ; Аванесов Сергей Сергеевич, доктор филос. наук, профессор Новгородского гос. университета им. Ярослава Мудрого; Литвин Татьяна Валерьевна, кандидат филос. наук, доцент РХГА.

Программный комитет конференции:

Председатель программного комитета: Шмонин Дмитрий Викторович, доктор филос. наук, профессор, РГПУ им. А.И. Герцена.

Заместитель председателя программного комитета: Курдыбайло Дмитрий Сергеевич, кандидат филос. наук, старший научный сотрудник РГПУ им. А.И. Герцена, научный сотрудник РХГА.

Программный комитет: Афонасин Евгений Васильевич, доктор философских наук, профессор Новосибирского государственного университета; Алымова Елена Валентиновна, кандидат филос. наук, доцент СПбГУ; Мочалова Ирина Николаевна, кандидат филос. наук, доцент СПбГУ.

XXIX научная конференция «Универсум Платоновской мысли»: «Рациональная теология в платонизме». Тезисы докладов. Санкт-Петербург, 24–25 июня 2021 г. — СПб.: МОО «Платоновское философское общество», 2021. — 197 с.

ISBN 978-5-6042054-5-7

Настоящий сборник включает тезисы докладов XXIX международной конференции «Универсум Платоновской мысли: Рациональная теология в платонизме». (Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, Русская христианская гуманитарная академия. 24–25 июня 2021 г.)

- © Коллектив авторов, 2021
- © МОО «Платоновское философское общество», 2021
- © Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, 2019
- © Русская христианская гуманитарная академия, 2021

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

ПРОТОПОПОВА ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА, кандидат культурологии, доцент; Платоновский исследовательский научный центр (Москва, Россия), руководитель; Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия), старший научный сотрудник

ФИЛОСОФСКАЯ МИСТЕРИЯ КАК ТЕОЛОГИЯ У ПЛАТОНА

В докладе рассматривается мистериальный опыт «ничто» в контексте двух основных принципов сущего по Платону: «само по себе» (τὰ μὲν αὐτὰ καθ' αὐτά) и «по отношению к иному» (τὰ δὲ πρὸς ἄλλα), при этом «само по себе» — как «трансцендентное» в качестве «объективно божественного» и как «трансцендентное-в-имманентном» в качестве «божественнейшего начала души».

*Видеозапись
доклада:*

Ключевые слова: Мистерия, теология, трансцендентное, имманентное, ничто

IRINA PROTOPOVA, CSc in Culturology, Associate Professor; Platonic Research Center (Moscow, Russia), Head; Russian State University for Humanities (Moscow, Russia), Major Research Fellow

THE PHILOSOPHICAL MYSTERY AS PLATO'S THEOLOGY

The report explores the mystery's experience of "Nothing" in the context of two basic principles of being in Plato: "in itself" (τὰ αὐτὰ μὲν καθ' αὐτά) and "in relation to the other" (τὰ δὲ πρὸς ἄλλα); "in itself" — as a "transcendent"

as “objectively divine” and as “the transcendent-in-the immanent” as “the divine part of the soul.”

Keywords: mystery, theology, transcendent, immanent, nothing

ГАРАДЖА АЛЕКСЕЙ ВИКТОРОВИЧ, Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия), старший научный сотрудник

**ОНОМАСТИКА ПЛАТОНА:
МИСТЕРИАЛЬНЫЕ КОНТЕКСТЫ**

Платоновские диалоги пестрят названиями урочищ и связанных с ними персонажей. Невнимание к этим элементам приводит к превратным толкованиям. Зачины «Хармида» и «Федра» равно приурочены к окрестностям Олимпейона, и в обоих диалогах обнаруживаются намеки на ключевой элевсинский миф («храм Басилеи» и рассказ о Боре и Орифии), которыми Платон, возможно, хотел показать, что новое — философское мышление — укладывается в русло хорошо известного старого.

Ключевые слова: Платон, ономастика, мистерии, «Хармид», «Федр»

ALEXEI GARADJA, Russian State University for Humanities (Moscow, Russia), Major Research Fellow

PLATO'S ONOMASTICA: MYSTERIAL CONTEXTS

Platonic dialogues are full of onomastic details, inattention to which causes misinterpretations. The “Charmides” and “Phaedrus” both begin in the vicinity of the Olympieion, and both contain hints at the Eleusinian myth (Basile’s shrine, the story of Boreas and Orithyia), which were probably meant to show the new way of thinking, philosophy, as rooted in the well-known tradition.

Keywords: Plato, onomastics, mysteries, “Charmides,” “Phaedrus”

БОГОМОЛОВ АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ, кандидат философских наук; Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина (Нижний Новгород, Россия), доцент

ГРЕЧЕСКАЯ АПОФАТИКА: ИСТОК И ТИПОЛОГИЯ В ОНТО-ТЕОЛОГИИ ДОСОКРАТИКОВ

Доклад обращен к проблеме становления апофатической проблематики в греческой философии. Акцент сделан на двух аспектах: начало тематики негативности и разделение философской апофатики и негативной теологии в философии досократиков.

*Видеозапись
доклада:*

Ключевые слова: негативная теология, философская апофатика, досократики, небытие, Парменид, Гераклит

Апофатическая проблематика в истории греческой философии вызывает достаточно высокий интерес в контексте историко-философских исследований. Вместе с тем есть несколько тем, к которым, как это принято обозначать, исследователи обращаются не столь часто. К числу таковых можно отнести вопросы о начале апофатической проблематики и о типологии негативности. Оба вопроса имеют непосредственное отношение к философии досократиков.

К теме начала греческого апофазиса можно подходить по-разному. Отправной точкой можно считать онтологию Парменида с присущим ей различием бытия и небытия. В качестве такового можно полагать и онтологию Гераклита, важным моментом которой является релятивизм. Мы предлагаем посмотреть на эту проблему в контексте ситуации перехода от предфилософии к философии, несмотря на некоторую условность этого различия. В предфилософии важным моментом является учение Гесиода о Хаосе. Хаос в «Теогонии» можно представить как «предфилософский» аналог архэ, который при этом наделен апофатическими характеристиками. Фалес выдвигает концепцию стихийно-материалистического понимания архэ. Но наиболее важным учение Анаксимандра. Неопределенность апейрона находит в себе сочетание негативных и положительных характеристик.

Другим важным моментом является проблема различения философской апофатики и негативной теологии. Исходим из того, что данная проблематика находит свое выражение уже у Парменида и Гераклита. В поэме Парменида бытие наделяется божественными атрибутами. Некоторые характеристики даны апофатически, а предметом философской апофатики является небытие. В учении Гераклита данная проблематика имеет своим основанием релятивизм. Показано, что, в отличие от учения Гераклита, в философии Парменида различие негативной теологии и философской апофатики имеет выраженный характер.

ALEXEY BOGOMOLOV, CSc in Philosophy; Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University — Minin University (Nizhny Novgorod, Russia), Associate Professor

GREEK APOPHATICISM: ORIGINS AND TYPOLOGY IN THE PRE-SOCRATIC ONTO-THEOLOGY

The report addresses the problem of the formation of apophatic problems in Greek philosophy. The emphasis is placed on two aspects: the beginning of the theme of negativity, and the separation of philosophical apophatics and negative theology in the philosophy of the pre-Socratics.

Keywords: negative theology, philosophical apophaticism, pre-Socratics, non-being, Parmenides, Heraclitus

Apophatic problems in the history of Greek philosophy arouse quite high interest in the context of historical and philosophical research. At the same time, there are several topics that, as it is commonly referred to, researchers do not address so often. These include questions about the beginning of apophatic problems, and about the typology of negativity. Both questions are related to the philosophy of the pre-Socratics.

The topic of the beginning of the Greek apophasis can be approached in different ways. The starting point can be considered the ontology of Parmenides with its inherent distinction between being and non-being. As such, we can also assume the ontology of Heraclitus, an important point of which is relativism. We pro-

pose to look at this problem in the context of the transition from pre-philosophy to philosophy, despite some conditionality of this distinction. In prephilosophy, an important point is Hesiod's teaching about Chaos. Chaos in "Theogony" can be represented as a "pre-philosophical" analogue of arche, which at the same time is endowed with apophatic characteristics. Thales puts forward the concept of the spontaneous-materialistic understanding of arche. But the most important is the teaching of Anaximander. The uncertainty of the apeiron finds a combination of negative and positive characteristics.

Another important point is the problem of distinguishing between philosophical apophaticism and negative theology. We proceed from the fact that this problem finds its expression already in Parmenides and Heraclitus. In the poem of Parmenides, being is endowed with divine attributes. Some characteristics are given apophatically, and the subject of philosophical apophatics is non-existence. In the teaching of Heraclitus, this problem is based on relativism. It is shown that, in contrast to the teachings of Heraclitus, in the philosophy of Parmenides, the difference between negative theology and philosophical apophaticism has a pronounced character.

АФОНАСИН ЕВГЕНИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ, доктор философских наук, профессор; Институт философии и права СО РАН (Новосибирск, Россия), главный научный сотрудник; Новосибирский государственный университет (Новосибирск, Россия), профессор

«КАК ФИЛОСОФЫ СПАСАЛИ МИФЫ?»

ГЛАВА ВТОРАЯ: ПЛАТОНИКИ*

Платоновская традиция, начиная с ее основателя, знаменитого своими философскими мифами, пошла по пути переосмысления моральных и религиозных сюжетов в философском ключе, что не только заложило основания западноевропейской рациональной теологии, но и, в конечном итоге, создавая новую «философскую»

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44058.

форму религии. Я попытаюсь продемонстрировать этот тезис на материале неоплатонических комментариев.

Ключевые слова: философская религия, неоплатонизм, толкование мифов

*Видеозапись
доклада:*

В данном выступлении мне хотелось бы продолжить сюжет, который я разбирал на предыдущей конференции Платоновского философского общества. В прошлый раз речь шла о древних софистах. Мы видели, что софисты, вроде Протагора, Горгия, Продика и Гиппия стоят у истоков той традиции философского «спасения» мифов, которая получила полное развитие в платонизме (контекст этого исследования задает известная книга Люка Бриссона — Brisson 2004). Пониманию сказанного «поэтами» должно быть способствовало и развиваемое софистами знаменитое умение различать близкие по смыслу слова и давать правильные определения, положившее начало важнейшего метода философской аргументации — диэрезы. Основная цель, видимо, состояла как в переоценке традиционных моральных ценностей, так и, при посредстве этой переоценки, утверждения, возможно, впервые, единства и целостности эллинской культуры. Платоновская традиция, начиная с ее основателя, знаменитого своими философскими мифами, пошла по тому же пути, не только переосмысливая моральные и религиозные сюжеты в философском ключе, что, в конечном итоге заложило основания западноевропейской рациональной теологии, которую предполагается подробно обсудить на данной конференции общества, но и, в конечном итоге, создавая новую т. н. «философскую» форму религии. Олимпийская религия, орфика и мистериальные культы (не лишённые восточных влияний) украсили знаменитое пифагорейское учение о небесном путешествии души, добавили ему привлекательности и новой поэтичности. Я попытаюсь продемонстрировать этот тезис на материале неоплатонических комментариев (Порфирий, Прокл, Дамаский и др.)

EUGENE AFONASIN, DSc in Philosophy, Professor; SB RAS
Institute of philosophy and law (Novosibirsk,
Russia), Head of Department; Novosibirsk State
University (Novosibirsk, Russia), Professor

”HOW PHILOSOPHERS SAVED MYTHS?”
CHAPTER TWO: THE PLATONISTS*

The Platonic tradition, beginning with its founder, famous for his philosophical myths, not only reinterpreted moral and religious themes in a philosophical way, which ultimately laid the foundations for a Western European rational theology, but also, ultimately, created a new “philosophical” form of religion. I will try to demonstrate this thesis on the material of Neoplatonic commentaries.

Keywords: philosophical religion, Neoplatonism, the interpretation myths

In this presentation I would like to continue the story I discussed at the previous Platonic Society’s conference. Last time we talked about the Sophists. We saw that Sophists like Protagoras, Prodicus and Hippias were at the origin of that tradition of philosophical “salvation” of myths, which was fully developed in Platonism (Brisson 2004). The understanding of what was said by the “poets” must also have been facilitated by the famous skill developed by the sophists in distinguishing closely related words and giving correct definitions, which marked the beginning of the philosophical *diairesis*. The main goal, apparently, was both a reassessment of moral values and, through this reassessment, an assertion, perhaps for the first time, of the unity and integrity of Hellenic culture. The Platonic tradition, beginning with its founder, famous for his philosophical myths, followed the same path, not only reinterpreting moral and religious themes in a philosophical way, which ultimately laid the foundations for a Western European rational theology, but also, ultimately, creating a new “philosophical” form of religion. Olympic religion, orphic and mystery cults

* The research was funded by the Russian Foundation for Basic Research, project No 21-011-44058.

(not without Oriental influences) embellished the famous Pythagorean doctrine of the heavenly journey of the soul, adding to its appeal and a new poeticism. I will try to demonstrate this thesis on the material of Neoplatonic commentaries.

ПРОКОПОВ КИРИЛЛ ЕВГЕНЬЕВИЧ, Высшая школа экономики (Москва, Россия), преподаватель

ПЛАТОНОВСКАЯ ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ЭСХАТОЛОГИЯ: РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ИЛИ МИФОТВОРЧЕСТВО?

В докладе на примере эсхатологии заключительных мифов «Федона», «Горгия» и «Государства» будет показано, как Платон, опираясь на предшествующую религиозно-философскую традицию, сделал мифы о загробном существовании важной частью

Видеозапись
доклада:

собственного философского проекта, в котором религиозные идеи и эсхатологические ожидания оказываются непосредственным элементом философской практики.

Ключевые слова: Платон, эсхатология, миф, рационализация, спасение, «Федон», «Горгий», «Государство»

KIRILL PROKOPOV, Higher School of Economics
(Moscow, Russia), Assistant Professor

PLATO'S INDIVIDUAL ESCHATOLOGY: RATIONALIZATION OR MYTHOPOEIA?

The paper will use the eschatologies in the final myths of the *Phaedo*, *Gorgias*, and the *Republic* to show how Plato, drawing on the preceding religious-philosophical tradition, made the afterlife myths part of his own philosophical project in which religious ideas and eschatological expectations are essential for his philosophical practice.

Keywords: Plato, eschatology, myth, rationalization, salvation, *Phaedo*, *Gorgias*, *Republic*

ГАЛАНИН РУСТАМ БАЕВИЧ, кандидат философских наук;
Русская христианская гуманитарная академия
(Санкт-Петербург, Россия), научный сотрудник

ТЕОЛОГИЯ ТИРАНА КРИТИЯ*

Доклад посвящен исследованию проблемы авторства сатировой драмы «Сизиф», написанной, предположительно, либо тираном Критием, либо Еврипидом. Исследуется также риторико-политический генезис религии и проблема возможности «тайного преступления» путем сопоставления с другими аналогичными античными текстами второй половины V в. до н. э.

Ключевые слова: Рациональная теология, Критий, Еврипид, софистика, добродетель

Секст Эмпирик (Adv. math. IX. 54. = В 25 DK) сохранил для нас фрагмент сочинения, которое приписывается софисту и тирану Критию. Этот фрагмент уже давно считается манифестом не только атеизма, но и, возможно, первым текстом, в котором религия является делом сугубо политическим и творением рук исключительно человеческих.

*Видеозапись
доклада:*

Тем не менее этот текст по-прежнему является весьма проблематичным, ибо, принимая во внимание свидетельства первоисточников, нет никаких действительных оснований считать, что: а) его автор — именно Критий, лидер Тридцати тиранов, б) что это фрагмент сочинения «Сизиф», в) что «Сизиф» — это сатирическая драма, г) что ее автором не является Еврипид и д) что это в самом деле манифест атеизма, а не вполне лояльная обыденным религиозным верованиям рациональная теологическая система, которая, не унижая религию, наоборот, постулирует ее неизменное благо для лютого общества.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований по проекту № 21-111-00038 «Формирование рациональной теологии в античности и раннем средневековье».

Кто бы ни был автором этого гипотетического «Сизифа», он действует как подлинный софист и ритор — воздействуя логосом и убеждением на одно из важнейших экзистенциальных переживания человека — чувство страха. Философская и моральная проблематика этого произведения всецело находится в поле интеллектуальных дебатов второй половины V в. до н. э., и одной из важнейших тем является возможность совершения преступления в тайне не только от законов, но и от богов. Как мы знаем, не кто иной, как Сократ отстаивал точку зрения, что божество, заботясь о человеке, в то же самое время прозревает все его действия и помышления (Xen. Mem. IV).

RUSTAM GALANIN, CSc in Philosophy; Russian
Christian Academy for the Humanities (Saint
Petersburg, Russia), Independent scholar

THE THEOLOGY OF CRITIAS THE TYRANT *

My report is devoted to the problem of the authorship and authenticity of the satyr-play “Sisyphus” which has supposedly been written either by Critias the Tyrant or by Euripides. Also, I am going to put under scrutiny the political and rhetorical genesis of religion shown in this satyr-play and to consider the problem of a secret crime.

Keywords: rational theology, Critias, Euripides, sophistic, arete

Sextus Empiricus (Adv. Math. IX. 54. = B 25 DK) has preserved a fragment of a work attributed to the sophist and tyrant Critias. This fragment has long been considered a manifesto not only of atheism but also, perhaps, the first text in which religion is a purely political matter and the work of men’s hands.

Nevertheless, this text is still very problematic, because, taking into account the evidence of the primary sources, there is no real reason to believe that a) its author is precisely Critias who lead the Thirty Tyrants, b) that this is the fragment of the play “Sisyphus,” c) that the “Sisyphus” is a satyr-play, d) that its author is not Eu-

* The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research, project No 21-111-00038.

ripides, and e) that it is indeed the manifesto of atheism and not a rational theological system that is completely loyal to everyday religious beliefs, which, without belittling religion, on the contrary, postulates its permanent benefit for any society.

Whoever the author of this hypothetical “Sisyphus” might have been, he acted as a true sophist and rhetorician — by influencing one of the most important existential human experiences — the feeling of fear. And he had done it using logos and persuasion. The philosophical and moral issues of the fragment in question are entirely within the scope of intellectual debate in the second half of the fifth century BC. And one of the most important topics is the possibility of committing a secret crime that would not be detected not only by the law of the city of Athens but also by the gods.

СЕКЦИЯ I: СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПЛАТОНИЗМ: ТЕОЛОГИЯ, РИТОРИКА, ЛОГИКА

ГОНЧАРКО ОКСАНА ЮРЬЕВНА, кандидат философских наук,
доцент; Русская христианская гуманитарная академия
(Санкт-Петербург, Россия), научный сотрудник

ИКОНОПОЧИТАНИЕ КАК ТЕОЛОГИЯ: ОТ ПЛАТОНА ДО ИОСИФА ВОЛОЦКОГО*

В докладе будут рассмотрены логико-теологические аспекты византийского учения об иконопочитании в период Второго иконоборчества и их рецепция на Руси в XVI вв. В рамках «схоластического» этапа развития христологии иконопочитания в Византии была сформулирована неклассическая теория тождественности, основанная на отношении подобия, которая вместе с рецепцией иконоборческих споров отражена в «Послании к иконописцу» Иосифа Волоцкого.

Ключевые слова: идеи, идолы, иконы, подобие, истинность, Второе иконоборчество, Иосиф Волоцкий

Видеозапись
доклада:

В докладе планируется представить развитие логико-теологических идей в период Второго иконоборчества в Византии VIII–IX веков прежде всего в антииконоборческих трактатах Никифора Константинопольского и Феодора Студита, а также привести примеры логической и философской терминологии, которая формиро-

* Исследование выполняется при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 18-78-10051 «Византийский фактор в формировании русской логической традиции».

валась в ходе этих полемик (икона, лицо, тождество, различие и др.) и была перенята в ходе рецепции иконоборческой и иконопочитательской проблематики на Руси в XV–XVI вв.

В византийской богословской традиции сформировалась оригинальная теология образа, в которой «икона» в связи с ее логическим устройством (отношение тождества прототипа и аналога) используется в качестве аргумента в пользу иконопочитания. Для того, чтобы разотождествить иконопочитание и идолопоклонство, Феодору Студиту пришлось дважды нарушить законы аристотелевской классической логики, предложив довольно оригинальное неклассическое ее расширение — сначала разотождествив само тождество, введя различие в само это понятие и сделав его двойственным (тождество природы и тождество ипостаси, которые предполагают различные теории истинности и поэтому не могут рассматриваться как одинаковые), а затем поддержав теологически нарушения закона непротиворечия, объясняя кажимость противоречия иконоборческим неумением различать типы тождества.

Тождество (чисто платонически) оказывается не тождественным самому себе через введение множества тождеств, что похоже на то, каким образом работали с тождеством в античных диалектических школах после Платона в рамках эпикурейской, скептической и академической традиций платоновской философии, создавая попутно неклассические неаристотелевские логики, которые условно можно характеризовать как диалектические, поскольку они в той или иной степени нарушали либо закон непротиворечия, либо бинарность логики.

В «Послании иконописцу и трёх “Словах” о почитании икон» Иосифа Волоцкого упомянуты многие византийские авторы: Иоанн Златоуст, Иоанн Дамаскин, Андрей Критский, Иосиф Песнописец, а также воспроизведен эпизод из жития Феодора Студита. Также в «Послании» воспроизводятся многие темы и аргументы, принадлежащие Феодору Студиту: аргумент от сходства и подобия в обосновании тождества ипостаси; различие тождества природы и тождества ипостаси; аргумент о транзитивности иконопочитания; аргумент от описуемости и неопишуемости Христа как человека и Бога; используются

такие логические понятия, как «признак собственный», «сходство», «тождество», «противоречие» и «непротиворечивость». В связи с чем можно сделать вывод о рецепции не только византийского богословия, но и логических идей.

OKSANA GONCHARKO, CSc in Philosophy, Associate Professor; Russian Christian Academy for the Humanities (Saint Petersburg, Russia), Researcher

ICON VENERATION AS THEOLOGY: FROM PLATO TO JOSEPH OF VOLOTSK*

The talk will be devoted to the logical and theological aspects examination of the Byzantine doctrine of icon veneration and their reception in the 16th century Russia. I will try to show that logical aspects of this theory together with the reception of iconoclastic disputes are mentioned by Joseph of Volotsk in the “Epistle on Veneration of Holy Icons.”

Keywords: ideas, idols, icons, likeness, truth, Second iconoclasm, Joseph of Volotsk

Within the talk I am going to present the logical and theological ideas development during the period of the Second Iconoclastic controversy in Byzantium in the 8th–9th centuries. I will focus on the anti-iconoclastic treatises by Nicephorus of Constantinople and Theodore the Studite and also give the examples of logical and philosophical terminology that was formed in the course of these polemics (icon, person, identity, difference, etc.) and was inherited in the 15th–16th century Russian iconoclastic polemics.

In the Byzantine theological tradition, an original theology of the image was influenced by the logic of “icon” (the identity relation of the image and its prototype). In order to de-identify the veneration of icons and idolatry, Theodore the Studite had to violate the laws of Aristotelian classical logic, proposing an original non-classical extension of it.

Identity (in the Platonic sense) turns out to be not identical to itself due to the introduction of the alternative identities, which

* The author is supported by Russian Science Foundation, project No 18-78-10051 “The Byzantine Roots of the Russian Logical Tradition.”

is rather similar to the way in which the identity was dealt with in ancient dialectical schools after Plato. Within the framework of the Epicurean, skeptical, and academic traditions of Platonic philosophy, there were created several non-classical non-Aristotelian logics, which could be characterized as dialectical, since they violated either the law of consistency or the binary nature of logic.

Many Byzantine authors are mentioned by Joseph of Volotsk in the “Epistle on Veneration of Holy Icons” (John Chrysostom, John Damascene, Andrew of Crete, Joseph the Hymnographer). Even an episode from the life of Theodore the Studite is described. Also in the “Epistle” many other Byzantine themes and arguments are reproduced: the argument from similarity; the difference between the identity of nature and the identity of the hypostasis; the argument on the transitivity of icon veneration; an argument from the descriptiveness and indescribability of Christ; such logical concepts as “attribute,” “property,” “similarity,” “identity,” “contradiction” and “consistency” are used. One can conclude that there was not only the reception of Byzantine theology, but that of the logical ideas too.

ТОНОЯН ЛАРИСА ГРАЧИКОВНА, кандидат философских наук, доцент; Русская христианская гуманитарная академия (Санкт-Петербург, Россия), научный сотрудник

«ДРЕВО ПОРФИРИЯ»: ЛОГИКА И ТЕОЛОГИЯ*

В докладе планируется рассмотреть, как логический способ родовидового деления, разработанный Аристотелем, в частности, дихотомическое деление, представленное в виде «Древа Порфирия» и многократно используемое языческими и христианскими философами, отражает теологические воззрения разных эпох.

Ключевые слова: древо Порфирия, родовидовое деление, теология, логика

* Исследование выполняется при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 18-78-10051 «Византийский фактор в формировании русской логической традиции».

*Видеозапись
доклада:*

Метод дихотомического деления Платон неоднократно использует в своих диалогах. Общеизвестным стало применение им этого метода при определении человека как двуногого существа без перьев, живущего на суше («Политик»). Аристотель в трактатах «Категории» и «Топика» разработал теорию классификации, родовидового деления сущности. Он многократно использует этот метод деления, в том числе, при определении человека как телесной, одушевленной, чувствующей, разумной, смертной сущности. Порфирий во «Введении к «Категориям» Аристотеля предложил первую известную наглядную схему классификации в виде т. н. «древа Порфирия». Эта логическая схема вполне соответствовала античному языческому мировосприятию. Античные боги в этой схеме попадали в разряд телесных, одушевленных, чувствующих, разумных, но бессмертных сущностей. Это — единственное отличие от людей. Боэций («Комментарий к Порфирию») транслировал этот способ деления в западную философскую мысль, где она много раз воспроизводилась в связи со спором об универсалиях. Но как христиане могли принять заложенное в эту схему античное мировоззрение? Ведь христианский Бог-Троица бестелесен. В «Комментарии к Порфирию» Боэций просто отмечает, что древние почитали в качестве Бога Юпитера, а Платон и другие ученые одушевляли даже солнце и другие небесные тела. В своих тео-логических трактатах Боэций указывает на ограниченность родовидового деления при разъяснении христианских догматов, в частности Троичности Бога.

В византийской философии методу родовидового деления также уделяли большое внимание. Многие исследователи трактуют пять всеобщих делений Максима Исповедника (Трудности XLI) как модифицированное древо Порфирия. Однако, делению у него подвергается лишь «тварная природа», которая здесь тождественна «сущности» Порфирия. Иоанн Дамаскин в «Источнике знаний» (Глава 47) приводит обычную схему «древа Порфирия» и пишет при этом, что по святым отцам это и есть природа, форма и субстанция человека.

Но в дальнейшем схема претерпевает самые различные изменения. Исчезает деление разумных существ на смертных и бессмертных. Зато при дихотомии сущности на телесную и бестелесную последняя в качестве духовной сущности подвергается в средневековых трактатах дальнейшему делению. В новое время мы также замечаем видоизменение «древа Порфирия», более соответствующее научным представлениям эпохи.

LARISA TONoyAN, CSc in Philosophy, Associate Professor;
Russian Christian Academy for the Humanities
(Saint Petersburg, Russia), Researcher

THE TREE OF PORPHYRY: LOGIC AND THEOLOGY*

The report considers the logical method of generic division developed by Aristotle and presented in the form of the “Porphyry Tree.” The scheme of the “Tree of Porphyry,” many times used by pagan and Christian philosophers, reflects, among other things, theological views of different eras.

Keywords: tree of Porphyry, generic division, theology, logic

ЧЕРНОГЛАЗОВ ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, кандидат филологических наук; Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), доцент

ПОНЯТИЯ «ОМОНИМИИ», «СИНОНИМИИ» И «ПАРОНИМИИ» В ПОЗДНЕАНТИЧНОЙ ГРАММАТИКЕ И ЛОГИКЕ**

Предмет доклада — трактовка терминов «омонимия», «синонимия» и «паронимия» в позднеантичной греческой логике и грамматической теории. Анализируются

* This research is supported by the Russian Science Foundation, project No 18-78-10051, “The Byzantine Roots of the Russian Logical Tradition.”

** Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 21-011-44263.

комментарии к аристотелевским «Категориям» Порфирия, Аммония и др., а также «Искусство грамматики» Дионисия Фракийского и комментарии к нему. Особое внимание уделяется дискуссиям между комментаторами «Категорий» и различиям в понимании терминов в логике и грамматике.

Ключевые слова: Античная логика, византийская логика, древнегреческая грамматическая теория, неоплатонизм, Порфирий, Дионисий Фракийский, омонимия, синонимия, паронимия

Видеозапись
доклада:

Понятия «омонимии», «синонимии» и «паронимии», определениями которых открываются «Категории» Аристотеля, активно разрабатывались в античной грамматике, логике и философии. Впоследствии, уже в византийскую эпоху, эти термины — в первую очередь *homonymon* — становятся частью теологического дискурса и используются в богословской полемике. Задача настоящего доклада — проанализировать трактовку этих трех понятий в позднеантичных греческих учебниках по логике и грамматической теории.

Из логической литературы в докладе рассматриваются, в первую очередь, комментарии к «Категориям» Аристотеля, составленные учеными-неоплатониками III–VI вв. — Порфирием, Дексиппом, Аммонием, Симпликием, Иоанном Филопоном, Олимпиодором и Илией. Из учебников по грамматике рассматривается «Искусство грамматики» Дионисия Фракийского (возможные датировки варьируются со II в. до н. э. по V в. н. э.) и корпус схолий к нему, а также комментарии к «Канонам» Феодосия, написанные Иоанном Хараксом и Георгием Хировоском. Многие из этих комментариев относятся уже к средневизантийской эпохе, но при этом восходят к утраченным позднеантичным текстам.

Наибольшее внимание в докладе уделяется комментариям к «Категориям», где термины *homonymon*, *synonymon* и *paronymon* анализируются наиболее детально. Так, помимо «синонимов» и «омонимов» вводятся соответствующие им тер-

мины «полионимы» и «гетеронимы». Разрабатывается классификация омонимов, причем у разных авторов она различна: если Порфирий пишет о пяти разновидностях омонимов («случайные» и четыре разновидности «умышленных» — «по подобию», «по аналогии», «от одной причины» и «от одной цели»), то Аммоний называет уже более десяти разновидностей, относящихся к нескольким группам. Комментаторы не во всем согласны между собой — предметом дискуссии становится, напр., соотношение омонимии и метафоры.

Трактовка рассматриваемых терминов в логике и в грамматической теории существенно различается. Наиболее заметны расхождения в понимании термина *συνουπον*. С позиций античной логики, синонимы — это вещи, совпадающие и по имени, и по соответствующему этому имени определению, а с точки зрения грамматической теории, синонимы — это имена, обозначающие одну и ту же вещь (в логике такая вещь называется «полионимом», т. е. имеющей много имен). Это и другие расхождения между грамматическим и логическим пониманием терминов рассматриваются в докладе.

DMITRI CHERNOGLAZOV, CSc in Philology; St Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia), Associate Professor

THE CONCEPTS OF “HOMONYMY,” “SYNONYMY,” AND “PARONYMY” IN LATE ANTIQUE GRAMMAR AND LOGIC*

The subject of the paper is the interpretation of the terms “homonymy,” “synonymy,” and “paronymy” in late antique Greek logic and grammatical theory. The commentaries to Aristotle’s “Categories” by Porphyry, Ammonios and others, as well as the “Art of Grammar” of Dionysios of Thrace and scholia on it are analyzed.

Keywords: Ancient logic, Byzantine logic, Ancient Greek grammatical theory, Neoplatonism, Porphyry, Dionysios of Thrace, homonymy, synonymy

* This paper is a part of the research project No 21-011-44263 funded by the Russian Foundation for Basic Research.

The concepts of “homonymy,” “synonymy,” and “paronymy,” whose definitions open Aristotle’s “Categories,” were actively developed in ancient grammar, logic and philosophy. Subsequently, already in the Byzantine era, these terms — primarily *homonymon* — become part of theological discourse. The purpose of this paper is to analyze the interpretation of these three concepts in the late antique Greek treatises and textbooks on logic and grammatical theory.

Firstly, the paper examines the commentaries on Aristotle’s “Categories” compiled by 3rd–6th cc. Neoplatonists — Porphyry, Dexippos, Ammonios, Simplikios, John Philoponos, Olympiodoros and Elias. Secondly, we consider the “Art of Grammar” of Dionysios of Thrace and the corpus of scholia to it, as well as commentaries on Theodosios’ “Introduction” written by John Charax and George Choiroboskos.

Most of the attention is paid to the comments on the “Categories,” where the terms *homonymon*, *synonymon* and *paronymon* are analyzed in the most detail. So, in addition to “synonyms” and “homonyms,” the corresponding terms “polyonyms” and “heteronyms” are introduced. A classification of homonyms is being developed, and different authors arrange it differently: e. g., while Porphyry specifies five types of homonyms (the “accidental” homonyms and four types of “intentional” ones — “by likeness,” “by analogy,” “from one reason” and “from one goal”), then Ammonios distinguishes more than ten varieties belonging to several groups. Commentators do not agree with each other on everything — the subject of discussion is, for example, the relationship between homonymy and metaphor.

The interpretation of the terms under consideration in logic and in grammatical theory differs significantly. The most notable differences concern the term *synonymon*. From the standpoint of ancient logic, synonyms are things having the same name and the same definition corresponding to this name, while from the point of grammatical theory, synonyms are names denoting the same thing (in logic, such a thing is called a “polyonym,” i. e. having many names). This and other discrepancies between grammatical and logical understanding of the terms are discussed in the paper.

ВОРОБЬЕВ ВАЛЕРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ, кандидат философских наук; Русская христианская гуманитарная академия (Санкт-Петербург, Россия), научный сотрудник

ИОАНН ДАМАСКИН.

«ВВЕДЕНИЕ В ОСНОВЫ ДОГМАТИКИ»*

В докладе рассмотрен перевод логико-философского труда Иоанна Дамаскина «Введение в основы догматики» на современный русский язык. Сделан анализ важнейших логических терминов, использованных при переводе.

Ключевые слова: Иоанн Дамаскин, Диалектика, прецикации, Порфирий

Один из отцов православной церкви Иоанн Дамаскин (ок. 675 — ок. 750) известен своими философскими, богословскими и литургическими произведениями. Среди них две работы, которые считаются логическими, это «Диалектика» и «Введение в догматы» (точнее «Введение в основы догматики»). Это произведение может рассматриваться как некоторый словарь (состоит из 10 глав) для использования в качестве определений терминов при чтении «Диалектики» (в которой 68 глав) и некоторых других трактатов.

Видеозапись доклада:

В докладе предлагается анализ некоторых из этих логико-философских терминов в переводе «Введения» на современный русский язык, опубликованном в 2002 г. с учетом того, что этот перевод — первый и единственный. Во «Введении» Иоанн рассматривает те же основные термины, что и в «Диалектике»; перечислим их с переводами, которые даны автором текста 2002 г. Д. Чепелем: «ousia» («сущность»); «physis» («природа»); «morphē» (форма); «hypostasis» (ипостась); «prosopon» (лицо); «atomos» (индивид); «diaphora» (видовое отличие); «poiotes» (качество); «idioma» (особенное свойство); «ousiodes» (существенный признак); «epousiodes» (привходящий признак);

* Исследование выполняется при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 18-78-10051 «Византийский фактор в формировании русской логической традиции».

«symbebekos» (случайный признак, акциденция); «genos» (род); «eidos» (вид). Мы видим, что здесь имеются все пять предикабиллий Порфирия: род, вид, различающий признак (иногда переводят «видовое отличие»), собственный признак, привходящий признак. Однако в переводе его автор использовал несколько иные термины. В частности, он перевел «epousiodes» как «привходящий признак», что, на наш взгляд неточно, так как «привходящий признак» у Порфирия и Аристотеля это «symbebekos», а этот термин он перевел как «случайный признак», что также неточно. Однако по сравнению с переводами «Диалектики» мы видим здесь существенный шаг вперед в отношении точности перевода логических терминов.

В целом, наличие перевода «Введения в основы догматики» является дополнительным аргументом необходимости существенной переработки перевода «Диалектики» Иоанна Дамаскина на русский язык.

VALERY VOROBYEV, CSc in Philosophy; Russian Christian Academy for the Humanities (Saint Petersburg, Russia), Researcher

JOHN OF DAMASCUS.

*INSTITUTIO ELEMENTARIS AD DOGMATA**

The report concerns the contemporary Russian translation of logical and philosophical work «Institutio elementaris ad dogmata» by John Damascene. The most important terms used in the translation are analysed.

Keywords: John Damascene, Dialectica, predicables, Porphyry

One of the Fathers of the Orthodox Church, John Damascene (c. 675 — c. 750), is known for his philosophical, theological and liturgical works. Among them there are two works that are considered logical. They are “Dialectics” and “Introduction to dogmata” (more precisely, “Introduction to the Foundations of Dogmatics”). This work can be considered as a kind of dictionary providing the definitions of terms used within “Dialectics.”

* The author is supported by Russian Science Foundation, project No 18-78-10051 “The Byzantine Roots of the Russian Logical Tradition.”

The report offers an analysis of some of these logical and philosophical terms and their Russian equivalents used in the translation of the “Introduction” into modern Russian published in 2002. Taking into account that this translation is the first and the only one, one could argue that it is the only modern interpretation of logical terminology by our time. In the “Introduction,” the same basic terms as in the “Dialectic” are dealt with. I am going to list and interpret them within my talk. One can see that there are all the terminology given by Porphyry: a genus, a species, a distinguishing characteristic (sometimes translated as “species difference”), a property, an accident. However, in the Russian translation there were used the slightly different terms. In particular, “epousiodes” was interpreted as an “accidental feature,” which, in our opinion, is inaccurate, since Porphyry and Aristotle’s “accidental feature” is “symbebekos.”

However, in comparison with the translations of “Dialectics,” we see here a significant step forward in terms of the accuracy of the translation of logical terms. In general, a translation of the “Introduction to the Foundations of Dogmatics” is an additional argument for the necessity of terminology revision in this case.

МАКОВЕЦКИЙ ЕВГЕНИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ, доктор философских наук; Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), профессор; Социологический институт РАН (Москва, Россия), ассоциированный научный сотрудник

«ВИДЕНИЕ ЕВЛОГИЯ» В КОНТЕКСТЕ ПОЛЕМИКИ С ИКОНОБОРЦАМИ*

В докладе будут проанализированы сюжет (по тексту ВМЧ. Вып. 14. Дек. День 31. Стб. 2566–2569) и иконография «Видения Евлогия» (фрески в соборе Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря, в церкви Св. Николая монастыря Иошаница; большие местные образы из Тихвинского монастыря и из Введенской церкви Сольвычегодска: на основании анализа, проведённо-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00371.

го Н. В. Квливидзе) в контексте интерпретации образа в рамках «символической теории» (П. Александер).

Ключевые слова: Видение Евлогия, Евлогий Скитский, Леонтий Кипрский, Четьи-Минеи, Скитский Патерик

Обстоятельства, позволяющие интерпретировать Видение в контексте иконоборческих споров:

1. В Видении содержится своего рода апология вещества. Отношение к веществу, материи, играло ключевую роль в спорах об изображениях, начиная со времён апологетов [1]. В Видении вещество присутствует в виде ангельских даров и наград: золото, серебро, медь, хлеб (просфоры целые и укрухи), миро, ладан. Более того, виды вещества иерархически сопоставлены монашеским добродетелям [2], [6], [7].

2. В Видении присутствует сюжет с иерархией даров, связанный с отсутствием/присутствием изображений на медных монетах [2]. Сюжет с образами на медяках и непосредственно отсылает к иконоборческой проблематике, и относится к сюжету о характере и имени на иконе [5] и к проблематике соотношения слова и образа, отсылающей, возможно, к полемике с языческой философией [ср. 3].

3. В Видении содержится сюжет о потерянных дарах теми, кто увлекается эллинскими книгами и учениями. Здесь прослеживаются следы полемики с язычниками, имевшей место в том числе в рамках формирования аргументации иконопочитания.

4. Косвенным доказательством является аналогическая близость сна и символического изображения: сон и изображение требуют внимательной интерпретации, приводящей к единственному верному результату.

5. Косвенным доказательством близости сюжета Видения к иконофильской проблематике является тот факт, что Евлогий Скитский входил в окружение свт. Иоанна Милостивого, в которое также входил еп. Леонтий Кипрский, автор важного иконофильского сочинения.

Включение Видение Евлогия в контекст иконофильской аргументации позволяет получить дополнительное свидетель-

ство о природе транзита символического отношения к образам от языческой аргументации в защиту статуй к христианскому иконопочитанию [8 и 4].

Литература

1. Афинагор Афинянин. Предстательство за христиан // Раннехристианские апологеты II–IV веков: Переводы и исследования. М.: Ладомир, 2000. С. 45–79.

2. Великие Минеи Чети, собр. Всерос. митр. Макарием / Изд. Археограф. Комиссией. Вып. 14, тетр. 1. Декабрь, день 31. М., 1914. Стб. 2566–2569.

3. Византийские легенды / Издание подготовила С. В. Полякова. Л.: Наука, 1972. С. 126

4. Квливидзе Н. В. «Видение Евлогия» в росписи собора Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря // Древнерусское и поствизантийское искусство. Вторая половина XV — начало XVI века. Сб. статей. М.: Северный Паломник, 2005. С. 294–301.

5. Лурье, В. М., Баранов В. А. История Византийской философии. Формативный период. СПб.: Аxióma, 2006. С. 407–486.

6. Отечникъ. Рассказы о жизни святых подвижников. Изд. 5-е. М.: ДАРЪ, 2009. С. 154

7. Покровский Н. В. Сийский иконописный подлинник. СПб., 1897. Вып. 3. С. 117–118.

8. Alexander Paul J. The Patriarch Nicephorus of Constantinople. Ecclesiastical policy and image worship in the Byzantine Empire. Oxford, 1958.

EUGENE MAKOVETSKY, DSc in Philosophy; St Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia), Professor; Sociological institute of the Russian Academy of Science (Moscow, Russia), Associate Research Fellow

VISION OF ST EULOGIOS IN THE CONTEXT OF THE ICONOCLAST CONTROVERSY*

I will analyze the subject and iconography of Vision of St. Eulogios in the context of the interpretation of the image within the framework of the “symbolic theory” (P. Alexander).

* This report is part of the research project № 19-011-00371 funded by the Russian Foundation for Basic Research.

Keywords: Vision of St. Eulogios, Leontios of Neapolis, The Great Menaion Reader, Patericon

Circumstances that allow us to interpret the Vision in the context of iconoclastic disputes:

1. The Vision contains a kind of apology for the substance. The relationship to matter has played a key role in the debate about images since the time of the apologists. In the Vision, the substance is present in the form of angelic gifts: gold, silver, copper, bread, myrrh, incense. Moreover, the types of substance are hierarchically correlated with the monastic virtues.

2. In the Vision there is a plot about a hierarchy of gifts associated with the absence/presence of images on copper coins. The plot with the images on the coppers directly refers to the iconoclastic problem, and refers to the plot about the character and name on the icon, and to the problem of the relationship between the word and the image, referring perhaps to the polemic with pagan philosophy.

3. The Vision contains a story about lost gifts by those who are interested in Hellenic books and teachings. Here there are traces of a polemic with pagans, which took place within the framework of the formation of the argumentation of iconoduly.

4. An indirect proof is the analogical proximity of the dream and the symbolic image: the dream and the image require careful interpretation, leading to the only correct result.

5. An indirect proof of the proximity of the plot of the Vision to the iconophilic problems is the fact that St. Eulogios was a member of the entourage of the St. John the Merciful, which also included Leontios of Neapolis, author of an important iconophilic work.

The inclusion of the Vision of St. Eulogios in the context of iconophilic argumentation provides additional evidence about the nature of the transit of the symbolic attitudes to images from pagan arguments in defense of statues to Christian iconophily.

СПИРИДОНОВА ЛИДИЯ ВАЛЕНТИНОВНА, кандидат исторических наук; Русская христианская гуманитарная академия (Санкт-Петербург, Россия), научный сотрудник

КУРБАНОВ АНДРЕЙ ВИКТОРОВИЧ, кандидат исторических наук; Русская христианская гуманитарная академия (Санкт-Петербург, Россия), научный сотрудник

ЛОГИКИ КРУГА ГЕРАСИМА ВЛАХА*

Герасим Влах (1605/7–1685) — один из самых ярких и плодотворных греческих интеллектуалов XVII в. В докладе показывается, что компендиум по логике Герасима Влах послужил образцом для многих его учеников и последователей, создавших свои собственные пособия по логике для основанных ими школ. Сходство между этими учебники настолько сильное, что можно даже говорить о том, что ученики адаптировали курс своего учителя.

Ключевые слова: Герасим Влах, Софроний Лихуд, Георгий Сугдурис, Георгий Хрисогон, логика XVII в.

В поисках возможных источников издаваемого нами текста логического компенидума Софрония Лихуда мы обнаружили, что первое сочинение из этого сборника поразительно схоже с изданным учебником ученика Герасима Влах — Георгия Сугдуриса (Γεώργιος Σουγδουρής, Εἰσαγωγή Λογική: ἤτοι προδιόκησις εἰς ἅπασαν τὴν λογικὴν μέθοδον τοῦ Ἀριστοτέλους, Βιέννη, 1792), и такого последователя Герасима Влах как Георгия Хрисогона (опубл. только начало: Triantari-Mara, S. The contribution of scholars from Trebizond to the education in the Paradanubian Hegemonies: Politics, Ethics and Logic in the philosophy of George Chryssogonos of Trebizond. Ἀθήναι, 2003, pp. 149–155). Благодаря описанию В. Татакисом рукописи Marc. gr. IV. 60 (Τατάκης, Β. Γεράσιμος Βλάχος ο Κρής (1605/7–1685), φιλόσοφος, θεολόγος, φιλόλογος. Βενετία, 1973, σ. 96–133), содер-

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 18-78-10051 «Византийский фактор в формировании русской логической традиции».

жащей одно из логических сочинений Герасима Влаха, и последующего знакомства с самой рукописью, нам стало очевидно, что второе произведение Софрония Лихуда, включённое в компендиум по логике, имеет аналогичную структуру и даже буквально копирует из него определения и примеры. В этой связи, нам показалось возможным предположить, что и весь логический компендиум Софрония Лихуда был создан по образцу подобного сборника логических сочинений знаменитого критского дидаскала, сочинения которого, как мы знаем, Лихуды активно использовали в своей педагогической практике, и очевидно почитали как своего учителя. Во время пребывания братьев Лихудов в Венеции, они обучались у самого Герасима Влаха, преподававшего в школе греческой диаспоры, а в Падуде они слушали лекции племянника Герасима Влаха — Арсения Каллудия, возглавлявшего Коттунианский коллегиум. После поиска и атрибуции сочинений Герасима Влаха, до сих пор не изданных, мы пришли к выводу, что Софроний Лихуд, а также другие ученики Герасима Влаха, адаптировали курс Герасима Влаха к программе своих школ.

LYDIA SPYRIDONOVA, CSc in History; Russian
Christian Academy for the Humanities (Saint
Petersburg, Russia), Research Assistant

ANDREY KURBANOV, CSc in History; Russian
Christian Academy for the Humanities (Saint
Petersburg, Russia), Research Assistant

LOGIC'S MANUALS OF THE CIRCLE OF GERASIMOS VLACHOS*

Gerasimos Vlachos (1605/7–1685) — one of the most brilliant and prolific Greek intellectuals of the 17th century. The report shows that the compendium on logic by Gerasimos Vlachos

* This paper is a part of the research project No 18-78-10051 funded by the Russian Scientific Foundation.

served as a model for his students and followers, who created their own manuals on logic for the schools they founded.

Keywords: Gerasimos Vlachos, Sophronios Leichoudes, George Sougdouris, George Chrysogon, logic of the 17th century

In our search for possible sources for the text of Sophronios Leichoudes' logical compendium, we found that the first work from this collection is strikingly similar to the published textbook of Gerasimos Vlachos's student, George Sougdouris,¹ and also similar to the logical manual of a follower of Gerasimos Vlachos, George Chrysogon.² The description of the codex Marc. gr. IV. 60, containing one of the logical works of Gerasimos Vlachos,³ and subsequent acquaintance with the manuscript itself, pushed us to think that the second work of Sophronios Leichoudes, included in the compendium on logic, has a similar structure and contains the literal borrowings from Gerasimos Vlachos' logical works. In this connection, we thought that it is possible to assume that the entire logical compendium by Sophronios Leichoudes was created on the model of a similar collection of logical works by the famous Cretan didascalos. During the stay of the Leichoudes brothers in Venice, they studied under Gerasimos Vlachos himself, who taught at the school of the Greek Diaspora; in Padua, they attended the courses of Gerasimos Vlachos's nephew — Arsenius Calludius, who headed the Cottunian Collegium. After searching and attributing the works of Gerasimos Vlachos, which have not yet been published, we concluded that Sophronios Leichoudes, as well as other students of Gerasimos Vlachos, adapted the course of Gerasimos Vlachos to the curriculum of their schools.

¹ Γεώργιος Σουγδουρής, *Εισαγωγή Λογική: ἤτοι προδιοικήσις εἰς ἅπασαν τὴν λογικὴν μέθοδον τοῦ Ἀριστοτέλους*. Βιέννη, 1792.

² The beginning of the text is published: Triantari-Mara, S. *The contribution of scholars from Trebizond to the education in the Paradanubian Hegemonies: Politics, Ethics and Logic in the philosophy of George Chrysogonos of Trebizond*. Ἀθήναι, 2003, pp. 149–155.

³ Τατάκης, Β. *Γεράσιμος ο Βλάχος Κρής (1605/7–1685), φιλόσοφος, θεολόγος, φιλόλογος*. Βενετία, 1973, σ. 96–133.

ХМАРА ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ, Русская христианская гуманитарная академия (Санкт-Петербург, Россия), ассистент

СОЦИАЛЬНАЯ ТОПОЛОГИЯ ПОЗДНЕАНТИЧНОЙ АЛЕКСАНДРИЙСКОЙ МЫСЛИ

В докладе будет осуществлена попытка при опоре на исследовательский потенциал социальной топологии рассмотреть становление философско-богословской мысли Александрии II–IV века нашей эры. При этом под социальной топологией понимается «описание

*Видеозапись
доклада:*

пространственно-временных параметров социального бытия, порождающихся в ходе телесного взаимодействия». Раскрытие характера подобного взаимодействия, описание устойчивых связей между его объектами может иметь эвристический потенциал при интерпретации философии и богословия александрийцев.

Ключевые слова: социальная топология, социальное пространство, Александрийская философская школа

IGOR KHMARA, Russian Christian Academy for the Humanities (Saint Petersburg, Russia), Postgraduate

SOCIAL TOPOLOGY OF THE LATE ANTIQUA ALEXANDRIA THOUGHT

The author is going to consider the development of philosophical and theological thought in the city of Alexandria in the 2nd and 4th centuries AD. The study will be carried out using the methodological potential of social topology. The social topology is a description of space and time parameters of social being, which implement in the bodily interactions process. This approach may be fruitful for the interpretation of the Alexandrian thought.

Keywords: social topology, social space, the philosophical school of Alexandria

СЕКЦИЯ 2: ПЛАТОНИЗМ В ИСТОРИИ ИСКУССТВА

РЯПОЛОВ СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ, кандидат философских наук; Московский государственный институт культуры (Химки, Россия), старший преподаватель

ПЛАТОНИЧЕСКИЕ МОТИВЫ У И. С. ТУРГЕНЕВА

И. С. Тургенев, вобравший в свое мироощущение характерные для его эпохи противоречия: славянофильство и западничество, идеализм и скептицизм, вера и безверие, был, по словам П. Б. Струве, «оригинальным и свободным умом, а потому и настоящим мыслителем», как и многие его современники, испытал существенное влияние немецкого идеализма, которое привело его к платонизму, столкнувшемуся с уже отмеченными противоречиями в воззрениях писателя.

Ключевые слова: Русский платонизм, русская литература, русская философия, И. С. Тургенев

Русская религиозная философия XIX в., которую, по-видимому, можно рассматривать как оригинальное направление платонической традиции, сформировалась в некотором соединении немецкого идеализма и православного богословия, философии и мистики, и, вероятно, потому, как пророчески отмечал о. Феофан (Авсенеv), «отвлеченные диалектические умозрения, подобные немецким, едва ли примутся на почве нашего духа <...> у нас едва ли разовьется и чисто эмпирическая философия, подобная английской <...> философия у нас будет иметь характер преимущественно религиозный» [1, с. 196].

И. С. Тургенев, как и многие его современники, испытал существенное влияние немецкого идеализма, и, вероятно, увлечение Гегелем и гегельянством привело его к платонизму, ко-

торый столкнулся с уже отмеченными противоречиями в воззрениях И. С. Тургенева. П. Б. Струве писал: «Тургенев был вообще оригинальным и свободным умом, а потому и настоящим мыслителем. Чем был Тургенев как мыслитель? Представьте себе поэтический дух Платона во власти или, вернее, под властью скептицизма — и вы получите Тургенева» [3, с. 282]. Так, у И. С. Тургенева парадоксально уживаются скептицизм и идеализм. «Идеалист Тургенев ничего не идеализировал» [3, С. 283].

П. Б. Струве писал: «...во всем сомневающийся, ничего не утверждающий, Тургенев все-таки как-то проникся платонизмом <...> Тургенев чаял высший мир идей-образцов и — целомудренно боялся верить в них и прикидывать к ним жалкие тени подлунного бытия. Это странное сочетание стремления ввысь, в мир вечных “идей” с трезвым, а подчас и разъедающим анализом низменной действительности ярко сказалось и в художественном творчестве, и в политическом мышлении Тургенева» [3, с. 282].

П. Б. Струве писал: «Тургеневские “Стихотворения в прозе” являются книгой, в которой выразился *весь* Тургенев с его двойственным ликом — платоника и скептика, художника-пессимиста, проникнутого не просто грустью, но подлинной скорбью, составленной из непреклонного идеализма и беспощадного реализма» [3, с. 282–283]. Возможно, в этом противоречии и обнаруживаются некоторые корни тургеневского трагизма и его особенного отношения к человеку. И. С. Тургенев писал: «Я преимущественно реалист и более всего интересуюсь живой правдой людской» [3]. Для И. С. Тургенева дорого все человеческое, каждый человек с его уникальностью и неповторимостью.

Литература

1. Авсенов П. С. Из записок по психологии. СПб., 2008.
2. Зеньковский В. В. Мирозерцание И. С. Тургенева URL: <http://www.rp-net.ru/book/articles/bogoslovie/zn-turgenev.php>
3. Струве П. Б. И. С. Тургенев как политический мыслитель // Patriotica: Россия. Родина. Чужбина. СПб., 2000. С. 282–288.

SERGEY RYAPOLOV, CSc in Philosophy; Moscow State Institute of Culture (Khimki, Russia), senior lecturer

PLATONIC MOTIFS IN THE WORKS OF IVAN TURGENEV

Ivan Turgenev, who absorbed the contradictory characteristics of his era into his worldview: Slavophilism and Westernism, idealism and skepticism, faith and disbelief, like many of his contemporaries, experienced a significant influence of German idealism, which led him to Platonism. The latter, in its turn, faced the already noted contradictions in the views of the writer.

Keywords: Russian Platonism, Russian literature, Russian philosophy, Ivan Turgenev

Russian religious philosophy of the 19th century, which, apparently, can be considered as the original direction of the Platonic tradition, was formed in a certain combination of German idealism and Orthodox theology, philosophy, and mysticism, and because, as Archimandrite Theophan (Avsenev) prophetically noted, “abstract dialectical speculations like the German ones are unlikely to be accepted on the basis of our spirit <...> we are unlikely to develop a purely empirical philosophy like the English one <...> philosophy will be mainly religious in character” [1, p. 196]. I. S. Turgenev, like many of his contemporaries, was significantly influenced by German idealism, and probably his fascination with Hegel and Hegelianism led him to Platonism, which faced the already noted contradictions in the views of I. S. Turgenev. P. B. Struve wrote: “Turgenev was generally an original and free mind, and therefore a real thinker. What was Turgenev as a thinker? Imagine the poetic spirit of Plato in the power, or rather, under the power of skepticism — and you will get Turgenev” [3, p. 282]. Thus, Turgenev paradoxically combines skepticism and idealism. “The idealist Turgenev did not idealize anything” [3, p. 283].

Struve wrote: “...doubting everything, asserting nothing, Turgenev nevertheless somehow became imbued with Platonism <...> Turgenev hoped for a higher world of ideas-models was chastely afraid to believe in them and to estimate them as the pitiful shadows of sublunar existence. This strange combination of striving upward, into the world of eternal “ideas” with a sober, and sometimes

corrosive analysis of low reality, clearly affected both the artistic creativity and the political thinking of Turgenev” [3, p. 282].

Perhaps this contradiction reveals some of the roots of Turgenev’s tragedy and its special relationship to human: “I am mainly a realist and most of all I am interested in the living truth of people” [3]. For Turgenev cherishes everything human, every person with his uniqueness.

References

1. *Avsenev P. S.* Iz zapisok po psikhologii. St Petersburg, 2008.
2. *Zen’kovskij V. V.* Mirosozerczanie I. S. Turgeneva. URL: <http://www.rp-net.ru/book/articles/bogoslovie/zn-turgenev.php>
3. *Struve P. B.* I. S. Turgenev kak politicheskij myslitel’ // Patriotica: Rossiya. Rodina. Chuzhbina. St Petersburg, 2000. P. 282–288.

ДЯТЛОВА ДАРЬЯ ДМИТРИЕВНА, независимый исследователь

ИГРА КАК ФИЛОСОФСКОЕ ЗАНЯТИЕ В ПРОИЗВЕДЕНИИ ГЕРМАНА ГЕССЕ «ИГРА В БИСЕР»

*Видеозапись
доклада:*

Целью данного доклада является анализ взглядов Германа Гессе на необходимость вынесения философского знания и философского поиска за пределы реального мира в его произведении «Игра в бисер». В работе рассматривается аллегория государства Касталия на примере мифа о пещере Платона.

Ключевые слова: философский поиск, философское познание, немецкая литература, платонизм, благо

DARIA DIATLOVA, independent scholar

GAME AS A PHILOSOPHICAL ACTIVITY IN THE NOVEL OF HERMANN HESSE “THE GLASS BEAD GAME”

The purpose of this report is to analyze the views of Hermann Hesse on the need to take philosophical knowledge and philosophical search beyond the real world in his work “The Glass Bead Game.” The article examines the allegory of the republic of Castalia on the example of the myth of Plato’s cave.

Keywords: philosophical seeking, philosophical perception, German literature, Platonism, wheel

НАРОВЕЦКИЙ МАКСИМ АЛЕКСЕЕВИЧ, кафедра философии
ДВО РАН (Владивосток, Россия), аспирант

Хроники Нарнии: Платоновский миф или история Христа?

«Хроники Нарнии» К. С. Льюиса традиционно толкуются как история Искупления Иисуса Христа. При этом сам Льюис соединяет в своем романе и христианскую идею и аллюзии на мифические образы Платона, подчеркивая тем самым наличие общего основания двух теологических доктрин.

Ключевые слова: Хроники Нарнии, К. С. Льюис, Платон, искупление Иисуса Христа, моральный закон

«Хроники Нарнии» Льюиса — это взгляд, показывающий, что платонизм не является камнем преткновения христианства. При этом между теологией Платона и христианством есть не только параллели, но и прямые доктринальные различия.

*Видеозапись
доклада:*

Очевидно, что Льюис изображает воскресших в Нарнии как преобразованных телесно и духовно, превращенных в форму, соответствующую Образу Христа. Преображенные должны соответствовать жизни будущего века, которая еще не наступила. Очевидно также, что будущее телесное воскресение в христианстве не совместимо с платоновской идеей о возвращении души в изначальное состояние. Движение вперед к будущему, казалось бы, противостоит движению в исходное состояние первообраза.

И кажущееся противоречие может быть устранено, если мы ответим на вопрос, является ли идея Блага первообразом божества? Ответ Платона содержится в известной Дилемме Евтифрона. Благо заложено в природе Бога, он не выше и не ниже Его. Льюис согласен с Платоном, и полагает, что извечный закон добра и справедливости — это то, что хранит и исполняет Бог, а также то, что позволяет называть природу Бога божественной.

Поэтому, Льюис полагает, что извечный закон Блага у Платона вполне совместим христианской моралью.

Преображение души в христианстве (обретение истинной божественной природы), как и возвращение ее к первообразу у Платона (возвращение к истинной природе) — это общий путь, Льюис называет его Дао, у которого есть два однонаправленных направления. «Дальше вверх и дальше вглубь» — лозунг главного героя Хроник, Аслана, образа Иисуса Христа. Путь вглубь — возвращение души к своим истокам к созерцанию Блага — богопознанию. Путь вверх — преобразование и богоуподобление. Богопознание невозможно без богоуподобления.

Христос воплощенный Бог, Благо в его природе. Преображение предполагает обретение божественной природы, лишь тогда будет возможным ее постижение и понимание Блага. Христианство открывает человеку закон порядка и добра через общение с личностным Богом, открывая тем самым путь к богопознанию и познанию Блага. Преображенный видит идеи в ясном свете, и видит все то, что скрыто от духовных очей отвернувшихся от Бога.

МАКСИМ НАРОВЕТСКИЙ, Department of Philosophy, FEB
RAS (Vladivostok, Russia), Researcher

THE *CHRONICLES OF NARNIA*: A PLATONIC MYTH OR THE STORY OF CHRIST?

The *Chronicles of Narnia* C. S. Lewis has traditionally been interpreted as the story of the Atonement of Jesus Christ. At the same time, Lewis himself integrates the Christian idea and allusions to the mythical images of Plato in the work, thereby emphasizing the presence of a common basis for the two theological doctrines.

Keywords: Chronicles of Narnia, C. S. Lewis, Plato, atonement of Jesus Christ, moral law

Lewis' *Chronicles of Narnia* is a view that shows that Platonism is not the stumbling block of Christianity. At the same time, there are not only parallels between Plato's theology and Christianity, but also direct doctrinal differences.

Lewis depicts the resurrected in Narnia as transformed physically and spiritually, transformed into a form corresponding to the Image of Christ. The transfigured must correspond to the life of the future age, which has not yet come. The future bodily resurrection in Christianity is not compatible with the Platonic idea of the return of the soul to its original state. The movement forward to the future, it would seem, is opposed to the movement to the initial state of the prototype.

And the apparent contradiction can be eliminated if we answer the question, is the idea of the Good the prototype of the deity? Plato's answer is contained in the famous Dilemma of Euthyphro. The good is inherent in the nature of God, he is neither above nor below Him. Lewis agrees with Plato, and believes that the eternal law of good and justice is what God preserves and fulfills, as well as what allows us to call the nature of God divine. Therefore, Lewis believes that Plato's eternal law of Good is quite compatible with Christian morality.

The transformation of the soul in Christianity (finding the true divine nature), as well as its return to the original image in Plato (returning to the true nature) is a common path, Lewis calls it the Tao, which has two unidirectional directions. "Further up and further down" is the slogan of the main character of the *Chronicles* Aslan the image of Jesus Christ. Christ is God incarnate, the good is in his nature. The path to the deep is the return of the soul to its origins, to the contemplation of the Good — the knowledge of God. The way up is transfiguration and God-likeness. God-knowledge is impossible without God-likeness. Transformation presupposes the acquisition of divine nature, only then will it be possible to comprehend it and understand the Good.

ИСМИЕВА ВАЛЕРИЯ МАМЕДОВНА, кандидат филологических наук, доцент; Институт мировых цивилизаций (Москва, Россия), доцент

**ОПЫТ ВОСХОЖДЕНИЯ К ЭЙДЕТИЧЕСКОМУ:
ПЛАТОНОВСКИЕ МОТИВЫ В ПОЭМЕ
А. ТАВРОВА «ПРОЕКТ ДАНТЕ» (2014)**

В докладе рассмотрены несколько топосов «Проекта Данте», которые генетически связаны не только с «Комедией» Данте, но с учением Платона об эйдосах, а также с идеей восхождения к Благу, поиска соответствия между именем и сущностью вещи, прояснению эйдетического в мире феноменов, структурой мироустройства, метафорой как возможностью выражения непостижимого и невербализуемого в строгих научных терминах опыта.

Ключевые слова: Проект Данте, Андрей Тавров, эйдос, метафора, метаметафора

Поэма «Проект Данте» отсылает и названием, и содержательно, к «Божественной Комедии» Данте Алигьери, ключевым вектором которой является движение к знанию как постижению высшего Блага. В докладе рассмотрены несколько топосов «Проекта Данте», генетически связанных с произведением Данте и с учением Платона.

В поэме Таврова 7 книг-циклов, в каждом из которых совершается восхождение к 7 небесным сферам планет — трансцендируется освобождение от тяжести земли и страстей, ограниченности восприятия. Основным содержанием является поиск единства во всем, стадийного восхождения из мира феноменов к сфере эйдетического. При этом выявлено сходство со структурой мироустройства, отраженной в «Видении Эра», а также — более опосредованно — с некоторыми положениями «Тимея». Для Таврова принципиально важным является поиск соответствия между именем вещи и её сущностью; в то же время в его позиции присутствует и Платоновское понимание несводимости сущности вещи к её именованию. Сложность постижения содержания поэмы «Проект Данте» заключается в её метафоричности, вместе с тем отмечается,

что метаметафора проявляет способность выразить связь единого со всеобщим, выявить принципиальную несводимость вещи со всей присущей ей конкретикой к материальному, физическому субстрату. Подобно тому, как зрение Данте в «Комедии» последовательно очищается от «затемнений», мешающих видеть истинный свет Блага, лирический герой «проекта Данте» восходит через семь сфер, небо звёзд и Эмпирей к несубстанциальному постижению Блага. Подобно тому, как для Платона метафора (особенно метафора Пещеры) служит наглядным отражением стадийного прояснения содержания эйдетического вплоть до уровня, непостижимого с позиции «хоратон» и невербализуемого в строгих научных терминах опыта, Тавров проводит своего Ахилла от понимания множественности личного опыта (метафорой которого является множество ахиллов) к постижению сущностного единства источника феноменального мира.

VALERIYA ISMIYEVA, CSc in Philosophy, Associate Professor; Institute of World Civilizations (Moscow, Russia), Associate Professor

**THE EXPERIENCE OF ASCENT TO THE EIDETIC:
PLATONIC MOTIFS IN ANDREY TAVROV'S
ПОЕМ *THE DANTE PROJECT* (2014)**

The report examines several topos of the *Dante Project*, which are genetically related to Plato's teaching about eidos, as well as to the idea of ascending to the Good, finding a correspondence between the name and the essence of a thing, clarifying the eidetic in the world of phenomena, the structure of the world order.

Keywords: *Dante Project*, Andrey Tavrov, eidos, metaphor, metametaphore

The poem “Dante’s Project” refers both in name and content to the “Divine Comedy” of Dante Alighieri, the key vector of which is the movement towards knowledge as the comprehension of the highest Good. The report examines several topos of the “Dante Project” that are genetically related to the work of Dante and to the teachings of Plato.

In the poem of Tavrov, 7 books-cycles, each of which ascends to the 7 celestial spheres of the planets, transcends the liberation from the gravity of the earth and the passions, the limitations of perception. The main content is the search for unity in the universal, a stadial ascent from the world of phenomena to the eidetic sphere. At the same time, there are similarities with the structure of the world order reflected in the “Vision of Er,” as well as — more indirectly — with some provisions of the “Timaeus.” For Tavrov it is fundamentally important to find a correspondence between the name of a thing and its essence; at the same time, in his position, there is also a Platonic understanding of the irreducibility of the essence of a thing to its naming. The difficulty of comprehending the content of the poem “Dante’s Project” lies in its metaphorical nature.

ГРАВИН АРТЁМ АНДРЕЕВИЧ, кандидат технических наук;
Социологический институт РАН Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН
(Санкт-Петербург, Россия), научный сотрудник

ЯВЛЕННОСТЬ И НЕЯВЛЕННОСТЬ В ЯЗЫКОВЫХ ПРАКТИКАХ МЛАДОСИМВОЛИЗМА*

*Видеозапись
доклада:*

В рамках данного доклада будет рассмотрено понимание религиозного и поэтического языка в теоретических изысканиях младосимволистов Вяч. И. Иванова и А. Белого; будут выделены лингвофилологические аспекты понятий «символ» и «метафора» в перспективе теории предикативности Л. А. Гоготишвили.

Ключевые слова: Символизм, символ, метафора, религиозный язык, поэтический язык

Для Серебряного века характерно, что измерение естественного и идеального языков пересекались не только метафизически, но и непосредственно-культурологически. Отчасти поэтому при исследовании интеллектуальной культуры Сере-

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 18-18-00134, «Наследие византийской философии в русской и западноевропейской философии XX–XXI вв.».

бряного века вопрос о языке и статусе его базовых структур (таких как символ (в первую очередь), имя, метафора и т. д.) становится фундаментальным, а лингвофилософский анализ оказывается способным показать перспективу исторического и смыслового становления отечественной интеллектуальной и художественной культуры.

В этом смысле вторая волна русского символизма (младосимволизм) открывает культурный апогей эпохи и потому оказывается показательной с точки зрения логики этого самого исторического становления отечественной религиозно-философской и поэтической мысли. В рамках данной работы планируется рассмотреть лингвофилософские особенности двух направлений в развитии символизма, представленные двумя фигурами младосимволистов: Вячеслав Иванов и Андрея Белый.

Поэтическое или мистическое говорение о реальности ввиду собственной декламируемой над-естественности включает в себе ряд вопросов: дана ли непосредственно в реальности для говорящего полнота бытия? Есть ли реалии, скрытые в данный момент от взора познающего и говорящего субъекта? И есть ли реалии, которые оказываются абсолютно неявленными и принципиально невыразимыми в языке?

При выделении ряда лингвофилософских характеристик дискурса русской философии начала XX века, таких как операциональность (или энергичность) и антиномизм адекватности выражения и выражаемого, где статус выражаемого (явленность/неявленность) во-многом определяет сам подход того или иного автора к символизму, оказывается возможным сконструировать классификацию русского символизма как такового и показать его основные тенденции. Так, оказывается возможным продемонстрировать, что различное представление о символе в свете его предикативно-субъектной структуры, способно порождать различные тенденции в символизме, связанные со склонностью к дуалистической референции (Вячеслав Иванов) и автореференции (Андрей Белый).

ARTYOM GRAVIN, CSc in Technics; Sociological institute
of the Federal Center of Theoretical and Applied
Sociology of the Russian Academy of Sciences
(St. Petersburg, Russia), Researcher

MANIFESTATION AND NON-MANIFESTATION IN YOUNG SYMBOLISTS' LANGUAGE PRACTICES*

In this report the understanding of religious and poetic language in theoretical research of the young symbolists Vyacheslav Ivanov and Andrey Bely will be analyzed; linguo-philosophical aspects of the concepts “symbol” and “metaphor” will be highlighted in the perspective of the L. A. Gogotishvili's theory of predicativity.

Keywords: Symbolism, symbol, metaphor, religious language, poetic language

ОВСЯННИКОВ МАКСИМ ЮРЬЕВИЧ, Российский
государственный гуманитарный универси-
тет (Москва, Россия), аспирант

РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБРАЗЫ В ЖИВОПИСИ ЖАНА ДЕЛЬВИЛЯ В КОНТЕКСТЕ ПЛАТОНОВСКОЙ ТЕОЛОГИИ

Доклад посвящён идейным связям западноевропейского символизма с философией объективного идеализма на примере живописи бельгийского художника Жана Дельвиля. К философии объективного идеализма и платоновской теологии Дельвиль обращается не напрямую, а через посредничество теософских концепций, изложенным в книге Эдуара Шюре «Великие посвящённые». В живописи Дельвиля наблюдается постепенный переход от прямых заимствований к созданию собственной философской концепции, которую можно определить как теософский гуманизм.

Ключевые слова: Жан Дельвиль, Эдуар Шюре, западноевропейский символизм, теософия, платоновская теология, объективный идеализм, теософский гуманизм

* The research is supported by the Russian Science Foundation, project No 18-18-00134 “The legacy of Byzantine philosophy in Russian and Western European philosophy of the 20th–21st centuries.”

Бельгийский живописец Жан Дельвиль (1867–1953) создаёт изобразительными средствами собственную эзотерическую и даже космогоническую программу, в основе которой лежит философия объективного идеализма и платоновская теология, изначально воспринятая им не из первоисточников (диалогов самого Платона либо масштабного труда Прокла), а через посредство теософских идей Эдуара Шюре, изложенных в книге «Великие Посвящённые».

Созданные до Первой Мировой войны полотна Дельвиля иллюстрируют основные принципы эзотерической доктрины Шюре, которые кратко сформулированы в предисловии к самой книге:

Дух — единственная Реальность, Материя — лишь его внешнее проявление в вечно становящемся пространстве и времени.

Творчество вечно и непрерывно.

Человек — микрокосм, подобие и отражение макрокосма-вселенной; как и в христианской системе, человек имеет тройственную организацию (дух, душа, тело), что является отражением тройственности самого мира (автор разделяет цельное бытие на мир божественный, мир человеческий и мир естественный).

Мир, в свою очередь, является телом Бога, понимаемого как абсолютный Разум, и соединяющего в своей природе Отца, Мать и Сына (сущность, субстанцию и жизнь).

Любой человек, образ и подобие Бога — художник; он может и должен стать «живым Глаголом Бога».

Данную концепцию Жан Дельвиль принимает как основную, но усложняет ее, вводя понятие об Идеях и их так называемых «вибрациях» как связующем звене между Богом и человеком, высшим и низшим миром; в изобразительной системе Дельвиля идеи примут форму духовных существ, схожих с ангелами традиционной католической иконографии.

В 1896 году, утверждая себя в качестве «Рафаэля символизма», Ж. Дельвиль выставляет масштабное полотно «Школа Платона», в котором аллегорически проиллюстри-

рована двойственность между миром идей и миром материи; с этого момента и до Первой Мировой войны влияние книги Шюре ослабевает, сменяясь собственной концепцией Жана Дельвиля, которую можно охарактеризовать как теософский гуманизм.

МАХИМ OVSYANNIKOV, Russian State University for
Humanities (Moscow, Russia), Postgraduate

THE RELIGIOUS IMAGES IN WORKS BY JEAN DELVILLE WITHIN THE CONTEXT OF PLATO'S THEOLOGY

The report deals with the ideological connection between West European symbolism and objective idealism's philosophy, evidence from the art of Belgian painter Jean Delville, whose works are related to Plato's theology from *The Great Initiates* by E. Schuré. J. Delville's painting demonstrates a gradual transition between direct borrowings and Delville's own philosophical concept, which can be determined as theosophical humanism.

Keywords: Jean Delville, Eduard Schuré, West European symbolism, theosophy, Plato's theology, objective idealism, theosophical humanism

РЯПОЛОВ СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ, кандидат философских наук; Московский государственный институт культуры (Химки, Россия), старший преподаватель

ОБРАЗ ГЕРОИЧЕСКОГО В КЛАССИЧЕСКИХ ИГРАХ СЕРИИ DOOM

Сложно переоценить влияние классических игр Doom на современную культуру. В то же время, и в самой игре нашли отражение многие архетипы европейской культуры, важнейшим из которых, является образ героического, корни которого прорастают в почву античной мифологической культуры, в которой реальность понимается в аспекте противопоставления и взаимоотношения небесного и хтонического как изначальных перво-

основ бытия, в соответствии с которым выстраивается первообраз героического.

Ключевые слова: Мифология, героическое, современная культура, постмодернизм, компьютерные игры, Doom

Сложно переоценить влияние классических игр серии Doom (Doom (1993 г.), Doom II: Hell on Earth (1994 г.)) на современную культуру. Но, в то же время, на саму серию Doom оказали существенное влияние многие архетипы европейской культуры, важнейшим из которых, безусловно, является образ героического, корни которого прорастают в почву античной мифологической культуры, в которой реальность понимается в аспекте противопоставления и взаимоотношения небесного и хтонического как изначальных первооснов бытия, в соответствии с которым выстраивается первообраз героического. Потому неслучайно, что в противостоянии Doomgu'y демоническому войску словно бы вновь актуализируется история о борьбе героя с хтоническими чудовищами.

Важную роль в понимании героического играет проблема противостояния героя судьбе, року. Интересно, что именно как «рок», «обреченность» можно перевести на русский язык название игры. Наиболее существенным проявлением такого неприятия обреченности является невозможность примириться со своей неизбежной смертностью, выражающееся в стремлении героя к тому, чтобы обессмертить себя. Но, при этом, нужно отметить, что героическое начало может раскрываться в самопожертвовании именно как неприятию безусловной абсолютности смерти, и, в то же время, являющимся выражением любви. В самопожертвовании проявляется противостояние героя любой обусловленности. Потому в героическом столь важен мотив разрушения, являющегося отражением вызова, который герой бросает року, обусловленности, реальности, осознавая при этом свою обреченность на поражение. Оттого в такой степени яркое выражение получила трагическая черта героического. Но, вместе с тем, в этом разрыве героя

с объективной реальностью проявляется его связь с иным, потусторонним.

Таким образом, нужно отметить, что в истории о Doom-игре, рассказанной в классических играх серии Doom, получили выражение все наиболее существенные черты героического: борьба с хтоническими чудовищами, случай, вмещающийся в жизнь героя, как выражение рока, неприятие своей изначальной обреченности и, вместе с тем, самопожертвование. Классические игры серии Doom часто упрекают в отсутствии глубокого сюжета, тем не менее, нужно отметить, что именно в них архетип героя получил безукоризненно точное выражение, что в совокупности с оригинальным визуальным стилем, увлекательным игровым процессом, влиянием, которое игра оказала на современную культуру, позволяет высказать мнение о неизменной их актуальности и по прошествии четверти века после их выпуска.

SERGEY RYAPOLOV, CSc in Philosophy; Moscow State Institute of Culture (Khimki, Russia), senior lecturer

THE IMAGE OF THE HEROIC IN THE CLASSIC GAMES OF THE DOOM SERIES

The classic games of the *Doom* series reflect the archetype of the heroic, whose roots grow in the soil of ancient mythology, in which reality is understood in the aspect of opposition and the relationship of the heavenly and chthonic as the original primal foundations of existence.

Keywords: Mythology, heroic, contemporary culture, post-modernism, computer games, Doom

It is difficult to overestimate the impact of the classic games of the *Doom* series on modern culture. But also the *Doom* game itself has been influenced by many archetypes of the European culture, the most important of which, of course, is the image of the heroic. In the ancient mythological culture, the reality is understood in the aspect of the opposition and the relationship between the celestial and chthonic realms as the original primal principles of be-

ing, in accordance with which the primordial image of the heroic is built. Therefore, it is no coincidence that in the confrontation of Doomguy with the demonic army, the story of the hero's struggle with chthonic monsters seems to be re-actualized. An important role in understanding the heroic is played by the problem of the hero's opposition to fate.

The most significant manifestation of this rejection of doom is the inability to come to terms with his inevitable mortality, which is expressed in the desire of the hero to immortalize himself. But the heroic principle can be revealed in self-sacrifice precisely as a rejection of the unconditional absoluteness of death and as an expression of love. In self-sacrifice, the hero's opposition to any conditionality is manifested. That is why the motive of destruction is so important in the heroic, which is a reflection of the challenge that the hero throws at conditionality and reality, while realizing that he is doomed to defeat. That is why the tragic trait of the heroic is so vividly expressed. But, at the same time, in this break of the hero with objective reality, his connection with the other world is revealed. In the story of Doomguy, all the most essential features of the heroic are expressed: the struggle with chthonic monsters, the chance that intervenes in the hero's life as an expression of doom, the rejection of his original doom and, at the same time, self-sacrifice.

СЕКЦИЯ 3: НОВЫЕ ПОДХОДЫ В ПЛАТОНОВЕДЕНИИ

СЛОБОДКОВСКИЙ СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ, Российский
государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия), аспирант

РИМСКОЕ И ИУДЕЙСКОЕ МЕССИАНСТВО*

*Видеозапись
доклада:*

В докладе представлена попытка рассмотреть параллели между идеей мессианства в Иудаизме и теми идеями в Римской культуре и литературе, которые можно интерпретировать как мессианские настроения.

Ключевые слова: Палестина, Рим, римская культура, религия, Вергилий, мессианство

SERGEY SLOBODKOVSKY, Herzen State Pedagogical University
of Russia (Saint Petersburg, Russia), Postgraduate

ROMAN AND JEWISH MESSIANISM**

This research looks at the parallels between messianic ideas in Judaism and the ideas in Roman culture and literature, which can be interpreted as messianic.

Keywords: Palestine, Rome, Roman culture, religion, Vergil, messianism

* «Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-41005 «Палестина — место, где человек слышит Бога: концепты профетизма, мессианизма и эсхатологии в религиозных текстах поздней античности (II в. до н. э. — V в. н. э.) и их реминисценции в русской мысли XIX–XX вв.».

** The research was funded by the Russian Foundation for Basic Research, project No 21-011-41005.

Бойцов Александр Сергеевич, кандидат биологических наук, независимый исследователь

Что нас объединяет?

Оказывается, душа устроена таким удивительно симметричным образом, что становится возможным говорить о существовании определенных инвариантов феноменологического опыта. То есть, самой структурой души обеспечивается как возможность перспективы «от третьего лица», так и возможность признания Другого. Этот вывод сделан с опорой на диалоги Платона и особенно на диалог «Парменид» при единственном дополнительном допущении — об «экономии ума». Обсуждаются следствия.

*Видеозапись
доклада:*

Ключевые слова: Брахман, Атман, Платон, «Парменид», душа, структура, симметрия

Что объединяет всех нас? Напрашивается ответ — ни что, ничто. Это правильный ответ, только не очень понятный, сам вызывающий много вопросов. Однако нет, и не может быть другого ответа «от первого лица» на начальном этапе рефлексии, когда безусловно существующей признается лишь познавательная способность собственной души — дюнамис. А значит, признается и само познаваемое, до акта познания существующее само по себе как ничто.

Потом уже логос подводит нас к гипотезе, что нас объединяет именно наша душа. Поскольку оказывается, что душа устроена таким удивительно соразмерным, симметричным образом, что становится возможным говорить о существовании определенных инвариантов феноменологического опыта. То есть, самой структурой души обеспечивается как возможность перспективы «от третьего лица», так и возможность признания Другого. Этот вывод о структуре души нами сделан с опорой на диалоги Платона и особенно на диалог «Парменид» при единственном дополнительном допущении — об «экономии ума».

Но для осмысленного ответа на исходный вопрос и этого мало. Ведь когда силой познания в душе проявляется ничто —

у каждого из нас по-своему и независимо от другого — возникающая картина у всех более-менее одинакова, и только поэтому мы способны обсуждать общую для всех картину мира. Оказывается, для объяснения такого положения вещей одной симметрии души недостаточно. Она вообще бессмысленна, если в результате познания у каждого возникает не просто свой индивидуальный мир, а принципиально иной мир, пусть и упорядоченный по неким общим законам, называемым законами природы. Значит, ничто на всех одно. Только это допущение позволяет свести концы с концами.

Ничто — неразличенность или эйдетический хаос, лишенный какого-либо порядка, поскольку вне времени и пространства порядка нет. А раз эйдетический хаос один, следовательно, един. Итак, нас объединяет Единое, а также единообразная симметрия наших душ. Мы и познаем одно, и можем встать на точку зрения другого, чтобы понять, как ему является мир. То есть, возможно говорить об абсолютной Душе, познающей себя, познающей Единое. Отсюда вытекает, что Душа превыше всего. Стало быть, Благо это Душа. Брахман есть Атман, Атман есть Брахман.

ALEKSANDR BOITSOV, CSc in Biology, independent scholar

WHAT UNITES US?

It turns out that the soul is arranged in such a surprisingly symmetrical way that it becomes possible to speak of the existence of certain invariants of phenomenological experience. This conclusion was made based on the dialogues of Plato with the only additional assumption — about the “economy of the mind.” Consequences are proposed for discussion.

Keywords: Brahman, Atman, Plato, Parmenides, soul, structure, symmetry

What unites all of us? The answer suggests itself — nothing, “the nothing.” This is the correct answer, although not very clear. However, there can be no other answer at the initial stage of reflection, when only the cognitive ability of one’s own soul —

dunamis — is recognized as implicitly existing. This means that the cognized itself — “the nothing” — is also recognized as existing.

Then the logos leads to the hypothesis that the soul unites us. Because the soul is arranged in such a surprisingly symmetrical way that it becomes possible to speak of the existence of certain invariants of phenomenological experience. That is, the very structure of the soul provides the possibility of a third-person perspective. We made this conclusion on the basis of Plato’s dialogues with the only additional assumption — about the “economy of the mind.”

But this is not enough for a meaningful answer to the original question. After all, when “the nothing” is manifested in the soul by the power of knowledge — for each of us in his own way and independently of the others — the emerging picture is about the same for everyone, and only for this reason we are able to discuss a picture of the world common to all. Hence, the symmetry of the soul alone is not enough to explain this state of affairs. It is generally meaningless if, as a result of cognition, everyone has not just their own individual world, but a fundamentally different world. This means that “the nothing” is one for everyone. Only this assumption allows you to make ends meet.

That is, we are united by the One, as well as by the uniform symmetry of our souls. We both know one thing, and we can take the point of view of another in order to understand how the world appears to him. So, it is possible to talk about the absolute Soul, cognizing itself, cognizing the One. Hence, it follows that the Soul is above all. Hence, the Good is the Soul. Brahman is Atman, Atman is Brahman.

ШКЛЯР ЕВГЕНИЙ ЛЕОНИДОВИЧ, Санкт-

Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия), студент

СМЫСЛ ЖИЗНИ ЧЕРЕЗ ФИЛОСОФИЮ ПЛАТОНА

Основная проблема современного человека состоит в отсутствии смысла жизни. Для решения данного вопроса можно обратиться к философии Платона, которая поможет ответить на фундаментальные вопросы человеческого бытия. Ведь для каждого человека вопрос счастья, является основным.

Ключевые слова: философия, смысл жизни, Платон, поколение потребления, духовное начало, счастье, самоидентификация

*Видеозапись
доклада:*

В настоящее время, по мнению автора, как никогда стоит вопрос о смысле жизни. Современный индивидуум потерялся в мире потребления. Отсутствие идеалов, единой религии привели человека к тому, что большинство людей постоянно опустошены и стараются заполнить эту пустоту посредством вещей, секса, ярких эмоций, наркотиков, игр и т. д. К тому же большинство людей потеряли способность самоидентифицировать себя и начали делать это посредством болезней, статуса или примыкая к социальным/политическим сообществам.

Многие люди XXI века не знают, как познавать себя, зачем это делать и потому отдают поводья своей воли другим людям или своим низшим началам. Философия Платона способна пролить свет на данный аспект человеческой жизни. Античная «заповедь»: «познай самого себя» актуальна в наше время как никогда. Платон обращает человеческий взор на понятия, которые утратили всякий вес из-за пропаганды и популяризации субъективного отношения к жизни. Платон и его настойчивость о существовании объективных идей, бросает вызов поколению потребления.

Отношение Платона к человеку, как к полисному существу, заставляет пересмотреть наши обыденные взгляды на место индивидуума в мире. Платон настаивает на том, что мы должны самосовершенствоваться не только ради себя самих, но и ради того, чтобы быть полезным обществу.

Платон видит в человечестве разумное и духовные начала и настаивает на том, чтобы мы их развивали как можно больше, ведь без этого, человеческая жизнь становится жизнью зверя, живущего только ради мирских наслаждений.

Философия Платона — это выражение любви по отношению ко всему миру. Это дань уважения всей красе мироздания. Мы должны возвращаться к этой точке зрения, что-

бы руководствоваться в жизни, в первую очередь разумом, а не эмоциями и чувствами. И тогда мы сможем ощущать удовольствие от самого факта нашего существования и от занятия философией.

Если люди обратятся к философии Платона, они обретут возможность переосмыслить всю свою жизнь и получат наставления, которые помогут прийти к пониманию Платоновского счастья — получения удовольствия за счет самого факта познания, где занятия наукой есть акт любви по отношению к этой науке.

EVGENI SHKLYAR, St Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia), Student

THE MEANING OF LIFE THROUGH THE PHILOSOPHY OF PLATO

The main problem of modern man is the lack of meaning in their life. To solve this question, one can turn to the philosophy of Plato, which will help answer the fundamental questions of human existence. After all, for every person, the question of happiness is the main one.

Keywords: philosophy, meaning of life, Plato, generation of consumption, spiritual self, happiness, self-identification

At present, the question of the meaning of life is more important than ever.

A modern individual is lost in the world of consumption. The lack of ideals or a common religion has led a person to the fact that most people are constantly devastated and try to fill this void with things, sex, bright emotions, drugs, games, etc. In addition, most people have lost the ability to identify themselves and began to do this through diseases, social status or joining political communities.

Many people of the 21st century do not know how to get to know themselves, why to do it, and therefore give the reins of their will to other people or their lower principles. Plato's philosophy is able to shed light on this aspect of human life. The ancient

“commandment” to “know yourself” is more relevant in our time than ever. Plato draws the human eye to concepts that have lost all weight due to the propaganda and popularization of the subjective attitude to life. Plato and his insistence on the existence of objective ideas, challenges the generation of consumption.

Plato’s attitude to man as a polis being makes us reconsider our everyday views on the place of the individual in the world. Plato insists that we must improve ourselves not only for our own sake, but also for the sake of being useful to society.

Plato sees the rational and spiritual principles in humanity and insists that we develop them as much as possible, because without this, human life becomes the life of a beast living only for the sake of worldly pleasures.

Plato’s philosophy is an expression of love towards the whole world! This is a tribute to all the beauty of the universe. We must return to this point of view in order to be guided in our life, first of all by reason, and not by emotions and feelings. And then we will be able to feel pleasure from the very fact of our existence and from practicing philosophy.

If people turn to Plato’s philosophy, they will have the opportunity to rethink their whole life and receive instructions that will help them come to an understanding of Platonic happiness – getting pleasure at the expense of the very fact of knowledge, where studying science is an act of love towards this science.

СОРОКИНА МАРИНА ПАВЛОВНА, Институт философии человека, РГПУ им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия), аспирант; Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого (Великий Новгород, Россия), ассистент

ЛЮБИТЬ ИЛИ УБИТЬ УЧИТЕЛЯ

Простой выбор между любовью и ненавистью, постоянно проявляет себя в контексте образовательной деятельности. Отношения, возникающие между учителем и учеником, начиная от Геракла и его учителей и продолжая на примерах из диалогов Платона показывают роль либидо в процессе, который мы называем обучени-

ем, особенностями его течения и результатами, которые могут следовать.

Ключевые слова: Любовь, учитель, ученик, Платон, Сократ, Алкивиад, Геракл, Хирон, любимый, любящий, Эрос, Пир, смерть, бессмертие

Начиная с упоминаемого Аполлодором юного Геракла, отношения которого с учителями включали, среди прочего, и инциденты случайных убийств, данный доклад обращает внимание на причины такого исхода и возможность эффективного предотвращения подобного.

Видеозапись
доклада:

Согласно Платону, сам Сократ погибает в каком-то смысле от рук своих учеников, если считать, например, сами Афины неким собирательным учеником Сократа, для которого образ учителя становится невыносим. Разочарование любимого может оказаться опасным. В подобном свете выступает и разочарование повзрослевшего Алкивиада, как он представлен в диалоге «Пир». Отношения, начинавшиеся с флирта в «Алкивиаде I», либо должны продолжаться вечно, либо грозят привести к неприятностям, пусть даже и в виде непристойной выходки пьяного на пиру.

Тем не менее флирт для Сократа едва ли когда-либо является просто флиртом. Также как и близость звучания двух греческих слов, обозначающих «возлюбленного» и «вопросающего» — *erômenos* и *erôtômenos* — позволяет поставить вопрос о том, мастером чего именно называет себя Сократ, когда он говорит о любви?

Чтобы научиться чему-либо, надо влюбиться. В учителя. Как бы провокационно это ни звучало. Возможно другого пути попросту и нет. А иначе для чего нам, собственно, меняться? Ведь научение — это всегда изменение себя, а иначе научения не происходит. В любом случае, по утверждению Ж. Лакана, как только мы подозреваем, будто кто-то обладает знанием, мы тут же и влюбляемся в него с неизбежностью, да и вряд ли можем с этим что-нибудь поделать...

MARINA SOROKINA, Herzen University (St. Petersburg, Russia), Postgraduate; Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia), Lecturer

TO LOVE OR TO KILL YOUR TEACHER

The simple choice we make between love and hate reveals itself within the educational context. The relationship between a teacher and his pupil, starting with Heracles and followed up with examples from Plato's dialogues, shows the role of libido in what we call learning, how it proceeds, and what results it brings.

Keywords: love, teacher, pupil, Plato, Socrates, Alcibiades, Heracles, Chiron, loved, loving, Eros, Symposium, death, immortality

Starting with Heracles, mentioned by Apollodorus, who had various relationships with his teachers, some of which included murder, this research looks into details of such a possible result, and means to prevent it in a way which seems to be effective.

According to Plato, Socrates himself dies, in a way, of the hands of his pupils, if we consider Athens to be his collective pupil, or at least as a consequence of their accusations. The disappointment of a loved one can prove dangerous. That is what we see it in the disappointment of Alcibiades at the end of the *Symposium*. The relationship that started as flirting in the *Alcibiades 1* is bound to no end at all or may cause difficulties, which is manifested at least in the form of the outburst of a drunk man.

However, flirting is never as simple with Socrates as it may seem. As well as the similarity of two words denoting "the beloved" and "the asking one" in Greek: *erôménos* and *erôtôménos*. Which art is then Socrates himself prophesizing to be the master of?

In order to learn something, we might need to fall in love. With the teacher. No matter how provocative it sounds. There must be no other way. Why else should we change ourselves? And learning means changing, does not it? As J. Lacan points

out, as soon as we suspect someone to be in possession of some knowledge, we fall in love with that person inevitably anyway.

ЩЕПАНОВСКАЯ СИЯНА ВИТАЛЬЕВНА, Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусства (Санкт-Петербург, Россия), аспирант

**ПЛАТОН КАК ИЗОБРЕТАТЕЛЬ И ВДОХНОВЕННЫЙ
ПОСЛАНИК ФИЛОСОФСКОГО МИФОТВОРЧЕСТВА**

Платон задает стиль философии, которая активно использует образ, так проявляя и высвобождая мифотворческую силу мысли из бессознательного, делая ее выраженной в языке. Хотя встречается резкая критика поэтов, это не означает, что критика направляется напрямую к поэзии — напротив, показывается возможный разумный подход к поэтическим состояниям, создающий образ «вразумленного» поэта. Платон открывает так путь одновременно к мифотворчески богатой мысли и осознанной поэзии.

Ключевые слова: мифотворчество философии, мифопоэзис, Платон, понятие дионисийного, Ф. Ницше, образы в философии, сакральность поэтических состояний

SIYANA SHCHEPANOVSKAYA, Saint-Petersburg University of Culture and Art (Saint-Petersburg, Russia), Postgraduate

**PLATO AS AN INVENTOR
AND AN INSPIRED AMBASSADOR
OF THE PHILOSOPHICAL MYTH CREATION**

Plato sets the style of philosophy, which actively uses image, thus manifesting myth-making thought's power, drawing from the unconscious, and makes it evident. There is a criticism of poets, but the criticism is not directed to poetry — and approach to poetic states is shown, creating the image of “reasoned” poet. Plato opens way to both mythically rich thought and conscious poetry.

Keywords: Philosophical myth-creation, mythopoiesis, Plato, Nietzsche's Dionystic, philosophical images, sacredness of poetic states

ШУРУНОВ КОНСТАНТИН МИХАЙЛОВИЧ, Российский
государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия), аспирант

ПРЕД-ОСМЫСЛЕНИЕ НАУЧНОГО МЕТОДА В ДИАЛОГЕ «МЕНОН»

Основы научного метода прослеживаются через Евклида к диалогу Платона «Менон». Платон, как и современные физика и биология, приходит к выводу о невозможности катафатических определений вне этого метода. Возникает вопрос: можно ли создать последовательное описание «книги природы» без привлечения платоновского понятия «божественного»? Положительный ответ имеет некоторые неожиданные следствия.

*Видеозапись
доклада:*

Ключевые слова: Научный метод, редукционизм, граничные условия, Платон, Менон

KONSTANTIN SHURUNOV, Herzen State Pedagogical University
of Russia (Saint Petersburg, Russia), Postgraduate

PRE-COMPREHENSION OF THE SCIENTIFIC METHOD IN THE *MENO*

One can trace foundations of the scientific method through Euclid to Plato's *Meno*. Plato, just as modern physics and biology, states the impossibility of cataphatic definitions outside of this method. Then the question is: is it possible to create a consistent description of "book of nature" without Plato's concept of "divine"? The answer is yes, with some unexpected ramifications.

Keywords: Scientific method, reductionism, border conditions, Plato, Meno

МАРТЫНОВ РОМАН ИВАНОВИЧ, Санкт-Петербургский
государственный университет (Санкт-
Петербург, Россия), студент

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ПРОМЕТЕЯ В РАЦИОНАЛЬНОЙ МЫСЛИ

Исследование культуры предполагает опыт обращения к источникам, которые интерпретируют культурное наследие, в частности миф, как он представляется в диалогах Платона, а так же в философской традиции, где проблематика сохраняет свою актуальность.

Ключевые слова: культура, миф, техника, интерпретация, природа, религия, мысль

Мифологический образ Прометея поднимает проблематику интерпретации культуры, как технического дара. Начиная с мифологии, в которой дары Прометея противоречат дарам Зевса, данная проблематика присутствует в диалогах Платона, в частности диалог Протагор, где представлено противоречие между научаемым и не научаемым в жизни человека и общества, то есть между искусственным и техническим. В философии немецкого романтизма образ интерпретируется по другому основанию, противоречие сохраняется, однако уже между свободой и законом, как даром Прометея и даром Зевса. Эти два мифологических образа непримиримы, однако уживаются, что и рождает проблематику интерпретации культуры, либо как дара технического, либо как дара божественного. Техническая интерпретация культуры предполагает развитие через изобретения, как творческого акта, где присутствует свобода развития культуры и общества. Божественная интерпретация культуры в вопросе развития делает акцент на природу, которая понимается как присущее человеку, данное Богом стремление к порядку, миропорядку. Всякое развитие предполагает закон, в культуре и обществе все творится с необходимостью. Единство культуры сохраняется за счет взаимного влияния.

*Видеозапись
доклада:*

Таким образом, поднимается вопрос о границах между образами Прометея и Зевса, которые являются не всегда очевидными. В философской мысли XX века наблюдаются пересмотр значения и границ образов. Их функций в культуре, которые оказывают влияние на человека, его образ мысли, и соответственно, образ жизни. Человек, что подчиняется технике или природе, существует в диалоге с техникой или с природой.

ROMAN MARTYNOV, St Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia), Student

THE MYTHOLOGICAL IMAGE OF PROMETHEUS IN RATIONAL THOUGHT

The study of culture presupposes the experience of referring to sources that interpret the cultural heritage, in particular the myth, as it is presented in Plato's dialogues, as well as in the philosophical tradition, where the problems remain relevant.

Keywords: culture, myth, technique, interpretation, nature, religion, thought

The mythological image of Prometheus raises the problem of interpreting culture as a technical gift. Starting with mythology, in which the gifts of Prometheus contradict the gifts of Zeus, this issue is present in Plato's dialogues, in particular, the dialogue of Protagoras, which presents the contradiction between the taught and the untaught in the life of man and society, that is, between the artificial and the technical. In the philosophy of German romanticism, the image is interpreted on a different basis, the contradiction remains, however, between freedom and law, as the gift of Prometheus and the gift of Zeus. These two mythological images are irreconcilable, but they coexist, which gives rise to the problem of interpreting culture, either as a technical gift or as a divine gift. The technical interpretation of culture presupposes development through inventions, as a creative act, where there is freedom of development of culture and society. The divine interpretation of culture in the matter of development focuses on nature, which is understood as the inherent

human, God-given striving for order, world order. Any development presupposes law; in culture and society, everything is created with necessity. The unity of culture is maintained through mutual influence. Thus, the question is raised about the boundaries between the images of Prometheus and Zeus, which are not always obvious. In the philosophical thought of the 20th century, there is a revision of the meaning and boundaries of images. Their functions in culture, which have an impact on a person, his way of thinking, and, accordingly, way of life. A person who obeys technology or nature exists in dialogue with technology or with nature.

СЕКЦИЯ 4: РАЦИОНАЛЬНАЯ ТЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ПЛАТОНИЗМА: АНТИЧНОСТЬ

МОЧАЛОВА ИРИНА НИКОЛАЕВНА, кандидат философских наук, доцент; Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), доцент

СУД НАД СОКРАТОМ: ПОЛИТИКА И/ИЛИ РЕЛИГИЯ?

В докладе анализируются причины суда над Сократом. Pamфлет Поликрата рассматривается как источник версии о политических мотивах преследования Сократа и нарратива о Сократе как наставнике Крития. Анализ текстов современников событий — Лисия, Исократ, Ксенофонта и Платона позволяет поставить под сомнение тезис о связи Сократа и Крития. Делается вывод о том, что основанием для обвинения Сократа стали его религиозные взгляды.

Ключевые слова: Сократ, Критий, Поликрат, политика, религия, нечестие, демократия

IRINA MOCHALOVA, CSc in Philosophy, Associate Professor; St Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia), Associate Professor

THE TRIAL OF SOCRATES: POLITICS AND/OR RELIGION?

The report analyzes the reasons for the trial of Socrates. The pamphlet of Polycrates is considered as the source of the version about the political motives of the persecution of Socrates and the narrative about Socrates as the mentor of Critias. It is concluded that the basis for the accusation of Socrates was his religious views.

Keywords: Socrates, Critias, Polycrates, politics, religion, impiety, democracy

Синицын Александр Александрович, кандидат исторических наук, доцент; Русская христианская гуманитарная академия (Санкт-Петербург, Россия), доцент

ПЛАТОН И ИСТОРИКИ О ЛОГОГРАФАХ И ЛОГОПОЙЯХ*

Дан анализ пассажей из «Федра» (257с–258с) и «Евтидема» (289с–е), где Платон, восхищаясь умением логографов и логопойев, высказывает предостережение, поскольку созданные ими речи всегда нацелены лишь на то, чтобы пленить публику. Платон противопоставляет речам логопойев свои диалоги, цель которых состоит в том, чтобы отыскать истину, а не приворожить толпу слушателей.

Ключевые слова: Платон, логографы, логопойи, речи, «Эвтидем», «Федр», ораторы, историки, Гекатей, Геродот, Фукидид, риторика, толпа, истина, диалог

Наименование «логографы» (λογογράφοι) прочно утвердилось в современной историографии в определении ранних историков — первых ионийских сочинителей мифо-исторических произведений. Этим словом Фукидид (I.21.1) называет своих предшественников — творцов прозаических логосов: ὡς λογογράφοι ξυνέθεσαν. О том, кого афинский историк подразумевал под «логографами» и о его отношении к оным, обсуждает в своих последних работах И. Е. Суриков (2008; 2009; 2011; 2014 и др.). Исследователь считает, что с позиции Фукидида именно Геродот — его старший современник и предтеча, наиболее сильный из всех современных ему историописателей — является «логографом» *par excellence*. Близкое по значению λογογράφος слово λογοποιός сам «отец истории» Геродот трижды использует в отношении Гекатея, одного из «праотцов истории» (Hdt. II.143.1; V.36.2; V.125; ср. Powell 1960, 209).

Высказывания о логографах и логопойях встречаются в двух диалогах Платона (ср. Astius 1836, II, 253), где затрагивается тема ораторского искусства и дается характеристика «творцов логосов». Правда, Платон имеет ввиду составителей судебных

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 19-09-00022а «“Праотцы истории”: древнейшие представители античной исторической науки»

речей. Об этом говорит Федр в одноименном диалоге, ссылаясь на некоего политика, который ругал оратора Лисия, назвав его логографом (Plato. *Phaed.* 257c), чей успех зависит от написания речей для других людей (см. Bryan 2021, p. 1–21). Второй случай — это знаменитый платоновский пассаж о чародеях-логопойях в диалоге «Евтидем», где разговор заходит о «рецепции» риторического искусства. Здесь платоновский Сократ сравнивает «ремесло» логопойя с искусством заклинателя. В этом суждении афинского мудреца (вернее, персонажа платоновского «Евтидема») явно присутствует ерническое отношение к «логопойям» и их мастерству сочинения логосов (λογολοοική τέχνη) как к «искусству чудесному и высокому» (Plato. *Euth.* 289e).

В докладе проводится анализ пассажей из «Федра» (257c–258c) и «Евтидема» (289c–e), где Платон, восхищаясь умением логографов и логопойев, высказывает предостережение, поскольку созданные ими речи всегда нацелены лишь на то, чтобы пленить публику. По мнению философа, мастерство этих сочинителей призвано воздействовать как заклинание/завораживание (κίλησις) на дикастов, экклесиастов и толпу, т. е. «массовую аудиторию» (Plato. *Euth.* 290a). Это (о)суждение созвучно с фукидидовским: в начале своего труда «отец научной историографии» высказывает не только недоверие, но и неприязнь к сочинителям забавных сказочных (μυθώδεις) историй (I.21.1). Как Фукидид противопоставляет свои исторические разыскания творениям витий-логографов и болтунов-поэтов, так и Платон противопоставляет речам заклинателей-логопойев свои диалоги, цель которых состоит в том, чтобы отыскать истину, а не приторожить толпу слушателей умело составленными баснями.

ALEXANDER SINITSYN, CSc in History, Associate Professor;
Russian Christian Academy for the Humanities
(Saint Petersburg, Russia), Researcher

PLATO AND HISTORIANS ABOUT LOGOGRAPHOI AND LOGOPOIOI*

The report analyzes the passage in ‘Phaedrus’ (257c–258c) and ‘Euthydemus’ (289c–e), where Plato, while admiring the

* The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project 19-09-00022a,

skillfulness of ‘logographoi’ and ‘logopoiói’, warns against them since their speeches always aim at captivating the audience. Plato sets off speeches made by ‘enchanter-logopoiói’ against his dialogues, which are not to mesmerize the audience but to find the truth.

Keywords: Plato, logographoi, logopoiói, speeches, *Euthydemus*, *Phaedrus*, orators, historians, Hecataeus, Herodotus, Thucydides, rhetoric, mob, truth, dialogue

The term ‘logographoi’ (λογογράφοι) has become firmly established in the contemporary historiography to define early historians — the first Ionian creators of mythic-historical works. Thucydides (I.21.1) used this term to define his predecessors who created prosaic logos: ὡς λογογράφοι ξυνέθεσαν. Igor Surikov holds that in Thucydides’ view it is Herodotus who is a ‘logograph’ *par excellence*. The word λογοποιός, the nearest equivalent term to λογογράφος, is used by Herodotus three times to refer to Hecataeus, one of the ‘forefathers of history’ (Hdt. 2.143.1; 5.36.2; 5.125).

‘Logographoi’ and ‘logopoiói’ occur in Plato’s two dialogues, where he touches upon the art of rhetoric and describes the ‘creators of logoi’. Plato refers to courtroom speechwriters, though. Phaedrus speaks about this in a homonymic dialogue, referring to a politician who chastised Lysias, ‘calling him a logograph’ (Plato. *Phaed.* 257c), whose success depended on speechwriters (see Bryan 2021, 1–21). The second occasion is Plato’s famous passage on ‘magus logopoiói’ in the ‘Euthydemus’ dialogue, which is about the reception of the art of rhetoric. Here Plato’s Socrates compares the ‘craft’ of logopoiói to the art of the charmer. The Athenian sage’s judgment (to be more precise, the character in Plato’s ‘Euthydemus’) clearly shows his mischievous attitude to ‘logopoiói’ and their mastery in ‘creating logoi’ as a divine and sublime art (Plato. *Euth.* 289e).

The report analyzes the passage in ‘Phaedrus’ and ‘Euthydemus’, where Plato, while admiring the skillfulness of ‘logographoi’ and ‘logopoiói’, warns against them since their speeches always aim at captivating the audience. According to the philosopher, the mastery of these writers is to mesmerize/enchant (κήλησις)

the dikasts, ecclesiasts and the mob, that is, the 'mass audience' (Plato. *Euth.* 290a). This judgmental condemnation echoes that of Thucydides: at the beginning of his work 'the father of scholarly historiography' shows not only mistrust of but also disfavour with writers of amusing, fanciful (*μυθῶδες*) tales (Thuc. I.21.1). Thucydides contrasts his historical findings with the works of rhapsodist logographs and tattler poets; likewise, Plato sets off speeches made by 'enchanter-logopooi' against his dialogues, which are not to mesmerize the audience but to find the truth.

ЛИХТЕР ПАВЕЛ ЛЕОНИДОВИЧ, кандидат юридических наук; Пензенский государственный университет (Пенза, Россия), доцент

О СУЩНОСТНОЙ И «ОТОДВИНУТОЙ» СПРАВЕДЛИВОСТИ В «ГОСУДАРСТВЕ» ПЛАТОНА

Доклад посвящен категории справедливость в «Государстве» Платона. Рассматриваются идеи справедливости в контексте эссенциального, функционального, феноменологического подходов. Делается вывод об актуальности рассмотренных концепций применительно современной теории конституционного права.

Ключевые слова: Платон, справедливость, сущность справедливости, эссенциализм, конституционное право

Диалог «Государство» до настоящего времени не удаётся классифицировать удовлетворительным образом. Некоторые его относят к педагогическим трактатам, другие к психологическим и т. д., но поскольку сквозной темой диалога является идея справедливости, взятая в контексте соотношения этики и права, то его можно считать этико-правовым.

При этом идея справедливости рассматривается как по отношению к полису, так и к отдельно взятой человеческой жизни. Для чего используется две стратегии: в контек-

сте эссенциализма справедливость ценна сама по себе, т. е. не требует каких-либо дополнительных обоснований. В контексте же инструментального подхода она ценна своими благими последствиями (прежде всего для самого носителя справедливости).

На первый взгляд сущностный подход лучше вписывается в теорию эйдосов Платона, но, учитывая, что идея блага находится на самой вершине иерархии платоновских эйдосов, нет логических препятствий для того, чтобы рассматривать идею справедливости как модус идеи блага.

Во второй книге Главкон предлагает начать с изучения «справедливость в себе» в духе известного естественно-правового тезиса — «право есть минимум морали». Так, власть имущие могут «отодвинуть» справедливость до тех пор, пока они действительно обладают властью, а режим определённой справедливости включается для всех остальных граждан полиса. Эту теорию можно назвать концепцией фрагментарной или отодвинутой справедливости («*Remota itaque iustitia...*»).

Далее Главкон усложняет проблематику справедливости тем, что противопоставляет эссенциалистскому подходу к ней феноменалистскую перспективу: одно дело — быть справедливым, другое дело — казаться таковым. Тема справедливости напояк понадобилась Главкону для того, чтобы усилить функциональную концепцию справедливости.

Соотношение идеальной и кажимой справедливости в терминах современной науки можно переформулировать как соотношение нормативной и описательной теории конституционного права. Всё, что есть — неизбежно деградирует, следовательно хуже того, что по ту сторону экзистенции.

Следовательно, в идеальном государстве должны быть созданы такие условия, которые сделают режим отодвинутой справедливости в принципе невозможным. Другими словами, правители эмпирических государств должны руководствоваться тем, что эйдос «государство» буквально освящён светом эйдоса «справедливость». Чем дальше эмпирические государства отпадают от своего эйдоса, тем больше в них деформаций.

PAVEL LIKHTER, CSc in Law; Penza State University
(Penza, Russia), Associate Professor

ON ESSENTIAL AND RELEGATED JUSTICE IN PLATO'S "REPUBLIC"

The report is devoted to the category of justice in the "Republic" of Plato. The ideas of justice in the context of essential, functional, phenomenological approaches are considered. There is a conclusion about the relevance of the concepts of the concept of the modern theory of constitutional law.

Keywords: Plato, justice, the essence of justice, essentialism, constitutional law

The *Republic* has not yet been able to classify a satisfactory manner. Some of it belong to pedagogical treatises, others to psychological, etc., but since the end-to-end theme of the dialogue is the idea of justice, taken in the context of the ratio of ethics and rights, then it can be considered ethical-legal.

At the same time, the idea of justice is regarded both in relation to the policy and to the individual human life. For which two strategies are used: in the context of essentialism, justice is valuable in itself, i. e. does not require any additional justifications. In the context of the instrumental approach, it is valuable by its good consequences (primarily for the very medium of justice).

At first glance, the essential approach fit into Plato's theory of Eidos, but, given that the idea of good is located on the top of the hierarchy of Platonic Eidos, there are no logical obstacles in order to consider the idea of justice as a modus of the idea of the good.

Next, Glauconus complicates the problems of justice in that he opposes the essentialist approach to her a phenomenistical perspective: one thing is to be fair, another thing is to seek such. The subject of justice has been needed by Glauconus in order to strengthen the functional concept of justice.

The ratio of ideal and writing justice in terms of modern science can be reformulated as the ratio of the regulatory and descriptive theory of constitutional law. All that is — inevitably degrades, therefore worse what is on the other side of the existence.

Consequently, in the ideal state, such conditions must be created that will make the regime of the inequitable justice in principle impossible. In other words, the rulers of empirical states should be guided by the fact that the Eidos “State” is literally consecrated by the light of Eidos “Justice.” The further the empirical states disappear from their Eidos, the more deformations in them.

ПЛЕШКОВ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, кандидат философских наук; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), ИГИТИ им. А. В. Полетаева, директор

НЕЧАЯННАЯ ВЕЧНОСТЬ: КРИТИКА ПЛАТОНА И ТЕМПОРАЛЬНЫЙ СТАТУС УМА У АНАКСАГОРА*

Возникновение идеи вечности как трансцендентности времени в исследовательской литературе обычно связывается с именем Платона. Иногда в качестве его «вдохновителя» указывается Парменид. Интересно, что философская история этернализма полностью игнорирует фигуру Анаксагора, существования Ума (νοῦς) у которого может быть описано в терминах традиционной вечности. Отталкиваясь от критики Сократа в «Федоне», в докладе обсуждается временная структура космоса Анаксагора и темпоральный статус Ума.

Ключевые слова: философия времени, этернализм, Анаксагор, Платон, Парменид, «Федон», вечность, космос, Ум (νοῦς)

ALEKSEI PLESHKOV, CSc in Philosophy; National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), Poletayev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities, Director

ACCIDENTAL ETERNITY: PLATO'S CRITICISM AND THE TEMPORAL STATUS OF MIND IN ANAXAGORAS**

The notion of eternity as the transcendence to time in the research literature is usually associated with Plato. Sometimes

* Грант РФФ № 21-18-00366 «Аналитическая история вечности: темпорология в зеркале этернализма».

** Russian Science Foundation project No 21-18-00366.

Parmenides is mentioned as his ‘inspirer’. Interestingly, the philosophical history of eternalism completely ignores the figure of Anaxagoras. Proceeding from Socrates’ criticism in the *Phaedo*, the paper discusses the temporal structure of Anaxagoras’ cosmos and the temporal status of Mind.

Keywords: philosophy of time, eternalism, Anaxagoras, Plato, Parmenides, *Phaedo*, eternity, cosmos, Mind (νοῦς)

МУРСКИЙ ВАДИМ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ, кандидат философских наук; Русская христианская гуманитарная академия (Санкт-Петербург, Россия), доцент

ОСНОВАНИЯ РАЦИОНАЛЬНОЙ ТЕОЛОГИИ У ЭЛЕАТОВ

В докладе исследуется вклад элеатов в развитие рационального богословия. При этом анализируются принципы, лежащие в основе рационального богословия представителей элейской школы. Показывается связь рациональной теологии с диалектикой.

Ключевые слова: Бог, боги, бытие, сущее, мышление, диалектика

VADIM MURSKY, CSc in Philosophy;
Russian Christian Academy for
the Humanities (Saint Petersburg,
Russia), assistant professor

THE FOUNDATIONS OF RATIONAL THEOLOGY AMONG THE ELEATS

The report examines the contribution of the Eleatics to the development of rational theology. At the same time, the principles underlying the rational theology of the representatives of the Eleatic school are analyzed. At the same time, the connection between rational theology and dialectics is shown.

Keywords: God, gods, being, existing, thinking, dialectics

ЩЕРБАКОВ ФЁДОР БОРИСОВИЧ, кандидат философских наук; Санкт-Петербургский горный университет (Санкт-Петербург, Россия), ассистент

КОГДА ГОМЕР ПЕРЕСТАЛ СМЕЯТЬСЯ: ЭПИЧЕСКИЙ ЮМОР И СПОСОБЫ ЕГО АПОЛОГИИ В АНТИЧНОМ АЛЛЕГОРИЗМЕ И СИМВОЛИЗМЕ*

Данный доклад посвящён следующему вопросу: каким образом и почему комическое у Гомера в течение веков в актах философской интерпретации переходило из дискурса смешного в дискурс серьёзного? Мы попытаемся установить основные законы и условия того герменевтического механизма, который делал возможным перевод комических сюжетов из жизни гомеровских богов с языка олимпийской полубытовой нелепицы на язык важнейших этических, физиологических и метафизических истин.

Ключевые слова: античная философская аллегореза, античный смех, Гомер, комическое, Псевдо-Гераклит, Прокл Афинский, сакральное, серьёзное, символ.

Гомеровский эпос с самого начала своего распространения неизменно подвергался различным толкованиям и интерпретациям. Особенное внимание у гомеротолкователей всех времён вызывали те пассажи из гомеровских поэм, где боги совершают какие-либо непристойные, абсурдные или комичные действия, недостойные, по мнению, критиков «Илиады» и «Одиссеи», подобающей веры в греческих богов. Наш доклад остановится на третьей, «юмористической» группе из этих гомеровских «смутных» мест и посвящён следующему вопросу: каким образом и почему комическое у Гомера в течение веков в актах философской интерпретации переходило из дискурса смешного в дискурс серьёзного? Таким образом, предмет нашего интереса можно сформулировать так: некоторые эстетические следствия античных способов рационализации эпи-

* Работа выполнена в рамках гранта РФФИ «Символ на границе между смешным и серьёзным в византийской экзегетике» № 19-011-00749.

ческой мифологии (а конкретно — относительно категорий смешного и серьёзного). Мы попытаемся установить основные законы и условия того герменевтического механизма, который делал возможным перевод комических сюжетов из жизни гомеровских богов с языка олимпийской полубытовой нелепицы на язык важнейших этических, физиологических и метафизических истин. Для решения поставленной задачи в нашей статье будут условно выделены два способа перевода из смешного в серьёзное: первый, осуществляемый в античном аллегоризме, производит такой перевод напрямую, объявляя «поверхностный» смысл мифа ложным, а глубинный — истинным. Второй же — символизм — смешное превращает в серьёзное посредством первоначального перевода комических мифов в религиозный дискурс сакрального, который не подразумевает жёсткой контрадикции между смешным и серьёзным и примиряет их в символической интерпретации.

FEDOR SHCHERBAKOV, CSc in Philosophy; St Petersburg Mining University (Saint Petersburg, Russia), assistant

**WHEN HOMER CEASED TO LAUGH:
EPIC HUMOR AND WAYS OF ITS APOLOGY
IN ANTIQUE ALLEGORISM AND SYMBOLISM***

How and why did Homer's comical passages move from a discourse of the ridiculous and the funny to a discourse of the serious by means of philosophical interpretation over the centuries? In this report, I will try to uncover the general principles and conditions of that hermeneutical mechanism.

Keywords: ancient philosophical allegoresis, ancient laughter, comic, Homer, Pseudo-Heraclitus, Plutarchus, Proclus, sacral, serious, symbol

Since the very beginning of its proliferation, the Homeric epic has been subject to various ways of interpretation and modes of understanding. Particular attention has been paid to those pas-

* The research was funded by the Russian Foundation for Basic Research, project No 19-011-00749 "Symbol between the ridiculous and the serious in the Byzantine exegetics."

sages from Homeric poems in which the gods commit obscene, absurd, or comical actions. In the opinion of critics of *Iliad* and *Odyssey*, such myths were not worthy of the appropriate faith in the Greek gods. Therefore, my report focuses on the third, “comical” group of these Homeric grey areas, and deals with the following questions: how and why did Homer’s comical passages move from a discourse of the ridiculous and the funny to a discourse of the serious by means of philosophical interpretation over the centuries? I will try to uncover the general principles and conditions of that hermeneutical mechanism which made it possible to translate Homer’s comical plots from the language of Olympic “domestic” nonsense into the language of the most important physical, ethical, and metaphysical truths. To achieve this task, my article will conditionally distinguish two ways of transition from the comical to the serious: the first, which was carried out in ancient allegorism, was to directly produce a translation, and to declare that the “superficial” meaning of the myth is false, and its deep level is true. The second way — ancient symbolism — was to turn the comical into the serious through the immediate translation of comical myths into the religious discourse of the sacred, which did not imply a stark contrast between the comical and the serious but, on the contrary, harmonized them.

РОХМИСТРОВ ВЛАДИМИР ГЕННАДЬЕВИЧ,
магистр философии

ТЕНЬ ПАРМЕНИДА В ДИАЛОГАХ ПЛАТОНА

Парменид, представитель элейской школы, почитался Платоном как «отец философов». Среди диалогов Платона есть так называемые элейские диалоги, которые, в отличие от ранних сократических, принято считать диалогами более зрелого периода. Это «Теэтет», «Софист», «Парменид» и «Политик»; все они имеют одну отличительную особенность — в них участвует гость из Элеи. Однако «присутствие» Парменида в творчестве Платона обнаруживается не только в этих четырех текстах.

Ключевые слова: Парменид, Платон, метод, чувственно воспринимаемое, умопостигаемое

Философия Парменида представлялась Платону настолько значительной, что он посвятил ему целый диалог, названный именем великого эеата. В диалоге идёт речь о том, что Парменид посетил Афины во время празднования Великих Панафиней в 450 г. до н. э.

Тем не менее есть все основания полагать, что сам Парменид никогда в Афины не приезжал, и философия его была представлена афинянам его учеником Зеноном, который, согласно свидетельству самого Платона (Алкивиад I, 119a5), преподавал в Афинах. Это наложило свой отпечаток на восприятие философии Парменида просвещённой афинской публикой.

В диалогах Платона можно отметить не только несомненное влияние философии великого эеата на воззрения главы Академии, но и по составлявшимся в разные периоды его деятельности диалогам проследить трансформацию этой философии из эеатской в платоническую. Например, в «Софисте», где Парменид упоминается как оппонент, выясняется устойчивость основного тезиса эеата, утверждающего, что есть только существующее.

Однако подход к этому рассмотрению намечен уже в более раннем диалоге Платона «Евтидем», где не упоминается не только Парменид, но и гость из Элеи. Тот факт, что в диалоге «Евтидем» Платон Парменида не упоминает, по-своему красноречив; а то, что в «Софисте» Парменид не просто упоминается, а даже выставляется как оппонент, свидетельствует о том, что изучение проблемы уже отошло от школьного освоения философии эеатов и стремится двинуться в своём развитии далее, что и происходит в диалоге «Парменид».

Прежде всего это касается основного понятия Парменида $\epsilon\acute{o}\nu$ (существующее), которое Платон, под влиянием Зенона, заменил на понятие $\epsilon\bar{\nu}$ (одно — единое), а затем, развивая диалектику отношений «единое — многое» и рассматривая их как существующие и как не существующие, ввёл понятие «бытие» ($\tau\acute{o}$ $\epsilon\acute{\iota}\nu\alpha\iota$).

VLADIMIR ROKHMISTROV,
Master of Philosophy

PARMENIDES'S SHADOW IN PLATO'S DIALOGUES

Eleatus Parmenides was revered by Plato as “the father of philosophers.” There are the so-called Eleaic dialogues: *Theaetetus*, *Sophist*, *Parmenides*, and *Statesman*; they all have one distinctive feature — a guest from Elea participates. However, the “presence” of Parmenides in Plato’s work is found not only in these four texts.

Keywords: Parmenides, Plato, method, sensuously perceptible, mentally perceptible

The Parmenides’s philosophy was so significant to Plato that he dedicated a whole dialogue to him, named after the great eleate. The dialogue tells that Parmenides visited Athens during the celebration of the Great Panathenae in 450 BC.

Nevertheless, there is every reason to believe that Parmenides himself never came to Athens, and his philosophy was presented to the Athenians by his disciple Zeno, who, according to the testimony of Plato himself (*Alcibiades I*, 119a5), taught in Athens. This left its mark on the perception of the Parmenides’s philosophy.

In Plato’s dialogues, noticeable not only the undoubted influence of the Eleatic’s philosophy, but also, according to the dialogues drawn up in different periods of his activity, to trace the transformation of the philosophy from the Eleatic to the Platonic. For example, the stability of the basic thesis of the Eleatic, asserting that there is only existing exist, is clarified in the “*Sophist*.”

The approach to this consideration is outlined already in the earlier dialogue of Plato “*Euthydemus*,” where not only Parmenides is not mentioned, but even the guest from Elea. The fact that Plato does not mention Parmenides in the “*Euthydemus*” is eloquent in its own way; and the fact that Parmenides is mentioned in the “*Sophist*” already as an opponent, indicates that the study of the problem has moved away from the school development of the Eleatic’s philosophy and seeks to move further, which is happening in the dialogue “*Parmenides*.”

First of all, this concerns the basic concept of Parmenides ἐὸν (existing), which Plato, under the influence of Zeno, replaced by the concept ἓν (one), and then, developing the dialectic of the relationship “one — many” and considering them as existing and as non-existing, introduced the concept of “being” (τὸ εἶναι).

СЕКЦИЯ 5: РАЦИОНАЛЬНАЯ ТЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ПЛАТОНИЗМА: ЭЛЛИНИЗМ

СТЕПАНОВА АННА СЕРГЕЕВНА, доктор философских наук, доцент; Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия), профессор

АНТИЧНАЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ О МИРЕ И БОГЕ (ОТ ПЛАТОНА К ЦИЦЕРОНУ)*

В античности существовало две линии понимания взаимоотношения мира и бога. Платон и Аристотель постулировали константные формы, связанные в боге и логически постижимые в понятиях; стоики утверждали о системе мировых, взаимосвязанных божественных сил, выраженной в понятиях $\rho\rho\lambda\eta\psi\iota\varsigma$ и $\kappa\omicron\iota\nu\alpha\iota$ $\acute{\epsilon}\nu\nu\omicron\iota\alpha\iota$. Антиох Аскалонский трактовал $\kappa\omicron\iota\nu\alpha\iota$ $\acute{\epsilon}\nu\nu\omicron\iota\alpha\iota$, как идеи в божественном разуме. Скепсис Цицерона был направлен на отрицание необходимости доказательства веры.

Ключевые слова: бог, мир, $\rho\rho\lambda\eta\psi\iota\varsigma$, Антиох Аскалонский, Аристотель, Платон, стоики, Цицерон

Видеозапись
доклада:

Античная традиция свидетельствует о двух линиях понимания взаимоотношения мира и бога. Первую представляли Платон и Аристотель, вторую — стоики. Общее у них проявлялось в представлении, имевшем все признаки веры,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00349/19 «Скептическая традиция в античном платонизме».

о единстве и целостности мира, центрирующим принципом которого являлась разумная божественность. Платоном, например, идея блага понималась в качестве оплота разумной целостности, единства мира и мышления. Логос же стоиков как центрирующий элемент мира имплицитно признавался в качестве безусловно разумно-божественного движущего принципа мира.

Таким образом, для Платона, а вслед за ним, и Аристотеля актуальность приобретает постулирование константных форм, связанных в божестве и логически постижимых в понятиях, в то время как для стоиков, ориентированных на образ и понятие природы (*artifex*), принципиально значимо утверждение о динамической системе мировых, ориентированных на жизненный принцип взаимосвязанных божественных сил, системе, имеющей оборотную сторону логического свойства, корреспондирующую со знанием, которое эту связь отражает через *πρόληψις* и *κοίνας ἔννοιαι*. Божественная природа мира, согласно стоикам, запускает логический механизм, улавливаемый человеческим разумом сначала почти интуитивно, в виде врожденных предчувствий (*πρόληψις*). Антиох Аскалонский, по-видимому, следовал стоическому мысленному конструкту о *κοίνας ἔννοιαι*, но, будучи склонен принимать в некоторых пунктах позицию Платона, трактовал его в духе идей, пребывающих в божественном разуме.

Цицерон, споря со стоиками и как будто встав на сторону в общем-то критикуемого им Эпикура, на самом деле транслировал учение стоиков о предварительных понятиях (*πρόληψις*), служащих, по их мнению, доказательству существования божества. Тем самым Цицерон демонстрировал согласие с принципом веры, но принимаемом аксиоматически и не требующим доказательства. Его скепсис как раз и направлен на отрицание необходимости какого-либо доказательства веры.

ANNA STEPANOVA, DSc in Philosophy, Associate Professor;
Herzen State Pedagogical University of Russia
(Saint Petersburg, Russia), Professor

ANCIENT INTELLECTUAL TRADITION ABOUT PEACE AND GOD (FROM PLATO TO CICERO)*

Plato and Aristotle postulated the constant forms connected in God. The stoics argued about a system of world, interconnected divine forces, expressed in the concepts of πρόληψις and κοίνοι ἔννοιαι. Antioch of Ascalon treated κοίνοι ἔννοιαι as ideas in the divine mind. Cicero's skepticism at denying the need to prove faith was aimed.

Keywords: god, world, πρόληψις, Antioch of Ascalon, Aristotle, Cicero, Plato, Stoics

The ancient tradition two lines of understanding the relationship between the world and God shows. The first by Plato and Aristotle, the second — stoics was represented. They shared a common trait that had all the hallmarks of faith, namely, the idea of unity and integrity of a world subject to the principle of reasonable divinity. But Plato and Aristotle the existence of constant forms connected in God and logically understandable in concepts postulated, while the stoics a system of worldly, vital, interconnected divine forces asserted; they thought that knowledge of this connection through πρόληψις и κοίνοι ἔννοιαι reflected. The divine nature of the world, according to stoics, triggers a logical mechanism, captured by the human mind at first almost intuitively, in the form of congenital premonitions (πρόληψις).

Antioch of Ascalon, apparently, followed the stoic mental construct of κοίνοι ἔννοιαι, but, after Plato, as ideas in the divine mind interpreted.

Cicero, argued with stoics and seemed to side with the mostly criticized Epicurus, but actually broadcast the teachings of stoics about preliminary concepts (πρόληψις), which, in their opinion,

* The research was funded by the Russian Foundation for Basic Research, project No 19-011-00349/19 "The skeptical tradition in ancient Platonism."

prove the existence of the deity. In doing so, Cicero acceptance of the principle of faith demonstrated, which should be adopted axiomatically without evidence. His scepticism is aimed at denying the need for any proof of faith.

АРТЕМЬЕВ ТИМУР МУРМАНОВИЧ, кандидат философских наук, доцент; СЗГМУ им. И. И. Мечникова (Санкт-Петербург, Россия), доцент

ПУТЬ ЧЕЛОВЕКА К СОВЕРШЕНСТВУ ПО ПЛАТОНУ

В докладе представлены результаты исследования платоновского понимания понятия «совершенство». Выстраивается контур определенного представления Платоном о том, какой путь следует проделать человеку для приближения к имплицитной цели и смыслу своего существования.

Ключевые слова: совершенство, Платон, добродетели, благо, красота

*Видеозапись
доклада:*

Для Платона путь к совершенству человека состоит в овладении профессиональным мастерством и проявлении нравственных положительных качеств в творчестве. Таким образом, человек присоединяется к совершенству Бога, а Бог проявляет своё совершенство через человека.

Для осуществления этой не тривиальной задачи следует получить образование, знать толк в стихах, любить мудрость, исследовать природу таких возвышенных вещей как добро, красота, истина и благо и развиваться, доводя профессиональные качества до совершенства. Подразумевается духовное и телесное развитие. Методы достижения совершенства трудны, а дорога к нему далека, поэтому не часто мы можем познакомиться с тем, кто стремится достичь совершенства. При том, всякий человек вспомнит, что такое совершенство, когда прочитает достойные серьёзной внимательности, несущие нам характер действенности и совершенства «сочинения учительные, которые произносятся для наставления» (278a)

и вписывают в души уроки о праведном, прекрасном и добром. Задача самому, без чтения таких сочинений, стать человеком добрым, совершенным во всех отношениях, без недостатков представляется не решаемой. Тело человека способно приблизиться к совершенству в здоровье, силе и красоте посредством питания и упражнений. Согласно Платону совершенство тела и души является потенциальным смыслом жизни для каждого человека. Однако, Платон полагал приоритетом для совершенствования человека духовное развитие (982 b-c). Между совершенствованием «технэ» как умением что-либо изготавливать и нравственным совершенствованием существует, с одной стороны соответствие, с другой же — это разные феномены. Под моральным совершенством у Платона подразумевается Добродетель, которую можно и нужно совершенствовать. Качество, которое делает выдающимся из обыденного ряда отдельного человека, это добродетели, реализованные в творчестве. Подобное качество наделяет творческого человека избранностью, которая кажется приближена к совершенству более остального. Избранный приближается к Богу, который и есть совершенство как таковое.

Нравственное совершенство всегда принималась за близость к высшему началу. Бог владеет идеей совершенства, при этом Богу присуще стремление в меру возможности осуществить идею высшего совершенства в объектах сотворенного им мира (46c-d).

TIMUR ARTEMEV, CSc in Philosophy, Associate Professor; North-Western State Medical University named after I. I. Mechnikov (Saint-Petersburg, Russia), Associate Professor

MAN'S PATH TO PERFECTION BY PLATO

The report presents the results of a study of the Platonic understanding of the concept of “perfection.” The contours of a certain idea of Plato about what path a person should go to approach the implicit goal and meaning of his existence are being built.

Keywords: perfection, Plato, virtues, good, beauty

For Plato, the path to human perfection consists in mastering professional skills and showing moral positive qualities in creativity. In this way, man joins the perfection of God, and God manifests his perfection through man.

To this task, one should get an education, know a lot about poetry, love wisdom, explore the nature of such sublime things as good, beauty, truth and develop, bringing professional qualities to perfection. It implies spiritual and physical development. It is not often that we can meet someone who strives to achieve perfection. At the same time, every person will remember what perfection is when they read the “teaching works that are pronounced for instruction” (278 a), which are worthy of serious attention, and carry the character of efficiency and perfection to us, and enter into the souls of the lessons about the righteous, the beautiful and the good. The task itself, without reading such works, to become a good person, perfect in all respects, without shortcomings, is not solved. The human body is able to approach perfection in health, strength, and beauty through nutrition and exercise. According to Plato, the perfection of the body and soul is the potential meaning of life for every person. However, Plato considered spiritual development to be a priority for human perfection (982 b-c). On the one hand, there is a correspondence between the improvement of the ability to produce something and moral improvement, on the other hand, these are different phenomena. By moral perfection, Plato means a Virtue that can and should be perfected. The quality that makes an individual stand out from the ordinary series is the virtues realized in creativity. Such a quality makes a creative person a chosen one, which seems to be closer to perfection than the rest. The chosen one approaches God, who is perfection as such.

Moral perfection has always been taken for proximity to the highest principle. God possesses the idea of perfection, and God has an inherent desire to realize the idea of the highest perfection in the objects of the world he created (46 c-d).

ЩЕРБАКОВ ФЁДОР БОРИСОВИЧ, кандидат философских наук; Санкт-Петербургский горный университет (Санкт-Петербург, Россия), ассистент

ΣΩΜΑ, ΛΟΓΟΣ И ΑΡΙΘΜΟΣ КАК ТРИ МЕТАОБЪЕКТА АНТИЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ*

Ланнный доклад ставит своей целью показать, что история античного образования может быть прочитана как некая драма о теле, логосе и числе, что характер их соотношения друг с другом в античной интеллектуальной истории в некоторых случаях были как бы «зеркалом» античной пайдейи, а в некоторых — побуждающим мотивом значительных перемен в её теории и практике.

Ключевые слова: античная визуальная культура, арифмос, логос, пайдейя, сома

В исследованиях по истории античного образования уделено довольно много внимания вопросу, когда именно, по крайней мере, в его зачаточном виде, сформировался будущий круг семи свободных искусств. По этому вопросу высказывались различные точки зрения: скажем, А.–И. Марру, относит прообраз квадривиума уже к штудиям софиста Гиппия и особенно к Платону, в то время как И. Адо настаивает на том, что теоретическое обоснование тривиума и квадривиума было подготовлено только в кругах Средних платоников и неопифагорейцев. При этом в большинстве работ наибольшее внимание справедливо уделяется понятию ἀρετή (доблести). Подразумевается, что его интерпретация в конкретную историческую эпоху определяло этический, культурный и образовательный статус той или иной науки. Таким образом, вопрос о доблести составлял для древних основной «содержательный» сюжет в развитии античной пайдейи. В данном докладе мы попытаемся посмотреть на историю античной пайдейи с точки зрения

*Видеозапись
доклада:*

* Исследование выполнено за счет субсидии на выполнение государственного задания в сфере научной деятельности на 2021 год № FSRW-2020-0014.

другого сюжета — если можно так выразиться, «инструментального» или «операционального», т. е. с позиции тех объектов (в самом широком смысле слова), с которыми работали преподаватели и учащиеся. Все эти объекты, на наш взгляд, могут быть объединены вокруг трёх центральных понятий, или метаобъектов, — тела, слова и числа. Под метаобъектом мы понимаем совокупность таких объектов, работа с которыми составляет образовательный идеал культуры. Таким образом, данный доклад ставит своей целью показать, что история античного образования может быть прочитана как некая драма о теле, логосе и числе, что характер их соотношения друг с другом в античной интеллектуальной истории в некоторых случаях были как бы «зеркалом» античной пайдеи, а в некоторых — побуждающим мотивом значительных перемен в её теории и практике.

FEDOR SHCHERBAKOV, CSc in Philosophy; St Petersburg Mining University (Saint Petersburg, Russia), assistant

ΣΩΜΑ, ΛΟΓΟΣ AND ΑΡΙΘΜΟΣ AS THREE META-OBJECTS OF ANTIQUE SCHOLARSHIP*

This report aims to show that the history of antique scholarship can be read as a kind of drama about the body, the word, and the number, that the nature of their relationship with each other in antique intellectual history was like a «mirror» of the Greek-Roman paideia.

Keywords: ancient visual culture, arithmos, logos, paideia, soma

Studies on the history of ancient scholarship pay quite a lot of attention to the issue when, at least in its infancy, the future circle of seven liberal arts was shaped. Various points of view were expressed on this issue: for instance, H.-I. Marrou, refers the prototype of the quadrivium to the works by Hippias the sophist and especially

* The study was carried out at the expense of a subsidy for the implementation of the state task in the field of scientific activity for 2021 No FSRW-2020-0014.

Plato, while I. Hadot insists that the theoretical justification of the trivium and quadrivium was prepared only in the circles of the Middle Platonists and the Neo-Pythagoreans. Moreover, in these works the most attention is rightly paid to the concept of ἀρετή (valor). It is implied that its interpretation in a specific historical period determined the ethical, cultural, and educational status of any scholar discipline. Thus, the question of valor was the main «thematic» plot for the ancients in the development of antique paideia. In this report, we will try to look at the history of ancient paideia from the point of view of another plot. We mean «instrumental» or «operational» plot, that is the position of those objects (in the broadest sense of the word) with which teachers and students worked. All these objects, in our opinion, can be combined around three central concepts (or meta-objects) — the body, the word, and the number. By meta-object we mean the totality of such objects, the work with which constitutes an educational ideal of a culture. Thus, this report aims to show that the history of antique scholarship can be read as a kind of drama about the body, the word, and the number, and that the nature of their relationship with each other in antique intellectual history in some cases was like a «mirror» of the Greek-Roman paideia, and in some cases it was the motivation for significant changes in the scholarship's theory and practice.

ТРИМБЛ УОЛКЕР, PhD; Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия), доцент

«ТИМЕЙ» ПЛАТОНА И УЧЕНИЕ О ТЕМПЕРАМЕНТАХ

Со времен неоплатонизма и до постмодернизма существуют различные мнения о смысле и предпосылках платонического диалога «Тимей». С помощью теории гуморов мы покажем, где в космологической системе «Тимея» помещается малоизученный аргумент Платона о функции печени. Далее мы найдем следы этой системы в самых разных и удивительных местах. Данное исследование вносит вклад в классическую филологию и философию отношения тела, материи и разума.

Ключевые слова: Тимей, учение о душе, гептоскопия, учение о темпераментах

*Видеозапись
доклада:*

Со времен неоплатонизма и до постмодернизма существуют различные мнения о смысле и предпосылках платонического диалога (или, скорее, монолога) «Тимей». Некоторые считают, что данный текст является недодуманной космологией, которая позднее проявится в полной форме в трактате «Государство».

Другие считают, что пробелы в системе и есть система (т. е. так называемые *χῶροι*), иные — что Платон просто смеется над своими современниками. С помощью недавних археологических исследований и их отношения с весьма распространенной теорией гуморов мы покажем, где в космологической системе «Тимея» помещается малоизученный аргумент Платона о функции печени.

В трактате Галена «О назначении частей человеческого тела» сохраняется история теории гуморов, которая была у современников Платона. Данное исследование покажет, как эта теория могла повлиять на космологическую систему Платона в целом и, в частности, на идею создания человеческого тела и «души печени» (ч. 69–72).

Особое внимание уделяется сопоставлению «Тимея» с диалогом «Федр» и трактатом «О государстве». Мы покажем, что в учении о душе человека в «Тимее» присутствует значительное влияние практики жертвоприношений и гадания по печени, то есть так называемой традиции гептоскопии.

Мы предполагаем, что ритуалистическое влияние этой традиции привело Платона к дуалистическому учению о душе, отличному от других его аргументов в пользу троичного состава души. Данное исследование вносит вклад в классическую филологию и философию отношения тела, материи и разума и, в том числе, в историю древнего ритуала.

WALKER TRIMBLE, PhD; Herzen State Pedagogical University
of Russia (Saint Petersburg, Russia), Associate Professor

**PLATO'S TIMAEUS AND THE DOCTRINE
OF THE FOUR HUMOURS**

From Middle Platonists to Postmoderns, Plato's late dialogue *Timaeus* has produced practically as many opinions as it has readers. Making use of archaeological research and its relation to the doctrine of humours, we shall argue that a mature cosmology in the *Timaeus* can be found in a section of the text related to the "liver's soul" (70b).

Keywords: *Timaeus*, doctrine of souls, heptoscopy, doctrine of humors

From Middle Platonists to Postmoderns, Plato's late dialogue (better put, monologue) *Timaeus* has produced practically as many opinions as it has readers. Some hold that this text is some half-baked cosmological fantasy that would be more fully expressed in the *Republic*. Others hold that the gaps in the system (the so-called $\chi\omega\rho\alpha\iota$) are part of it. Still others think that Plato is merely having a good laugh at all those who tried to make a system before him. Making use of recent archaeological research and its relation to the widely-held doctrine of humours, we shall argue that the cosmology of the *Timaeus* can be exhibited in a little-researched corner of the text related to the function of the liver (70b). In Galen's *De naturalibus facultatibus*, he records a history of the doctrine of the humours which relates to certain positions held by Plato's contemporaries. Their theories, we maintain, were used by Plato to formulate his positions relative to flavours and colours, directly drawing from humeral theory. We shall also show how the doctrine of two souls in the *Timaeus* is a refinement of his tripartite doctrine in the *Phaedrus* and the *Republic*. To see how this works in detail, we shall have to make reference to the ancient and revered technique of haruspicy and the culture of animal sacrifice in the ancient world. This work hopes to contribute to ancient (and perhaps modern) doctrines of the soul and to the history of ritual.

КАРАВАЕВА СВЕТЛАНА ВИКТОРОВНА, кандидат философских наук; Северо-Западный государственный медицинский университет им. И. И. Мечникова (Санкт-Петербург, Россия), старший преподаватель

РЕЦЕПЦИИ ПЛАТОНИЗМА В КОСМОЛОГИИ «ЭНЕИДЫ» ВЕРГИЛИЯ

Доклад посвящен вопросу формирования «римского мифа»: представлению об «Энеиде» Вергилия как космологическом эпосе. Помимо многообразия переработанных греческих, римских, восточных религиозных представлений, в «Энеиде» несомненно влияние и философских идей, в частности, платонизма, например, толкование Вергилием образа Венеры, отсылающее к двум Афродитам Платона (180с-185е), а также связанной с ней темы эроса.

Ключевые слова: Платон, Вергилий, космология, античная философия

SVETLANA KARAVAeva, CSc in Philosophy; North-Western State Medical University named after I. I. Mechnikov (Saint Petersburg, Russia), Assistant Professor

RECEPTIONS OF PLATONISM IN THE COSMOLOGY OF VIRGIL'S AENEID

The report focuses on the formation of the “Roman myth”: *Aeneid* as a cosmological epic. In addition to revised Greek, Roman and Eastern religious ideas, the influence of philosophical (Platonic) concepts on the *Aeneid* is indubitable. Noteworthy are Virgil's interpretation of the image of Venus, linked to Plato's two Aphrodites (180с-185е), and the eros theme.

Keywords: Plato, Virgil, Aeneid, cosmology, Ancient Philosophy

ТАНТЛЕВСКИЙ ИГОРЬ РОМАНОВИЧ, доктор философских наук, профессор; Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), заведующий кафедрой

КУМРАНСКИЙ СКЕПТИЦИЗМ И ПУТИ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ*

Лидер иудейской Кумранской общины, фигурирующий в источниках под обозначениями «Учитель праведности» и «Вразумляющий» (вероятно, жил во II в. до н. э.), неоднократно высказывает глубокий пессимизм относительно сущности человека и крайне скептичен в отношении возможности его спасения без обретения Божественной благодати. В т. н. Благодарственных гимнах Учителя (1QH^a 10–18) автор характеризует самого себя как «творение из глины», «замешанное на воде», «его основание — нагота срама»; «основание нечистоты, очаг греха и строение вины», пребывающее «во грехе от чрева и до седин», и т. п. Аналогичный скепсис выражает в Уставе общины «Вразумляющий» (возможно, эти слова рецитировали все полноправные члены общины на собраниях): «Я принадлежу к нечестивому человечеству, к общине грешной плоти. Мои проступки, мои грехи, моя вина вместе с испорченностью моего сердца принадлежат общине червей и (другой твари), передвигающейся во мраке (земли)... Я спотыкаюсь по вине плоти» (1QS 11:9–10). «Первородный грех (ןשחך זשפ)» плоти предопределяет изначальную склонность всех людей к пороку: *’ādām* (этот термин соотносится с *’āḏāmāh*, «почва», «земля» [первоначально только красноватая, от корня *’dm*, «быть красным»; ср. лат. *homo*, «человек» — *humus*, «почва»]), т. е. «человек», *eo nomine* предрасположен к нечистоте и прегрешению. Человеку, *даже самому праведному*, не под силу обрести спасение самостоятельно — он может надеяться только на *Божественную благодать* («благодать», «благодать», «многомилосердие»),

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00349, «Скептическая традиция в античном платонизме».

дабы «оправдаться» на Господнем Суде. (Заметим, что эта доктрина обретает прямую параллель в учении Августина и его последователей.) На последующем этапе истории Кумранской общины в ее теологии появляется также идея об «искуплении» греха посланным Богом в мир Священническим Мессией. В процессе посмертной «мессианизации» фигуры «Учителя праведности» в среде общинников возникает также идея о «спасении от Дома Суда» за «веру в Учителя праведности» (IQpHab 8:1–3; вероятно, первая четверть I в. до н. э.).

Ключевые слова: преодоление скептицизма в Кумранской общине, кумранская сотериология, Учитель праведности кумранской общины

IGOR TANTLEVSKIJ, DSc in Philosophy, Professor; St Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia), Head of Department

QUMRAN SCEPTICISM AND WAYS TO OVERCOME IT

The leader of the Judaeen Qumran community, who appears in the sources as the “Teacher of Righteousness” and the “Wise Master” (probably lived in the 2nd century B. C. E.), repeatedly expresses deep pessimism about the essence of man and is extremely sceptical about the possibility of his salvation without obtaining Divine grace. In the so-called Thanksgiving Hymns of the Teacher (*IQH^a* 10–18) he describes himself as “a creation made of clay,” “mixed with water,” whose “foundation is the nakedness of shame”; “the foundation of uncleanness, the seat of sin and the foundation of guilt,” being “in sin from the womb to his grey hair,” etc. A similar scepticism is expressed in the Rule of Discipline of the Qumran community by the “Wise Teacher” (perhaps these words were recited by all the full members of the community at their meetings): “I belong to an unholy humanity, to a community of sinful flesh. My transgressions, my sins, my guilt, together with the corruption of my heart, belong to the congregation of worms and (other creatures) that move in the darkness (of the earth) <...> I stumble because of the guilt of the flesh” (*IQS* 11:9–10). “The original sin (פֶּשַׁע רֵאשׁוֹן)” of the flesh prefigures the original tendency of all

men to vice: *'ādām* (this term corresponds with *'ādāmāh*, “soil,” “earth” [originally only reddish, from the root *'dm*, “to be red”; cf. Lat. *homo*, “man” — *humus*, “soil”]), i. e., “man,” *eo nomine* prone to uncleanness and transgression. Man, even the most righteous, cannot find salvation on his own — he can only hope in the “goodness” and “mercy” of God in order to be “justified” in the Judgment of God. At a certain point in the history of the Qumran community, the idea of the “atonement” of sin by a Priestly Messiah sent by God into the world appears in its theology. In the process of posthumous “messianization” of the figure of the “Teacher of Righteousness” among the members of the Qumran community also emerges the idea of “salvation from the House of Judgement” for “faith in the Teacher of Righteousness” (*IQpHab* 8:1–3; probably the first quarter of the 1st century B. C. E.).

Keywords: overcoming scepticism in the Qumran community, Qumran soteriology, the Teacher of Righteousness of the Qumran community

САВИНА КСЕНИЯ ИГОРЕВНА, преподаватель

ПЛАТОНИЗМ КАК РАЦИОНАЛЬНАЯ ЧАСТЬ ТЕОЛОГИИ РАННЕХРИСТИАНСКИХ АПОЛОГЕТОВ (НА ПРИМЕРЕ АФИНАГОРА АФИНСКОГО)

Христианство входит в пространство философской дискуссии II века со своей, инокультурной традицией, используя средний платонизм в качестве «ворот вхождения», ступени к подлинному знанию. Для Афинагора, главы платоновской школы, христианина, рациональная теология Платона качественно уступает библейской теологии, как домыслы отличаются от знания, но поле рассуждения у них одно и эллинические умозаключения могут послужить пропедевтикой к христианскому мировоззрению, наследующему иудейской парадигме.

Ключевые слова: история философии, средний платонизм, история христианства, раннее христианство, апологетика, рациональная теология

Видеозапись
доклада:

Афинагор Афинянин — глава платонической школы и апологет, адресовавший свое слово императору Марку Аврелию ок. 176 г., возможно в Александрии. Сохранившееся «Предстательство о христианах» демонстрирует тот путь аргументации, который у Тертуллиана будет доведен до совершенства, в общих же чертах наследует Иустину. По Афинагору христиане — жители империи, равные в правах по крайней мере, и в первую очередь, с философами; *poen ipsis* не основание для наказания. Все действия христиан, именуемые неблагодетельными, кроме приписываемых им по враждебности, продиктованы их воззрениями, которые следует, любому образованному гражданину, принять во внимание.

Афинагор приравнивает христиан к философам. И доказательство «невиновности» ведёт исходя из того, что не только имя, означающее мировоззрение, роднит названных, но и учение. Точнее тот или иной «монотеизм» пифагорейцев, Платона, Аристотеля, стоиков, а именно, различение вещества и несотворённого, несуществующего самостоятельно и обладающего существованием *per se*. Апологет демонстрирует знание античной философии и владение философским способом рассуждения. Своим защитным словом, его ходом и поворотными местами, Афинагор услаждает и глаз образованного гражданина, тем занимательнее то, что делает это для того, чтобы вновь показать превосходство христианского учения, заключающееся в «прямом» знании (религиозный путь аргументации): «...почему же им <философам> позволено безнаказанно писать и говорить о Боге то, что они хотят, а нам, которые могут удостоверить свои взгляды и истинность веры в единого Бога *доказательствами рассудка и доводами истины*, угрожают законом?», «...неразумно преклонять ухо к человеческим мнениям и отказывать в доверии исходящему от Бога Духу, Который как музыкальные инструменты заставил звучать уста пророков». Доводы истины — это сбывшиеся пророчества (*слова ставшие вещами*), это реальность жизни и смерти Христа, это утверждение нового пути рационального

познания, через практику учения. Пророки учили «монотеизму», философски-очевидному, словами Источника, говорили о Нём по Его внушению.

KSENIYA SAVINA, lecturer

**PLATONISM AS RATIONAL PART OF THEOLOGY
OF EARLY CHRISTIAN APOLOGIST'S (CASE
OF ATHENAGORAS OF ATHENS)**

Christianity enters the space of philosophical discussion of the 2nd century with its foreign-cultural tradition, using middle Platonism as a “gateway to entry” to true knowledge. For Athenagoras, Plato’s rational theology is qualitatively inferior to biblical theology, but their field of reasoning is the same, and Hellenic inferences can serve as a propaedeutic to the Christian worldview.

Keywords: History of philosophy, middle Platonism, history of Christianity, early Christianity, apologetics, rational theology

Athenagoras the Athenian was the head of the Platonic School and the apologist who addressed his word to Emperor Marcus Aurelius at c. 176, possibly in Alexandria. The surviving “Intercession about Christians” demonstrates the way of argumentation that Tertullian will bring to perfection, but in general it inherits Justin. According to Athenagoras, Christians are inhabitants of the empire, equal in rights, at least, and first of all, with the philosophers; *nomen ipsum* is not a reason for punishment. All actions of Christians, called impious, except those attributed to them out of hostility, are dictated by their views, which should be taken into account by any educated citizen.

Athenagoras equates Christians with philosophers. And the proof of “innocence” is based on the fact that not only the name, meaning worldview, makes relatives the named, but also the doctrine. More precisely, this or that “monotheism” of the Pythagoreans, Plato, Aristotle, the Stoics, namely, the distinction between substance and uncreated, non-existent independently and having existence *per se*. The apologist demonstrates knowledge of ancient philosophy and possession of the philosophical way of reasoning.

With his protective word, his move and turning points, Athenagoras also delights the eye of an educated citizen, all the more interesting is that he does it in order to re-show the superiority of the Christian teaching, which consists in “direct” knowledge (religious way of argumentation): “... why they <philosophers> are allowed to write and speak about God what they want with impunity, and we, who can prove their views and the truthfulness of faith in one God *with proofs of reason and arguments of truth*, threaten with the law?”, “...It is unwise to bow your ear to human opinions and refuse to trust the Spirit coming from God, Who, like musical instruments, made the lips of the prophets sound.” *The arguments of truth* are fulfilled prophecies (words that have become things), this is the reality of the life and death of Christ, this is the assertion of a new path of rational knowledge, through the practice of teaching. The prophets taught “monotheism,” philosophically obvious, in the words of the Source, speaking about Him at His suggestion.

КАРГАЛЬЦЕВ АЛЕКСЕЙ ВИТАЛЬЕВИЧ, кандидат исторических наук; Институт философии человека, РГПУ им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия), старший преподаватель

**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СРЕДА
РАННЕХРИСТИАНСКИХ МУЧЕНИКОВ НА МАТЕРИАЛЕ
«СТРАСТЕЙ ПЕРПЕТУИ И ФЕЛИЦИТАТЫ»***

Доклад посвящен интеллектуальной среде раннехристианских общин римской Северной Африки на рубеже II–III вв, нашедших отражение в «Страстях Перпетуи и Фелицитаты». В докладе будет рассмотрен вопрос о том, что представляло собой образование героев «Страстей» и какие философские школы в наибольшей степени повлияли на их мировоззрение.

*Видеозапись
доклада:*

Ключевые слова: Раннее христианство, Карфаген, мученики, Северная Африка

* Доклад подготовлен в рамках проекта РФФИ №21-011-44180 «Политическое измерение раннехристианской агиографической литературы».

ALEXEY KARGALTSEV, CSc in History; Herzen University
(St. Petersburg, Russia), Senior Lecturer

**INTELLECTUAL BACKGROUND OF THE EARLY
CHRISTIAN MARTYRS BASED ON “THE
PASSION OF PERPETUA AND FELICITATA”***

The report explores the intellectual environment of the early Christian communities of Roman North Africa at the turn of the 2nd–3rd centuries as it was reflected in the “Passion of Perpetua and Felicitata.” The author tries to answer what education the heroes of “Passion” got, and what philosophical schools influenced their worldview the most.

Keywords: Early Christianity, Carthage, Christian Martyrs, North Africa

* The report was prepared within the framework of the Russian Foundation for Basic Research project No 21-011-44180 “Political Dimension of Early Christian Hagiographic Literature.”

СЕКЦИЯ 6: РАЦИОНАЛЬНАЯ ТЕОЛОГИЯ В НЕОПЛАТОНИЗМЕ

Романенко Юрий Михайлович, доктор философских наук, профессор; Российский Государственный Педагогический Университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия), профессор

СИМВОЛИКА ЧИСЛА В ОНТОТЕОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В исследовании рассматривается проблема методологической роли числа в экспликации онтотеологического знания. Обращается внимание на пифагорейско-платоновскую диалектику единицы и двоицы, а также другие арифмологические структуры. Анализируются и ком-

*Видеозапись
доклада:*

ментируются идеи платоновского «неписанного учения» и коррелятивных текстов в истории философии. Высказывается тезис о том, что число играет принципиальную концептуальную роль в онтологических доктринах.

Ключевые слова: Число, символ, онтология, теология, диалектика, арифмология

YURIY ROMANENKO, DSc in Philosophy, Professor;
erzen State Pedagogical University of Russia
(St Petersburg, Russia), Professor

THE SYMBOLISM OF NUMBER IN THE ONTOTHEOLOGICAL DISCOURSE

The study examines the problem of the methodological role of number in the explication of ontotheological knowledge. Attention is drawn to the Pythagorean-

Platonic dialectics of the arithmological structures. The ideas of Plato's "unwritten doctrine" and correlative texts in the history of philosophy are analyzed. The thesis is that number plays a fundamental conceptual role in ontological doctrines.

Keywords: Number, symbol, ontology, theology, dialectics, arithmology

СОБОЛЬНИКОВА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА, кандидат философских наук, доцент; Северо-Западный государственный медицинский университет имени И. И. Мечникова (Санкт-Петербург, Россия), доцент

ИДЕЯ МОНИЗМА В ТРАКТАТЕ ТИМЕЯ ЛОКРСКОГО «О ПРИРОДЕ КОСМОСА И ДУШИ»

Идея монизма получает обоснование в трактате Тимея Локрского «О природе космоса и души», где происходит переход позднеантичной философской мысли от признания идей Платона к обоснованию универсальной Идеи (Бога) и соотношению необходимости с одной стороны — с пространством, с другой — с аристотелевской материей.

Ключевые слова: Бог, Ум, материя, монизм, неопифагореизм, неоплатонизм, Платон, Тимей Локрский

В позднеантичной философской традиции появляются идеи, признающие выше двух начал — формы (μορφή) и материи (οὐσία), которые соответствовали монаде и диаде неопифагорейцев — третье высшее начало, которое «движет само себя и первое по себе», «не просто ум (νοῦς), но что-то лучшее, что превосходит ум и называется Богом» (Архит, Сириан, Бронтин, Евдор). Наиболее ярко идея единого начала бытия получает обоснование в трактате Тимея Локрского «О природе космоса и души», где заметен переход от плюрализма неопифагорейцев, как признания двойственной основы бытия, к монизму, основанному на при-

*Видеозапись
доклада:*

знании единого духовного начала — Бога. Стремясь к обоснованию философского монизма, Тимей Локрский подменяет идеи Платона — универсальной Идеей (Богом) и соотносит необходимость с одной стороны — с пространством, с другой — с аристотелевской материей, что порождает смысловую неясность: если необходимость противопоставлена Уму, то она должна принадлежать не природе Блага, а природе зла — именно такой «логике» последовал бы неоплатонизм, наиболее влиятельный и духовно «близкий» к Платону. Тимей Локрский размышляет в русле неопифагорейской «логики»: необходимость не является противоположностью Блага, она выступает лишь принципом возникновения «вторичных» вещей», что ослабляет неоплатонические версии решения вопроса о соотношении материи и зла, делая данный подход своеобразным «поворотным пунктом» во всей последующей античной философии. Согласно Тимею Локрскому, Бог обладает полнотой Блага, является творцом всего наилучшего, упорядочивает материю и создает космос как «предел природы сущего».

ELENA SOBOLNIKOVA, CSc in Philosophy, Associate Professor;
Mechnikov North-West State Medical University
(Saint-Petersburg, Russia), Associate Professor

THE IDEA OF THE MONISM OF TIMAIOS OF LOCRI “ON THE NATURE OF THE WORLD AND THE SOUL”

The idea of monism is justified by Timaios of Locri’s treatise “On the nature of the world and the soul,” where there is a transition of late antique philosophy from the recognition of Plato’s ideas to the justification of the universal Idea (God) and the relationship of necessity on the one hand with *space*, and on the other, with Aristotelian *substance*.

Keywords: God, Good, Mind, substance, Monism, neo-Pythagoreanism, Neo-Platonism, Plato, Timaios of Locri

In the late-Antique philosophical tradition, have been recognized as above principles — form (μορφή) and substance (οὐσία), which corresponded to the monad and dyad of the Neo-Pythagoreans — a third higher principle that “moves itself and the first in it-

self,” “not just the Mind (νοῦς), but something better that transcends the mind and is called God.” The idea of a single principle of being is most clearly justified in the treatise of Timaios of Locri “On the nature of the world and the soul,” where the transition from the pluralism of the Neo-Pythagoreans, as a recognition of the dual basis of being, to monism, based on the recognition of a single spiritual principle-God, is noticeable. Seeking to substantiate philosophical monism, Timaios of Locri replaces Plato’s ideas with a universal Idea (God) and correlates necessity with space on the one hand, and with Aristotelian substance on the other, which creates a semantic ambiguity: if necessity is opposed to the Mind, then it must belong not to the nature of Good, but to the nature of evil — this is the “logic” that Neoplatonism, the most influential and spiritually “close” to Plato, would follow. Timaios of Locri reflects in line with the Neo-Pythagorean “logic”: necessity is not the opposite of Good, it is only the principle of the emergence of secondary “things,” which weakens the Neoplatonic versions of the solution of the question of the relationship of substantiate and evil, making this approach a kind of “turning point” in all subsequent ancient philosophy. According to Timaios of Locri, God has the fullness of Good, is the creator of all that is best, orders substance, and creates the cosmos as “the limit of the nature of things.”

ХАМИДОВ АЛИШЕР АСЛАМОВИЧ, Санкт-Петербургский
государственный университет (Санкт-Петербург,
Россия), инженер-исследователь

АРИСТОТЕЛЬ И ТЕОФРАСТ О РАССУДИТЕЛЬНОСТИ И НЕСУРАЗНОСТИ*

В данной работе противопоставляются понятия фронезиса Аристотеля и понятие несуразности Теофраста в контексте практической аргументации. Автор противопоставляет способность принимать верные решения, совершать корректные поступки, умение отличать хо-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 20-011-00485.

рошее от плохого в конкретных жизненных ситуациях и неспособность принимать верные решения, основанную на отсутствии релевантности между действиями агента и ситуацией, в которой он находится.

Ключевые слова: фроне́зис, несуразность, релевантность, Теофраст, практическая аргументация

*Видеозапись
доклада:*

В своем наиболее известном произведении, дошедшем до наших дней — в сочинении «Характеры» — Теофраст повествует о тридцати типах человеческого характера на примерах из повседневной жизни. Одним из них выступает бестактность (ἀκαίρια) — двенадцатый по счету тип, определяемый автором как «неумение выбрать подходящий момент, причиняющее неприятность людям, с которыми общаешься» [1]. Иными словами, бестактный человек действует всегда невпопад или не вовремя.

Само слово ἀκαίρια подразумевает отрицание меры (καίρος). Греческое слово «καίρος» также является именем божества (одной из ипостасей времени, противоположной Хроносу). Крылатый бог Кайрос обращает внимание людей на подходящий момент, когда следует действовать, чтобы добиться успеха. Согласно греческой мифологии, Кайроса можно поймать за прядь волос, однако это является сложной задачей.

Представляется небезынтересным сопоставить данное понятие Теофраста с аристотелевским концептом рассудительности. Такое сопоставление, на наш взгляд, лучше высвечивает каждое из понятий. В контексте практической аргументации можно сказать, что, тогда как рассудительность предполагает принятие релевантных решений и совершение корректных поступков, способность различать в разного рода жизненных ситуациях, несуразность отсылает к неспособности принимать верные решения ввиду отсутствия релевантности между действиями агента и ситуацией, в которой он находится.

Рассудительный человек выступает противоположностью бестактному (несуразному). Так, рассудительность (φρόνησις), согласно Аристотелю, определяется как «[ду-

шевный] склад причастный суждению, истинный и предполагающий поступки, касающиеся человеческих благ» [2]. Рассудительность подразумевает успешную аппликацию практического силлогизма к частной ситуации, она является своего рода практической рациональностью. В отличие от бестактного рассудительный человек действует во благо, его поступки приносят пользу ему самому и окружающим. Бестактный же человек не учитывает интересы других людей. Рискнем предположить, что такой человек нарушает правила прагматической релевантности: его поступки не отражают цели участников диалога, их желания и ценности. В силу такого рода неконсистентности между избранной линией поведения и ситуацией возникает комический эффект.

Литература

1. *Теофраст*. Характеры. Л.: Наука, 1974.
2. *Аристотель*. Никомахова этика. Сочинения: в 4 т. Т. 4. М.: Изд-во «Мысль», 1983.

ALISHER KHAMIDOV, St Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia), Researcher

ARISTOTLE AND THEOPHRASTUS ON PHRONESIS AND UNSEASONABLENESS*

This work contrasts the concept of Aristotle's phronesis and the concept of unseasonableness of Theophrastus in the context of practical argumentation. The author opposes the ability to make the right decisions, to do the right things, the ability to distinguish good from bad in specific life situations and the inability to make the right decisions.

Keywords: phronesis, unseasonable man, Theophrastus, practical argumentation

* The research was funded by the Russian Foundation for Basic Research, project No 20-011-00485.

БЕГИЧЕВ АЛЕКСАНДР ДИМИТРИЕВИЧ, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), аспирант

**«НАРОДНЫЕ БОГИ» И ИХ МЕСТО В ОНТОЛОГИИ
ФЛАВИЯ КЛАВДИЯ ЮЛИАНА**

Император Юлиан в своём полемическом труде «Против галилеян» использует понятие народного бога. Введение этого понятия позволяет Юлиану описать особенности

*Видеозапись
доклада:*

культуры того или иного народа. В данном докладе будет раскрыто содержание понятия «народный бог» и показано, как Флавий Клавдий Юлиан встраивает «народных богов» в свою онтологическую систему.

Ключевые слова: Флавий Клавдий Юлиан, неоплатонизм, бог, народный бог, онтология.

ALEKSANDR BEGICHEV, St Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia), Postgraduate

**”NATIONAL GODS” AND THEIR PLACE IN THE
ONTOLOGY OF THE EMPEROR JULIAN**

The Emperor Julian, in his polemical work “Against the Galileans,” uses the concept of a national god. The introduction of this concept allows Julian to describe the peculiarities of the culture of a particular people. This report will reveal the content of the concept of “national god” and show how Flavius Claudius Julian integrates “national gods” into his ontological system.

Keywords: Flavius Claudius Julian, neoplatonism, god, national god, ontology

СЕРКОВА ВЕРА АНАТОЛЬЕВНА, доктор философских наук, профессор; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия), профессор

ВРЕМЯ В ДИАЛОГЕ «ТИМЕЙ»

Учение о времени Платон разворачивает в диалоге «Тимей», имеющего богатую исследовательскую традицию, начиная с неоплатоников. Сложности в истолковании времени, содержащиеся в диалоге, стимулируют развитие представлений о времени и содержат множество проблем, актуальных как для платоноведения, так для современных представлений о природе времени.

Ключевые слова: Платон, Тимей, время, космология, онтология

Диалог Платона «Тимей» стал одновременно теологической, онтологической и гносеологической основой представлений о структуре мира, в котором понятию времени отведено значительное место. Время является необходимой опорой для понятийного порядка и отношений внутри мирового целого. «Тимей» является отправной точкой «описания» времени в неоплатонической традиции. «Движущееся подобие вечности» (Тимей, 39d), — это лучшее из возможных определений времени философа, не только не чуждого поэтического чувства формы, но основательно внедрившего его в свою рациональную деятельность. Однако, поэтическое совершенство определений Платона отступает на второй план перед совершенной формой его структурных построений, в которых время оказывается основой связи его космологических и гносеологических построений в описаниях становящегося как отношения тождественного и иного. Плотин первым из неоплатоников обращается к толкованию «Тимея». В третьей Эннеаде (III, 7) он, следуя «путем упорного размышления» (III, 7, 1), излагает свои представления о времени и отмечает при этом, что взгляды, выработанные по этим вопросам древними, считаются «вполне исчерпывающими вопрос» (III, 7, 1). Для Плотина вопрос заключается в том, кто именно из древних направил

на плодотворный путь понимания природы времени. Конечно, он «следует Платону», комментируя, дополняя и уточняя все, высказанное им в «Тимее». Самый существенный вклад в толкование платоновских представлений о времени внес Прокл в «Комментариях к «Тимею», написанных на последнем этапе его обучения у Сириана. Его «Записки» представляют собой весьма объемистый труд, включающий слышанные им лекции и собственные обширные комментарии к «Тимею». Неоплатоник Филопон с христианских позиций критикует у Прокла смысл временных терминов Платона, в частности, понятие «порожденный» (γενητόν). Однако, интерес представляют не только комментаторы диалога Платона, но и сам Тимей Локровский, изложивший свое учение в сочинении «О природе космоса и души».

Философские и филологические исследования «Тимея», начавшись в античные времена, расцветают в платоноведении в XX веке (С А. Тэйлор, 1928; Г. Морроу, 1950; С. Осборн, 1996; Ф. Корнфорд, 1997; Д. Сэллис, 1999; Г. Рейдэмс-Шилс, 2003; С. Славева-Гриффин, 2005; Р. Мор и Б. Саттлер, 2010; С. Броди, 2012; А. Романов, 2013; А. Афонасина, 2014; К. Пирс, 2015–2016; П. де Симоне, 2020; К. Донне, 2020; Л. Папагигис, 2020; Дж. Калво, 2020; А. Плесков 2019).

Как соотносятся онтологические (заданные Парменидом), и гносеологические характеристики времени, почему учение о времени относится только к правдоподобному, но не истинному представлению, в чем смысл гносеологической осторожности Платона в учении о хроносе, каковы космологические функции времени, — это проблемы, которые ставятся в этом докладе.

VERA SERKOVA, DSc in Philosophy, Professor; Peter
the Great St Petersburg Polytechnic University
(Saint-Petersburg, Russia), Professor

TIME IN PLATO'S *TIMAEUS*

Plato unfolds the doctrine of time in the dialogue “Timaeus,” which has a rich research tradition, starting with the Neoplatonists. The difficulties in the interpretation of time

contained in the dialogue stimulate the development of ideas about time and contain many problems that are relevant both for Platonic studies and for modern ideas about the nature of time.

Keywords: Plato, Timaeus, time, cosmology, ontology

Plato's dialogue "Timaeus" became at the same time the theological, ontological and epistemological basis of ideas about the structure of the world, in which the concept of time is given a significant place. Time is a necessary support for the conceptual order and relations within the world whole. The "Timaeus" is the starting point of the description "of time in the Neoplatonic tradition. "The moving semblance of eternity" (Timaeus, 39d) is the best possible definition of time by a philosopher who is not only not alien to the poetic sense of form, but has thoroughly introduced it into his rational activity. Plotinus is the first of the Neoplatonists to turn to the interpretation of the Timaeus. In the third Ennead (III, 7), he, following "the path of persistent reflection" (III, 7, 1), sets out his ideas about time and notes that the views developed on these issues by the ancients are considered "completely exhaustive of the question" (III, 7, 1). The most significant contribution to the interpretation of Plato's ideas about time was made by Proclus in the "Commentaries on the Timaeus," written at the last stage of his training with Syrianus. His "Notes" are a very voluminous work, including the lectures he heard and his own extensive comments on the "Timaeus."

Philosophical and philological studies of the Timaeus, which began in ancient times, flourish in Platonic studies in the 20th century (With A. Taylor, 1928; G. Morrow, 1950; S. Osborne, 1996; F. Cornford, 1997; D. Sallis, 1999; G. Reidams-Shiels, 2003; S. Slaveva-Griffin, 2005; R. Mohr and B. Sattler, 2010; S. Brody, 2012; A. Romanov, 2013; A. Afonasina, 2014; K. Pierce, 2015–2016; P. de Simone, 2020; K. Donne, 2020; L. Papagigis, 2020; J. Kalvo, 2020; A. Pleskov, 2019).

How the ontological (given by Parmenides) and epistemological characteristics of time relate, why the doctrine of time refers only to a plausible but not true representation, what is the meaning

of Plato's epistemological caution in the doctrine of chronos, what are the cosmological functions of time — these are the problems that are raised in this report.

Никулин Максим Сергеевич, Институт философии человека РГПУ им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия), аспирант; Санкт-Петербургская духовная академия (Санкт-Петербург, Россия), старший преподаватель; Русская христианская гуманитарная академия (Санкт-Петербург, Россия), старший преподаватель

Ноология Плотина как опыт рациональной теологии*

Доклад представляет собой попытку обоснования понимания учения Плотина об Уме (ноологии) как рациональной теологии. Это осуществляется путем рассмотрения доктрины философа о трех Ипостасях и выявления Ума как особого предмета позитивного богословия, в отличие от апофатической теологии Единого и философии божественной Души. Исследуется вопрос о познании природы Ума через просвещение души и восприятие его следов дискурсивным рассудком.

Ключевые слова: Плотин, ноология, рациональная теология, неоплатонизм, триадология, генология, психология.

Теология Плотина часто рассматривается в мистическом аспекте. В нем видят больше опытного созерцателя, чем дискурсивного богослова. Но в последнее время также появляются работы, раскрывающие моменты положительного богословия философа. Учение Плотина иногда рассматривается в рамках таких топосов философской теологии, как вопросы теодицеи и темпоральности. Однако современным «штатным» философским теологам Плотин малоизвестен и малоинтересен.

*Видеозапись
доклада:*

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44178.

В трактате «О трех изначальных ипостасях» Плотин ссылается на второе письмо Псевдо-Платона, написанное, вероятно, в пифагорейской среде в конце II — начале I в. до н. э. Согласно Плотину, Ум, Душа и Космос не являются тремя высшими началами, но тремя Ипостасями, то есть продуктами Первопринципа (Единого). В книге «Против Юлиана» Кирилл Александрийский сближает христианское учение о Троице с триадологией Плотина, но видит важнейшее отличие первой в доктрине консубстанциональности.

Генология Плотина является теологией, но Единое трансцендентно и поэтому исключает возможность катафатики. Ноология также является теологией, поскольку философ называет Ум Богом. Термин «рациональная теология» может иметь два смысла, разумная и рассудочная теология, соответствующие двум этапам богопознания, эмпирическому и дескриптивному. В трактате «О познающих Ипостасях и том, что по ту сторону» Плотин рассуждает о двух способах познания Ума, интуитивном и дискурсивном. Душа может эмпирически почувствовать Ум, причаститься, уподобиться и даже стать Им, но также она может осмыслить свой опыт через рассудок (*διάνοια, λογιστικόν*), поскольку он связан с Умом через содержащиеся в нем письма (*γράμμασιν*), законы (*νόμοις*), правила (*κάνονιν*). Психология тоже может рассматриваться как «рациональная теология», но не в том смысле, сформированном в контексте христианского богословия, который придается термину в настоящее время.

В структуре Ума Плотин выделяет триаду умопостигаемое–Ум–мышление. Эта триада близка структуре «чистого Я» Э. Гуссерля, но феноменологическая гносеология бытийно не фундирована, в отличие от неоплатонической модели. Эту проблему Э. Гуссерль впоследствии пытался решить через концепцию «жизненного мира» (*Lebenswelt*). Ноология Плотина могла бы стать онтологическим фундаментом современной эпистемологии, а ее теологичность — основанием всякого гуманитарного знания.

MAKSIM NIKULIN, Institute of the philosophy of a human,
Herzen University (Saint Petersburg, Russia), Postgraduate;
Saint Petersburg Theological Academy (Saint Petersburg,
Russia), Senior Lecturer; Russian Christian Academy for the
Humanities (Saint Petersburg, Russia), Senior Lecturer

NOOLOGY OF PLOTINUS AS AN ESSAY OF RATIONAL THEOLOGY*

The report is an attempt to ground the understanding of Plotinus's teaching on the Intellect (noology) as a rational theology. This is done by considering the philosopher's doctrine of the three Hypostases and identifying the Intellect as a special object of positive theology, in contrast to apophatic theology of the One and philosophy of the divine Soul.

Keywords: Plotinus, noology, rational theology, neoplatonism, triadology, henology, psychology

Plotinus' theology is often viewed from a mystical aspect. He is considered as an experienced contemplator rather than a discursive theologian. But recently, works have also appeared in which moments of the philosopher's positive theology are revealed. Plotinus' teachings are sometimes considered within the framework of such topoi of philosophical theology as questions of theodicy and temporality.

In the treatise "On the Three Primary Hypostases" Plotinus refers to Pseudo-Plato's second letter, written, probably in the Pythagorean environment around 100 BC. According to Plotinus, the Intellect, the Soul and the Cosmos are three Hypostases, that is, products of the First Principle (the One). In the book "Against Julian," Cyril of Alexandria compares the Christian notion of the Trinity with Plotinus' triadology, but sees the most important difference of the former in the doctrine of consubstantiality.

Plotinus' henology is a theology, but the One, being transcendental, excludes any cataphatics. Noology is also a theology, as the philosopher calls the Intellect God. The term "rational theology"

* The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research, project No 21-011-44178.

may have two meanings, reason and understanding, corresponding to two stages of knowledge of God, empirical and descriptive. In the treatise “On the Knowing Hypostases and That Which is Beyond” Plotinus discusses two ways of cognizing the Intellect, intuitive and discursive. The soul can empirically feel the Intellect, partake in, assimilate to and even become It, but it can also comprehend its experience through understanding (διάνοια, λογιστικόν), since it is connected with the Intellect through the inherent letters (γράμμασιν), laws (νόμοις), rules (κάνοσιν). Psychology may also be viewed as “rational theology,” but not in the sense formed in the context of Christian theology, which is attributed to the term at the present time.

In the structure of the Intellect, Plotinus distinguishes the Intelligible-Intellect-Intelligence triad. This triad is close to E. Husserl’s “pure ego”’s structure, but the phenomenological epistemology is not substantiated, in contrast to the neoplatonic model. E. Husserl later tried to solve this problem through the concept of the “Lifeworld.” Plotinus’ noology could become the ontological ground of modern epistemology, and its theological nature — the foundation of any humanitarian knowledge.

ВАРЛААМОВА МАРИЯ НИКОЛАЕВНА, кандидат философских наук; Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения (Санкт-Петербург, Россия), научный сотрудник; Институт философии РАН (Москва, Россия), ассоциированный научный сотрудник

ПРИРОДА, ТЕЛО И ПНЕВМА: ДУША И ПОДЛЕЖАЩЕЕ ДУШИ У ФИЛОПОНА*

Ключевым вопросом данного доклада будет вопрос о функции пневматического тела как подлежащего чувствующей души и ее способностей в комментариях Филопона на трактаты Аристотеля «О душе» и «Физи-

* Доклад подготовлен при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-011-00094 «Проблема соотношения разума, души и тела в позднеантичных комментариях на Аристотеля».

ка». Возможно ли пневму рассматривать не только как посредника между органическим телом и чувствующей душой, но и как посредника между общей и частной природой?

Ключевые слова: Душа, природа, Филопон, пневма, тело

Филопон, трактуя учение о трех видах души в комментарии на «О душе» Аристотеля, указывает, что понятие души эквивокально, то есть эти три вида души не имеют общего понятия и определения, но имеют лишь общее имя и описание. Кроме того, Филопон полагает, что каждый из видов души имеет собственное подлежащее тело, и эти тела отличаются друг от друга по свойствам и строению. Так, подлежащим питающей души является органическое тело, сложенное из элементов, подлежащим чувствующей души — пневматическое тело, а подлежащим разумной души — астральное тело. Связь этих тел, также, как и связь душ, одушевляющих эти тела, можно рассмотреть в рамках порядка от первого к последующему, и вместе они образуют структуру живого организма. Ключевым вопросом данного доклада будет вопрос о пневматическом теле как подлежащем чувствующей души и собственно о чувствующей душе как энтелехии этого тела — какова функция пневматического тела и зачем это дополнительное тело необходимо Филопону для того, чтобы пояснить функции чувствующей души? Вопрос о чувствующей душе имеет и другое измерение. В Комментарии на «Физику» Филопон соотносит растительную душу с видовой природой, а животную душу — с природой целого или с целым творения. Если рассматривать представление пневматическом теле в этой перспективе,

*Видеозапись
доклада:*

то возникает вопрос: как само пневматическое тело, будучи подлежащим животной души, соотносится с видовой природой и с природой целого? Возможно ли пневму рассматривать не только как посредника между органическим телом и чувствующей душой, но и как посредника между общей и частной природой?

MARIA VARLAMOVA, CSc in Philosophy; Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation (Saint Petersburg, Russia), Research Fellow; RAS Institute of Philosophy (Moscow, Russia), Associate Research Fellow

NATURE, BODY AND PNEUMA: SOUL AND IT'S UNDERLYING BODY IN PHILOPONUS*

The key question of this report is the function of pneumatic body as a substrate of sensitive soul and it's capacities in Philoponus' commentaries on Aristotle. Is it possible to consider pneuma not only as a mediator between the organic body and sensitive soul, but also as a mediator between particular nature and the nature of the whole?

Keywords: Philoponus, soul and body relations, pneuma, nature

Philoponus, interpreting the doctrine of the three types of soul in the commentary on Aristotle's "On the Soul," points out that the concept of the soul is equivocal, that is, these three types of soul do not have a common definition, but they only have a common name and description. Moreover, Philoponus believes that each type of soul has its own underlying body, and these bodies differ from each other in properties and structure. Thus, the substrate of the nourishing soul is an organic body composed of elements, the substrate of the sensitive soul is the pneumatic body, and the substrate of the rational soul is the astral body. The connection of these bodies, as well as the connection of the souls that animate these bodies, can be considered in the framework of the order of *proteron kai hysteron*, and together they form the structure of a living organism. Additionally, in the Commentary on Aristotle's Physics Philoponus speaks on the relation between nutritive soul and the nature of the species as well as on the relation between sensitive soul and the whole creation or the nature of the whole. The key question of this report will be the function of pneumatic

* The present study is funded by the Russian Foundation for Basic Research, project No 20-011-00094 "Mind, Soul and Body Relations in Late Ancient Commentaries on Aristotle."

body as a substrate of sensitive soul and it's capacities. Is it possible to consider the pneuma not only as a mediator between the organic body and sensitive soul, but also as a mediator between particular nature and the nature of the whole?

Ноговицин Олег Николаевич, кандидат философских наук, доцент; Социологический институт РАН Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия), старший научный сотрудник

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ПОСРЕДСТВОМ АНАЛОГИИ В ФИЛОСОФИИ И БОГОСЛОВИИ ИОАННА ФИЛОПОНА*

В докладе анализируется логическая форма доказательства по аналогии, а также примеры демонстрации Филопоном области его применения и эпистемологических возможностей в богословских и философских сочинениях, прежде всего в христологическом трактате «Арбитр», Комментарии на «Вторую аналитику» Аристотеля и позднем трактате «О целом и частях».

Ключевые слова: Иоанн Филопон, неоплатонизм, аналогия, христологическая полемика, монофизиты, диофизиты

В докладе исследуется методологический фундамент доказательства Иоанном Филопоном монофизитской позиции по вопросу о сущности Воплощения, которое он разворачивает в своем главном христологическом трактате «Арбитр». В этом трактате Филопон доказывает, что в случае Христа мы имеем

*Видеозапись
доклада:*

дело с уникальной природой, которая совпадает с ипостасью, поскольку она имеет один экземпляр, не подпадающий под какой-либо общий вид, и одновременно дает развернутую критику диофизитской позиции, утверждающей единство двух природ в одной ипостаси Христа. С точки зрения, представленной в докладе, цен-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44263.

тральным элементом доказательства Филопона является аналогия между Христом и другими вещами космоса, обладающими одной природой, тождественной их ипостаси, состав определения и описания которых не дан ни в одной другой вещи в мире. В этом качестве Филопон берет Солнце, которое в рамках его доказательства является аналогом Христа. Данная аналогия не является простым сравнением, но имеют форму доказательства посредством аналогии, т. е. такого доказательства в инструментарии методов школьного неоплатонизма, которое дает необходимый вывод только в частном случае и выражает эксклюзивность самого аргумента, но не поддается универсализации с точки зрения универсального определения ее предметов. В докладе анализируется логическая форма доказательства по аналогии, образцовым вариантом которого в античности считалось доказательство, приведенное в «Началах» Евклида в отношении величин (V кн. Предложение 16) и чисел (VII кн. Предложение 13), а также примеры демонстрации Филопоном области его применения и эпистемологических возможностей в богословских и философских сочинениях, прежде всего, в Комментарий на «Вторую аналитику» Аристотеля (*In Post. Anal.* 73.8–75.3) и позднем трактате «О целом и частях» (*De total. et part.* 2–3, 5, 7).

OLEG NOGOVITSIN, CSc in Philosophy, Associate Professor;
Sociological institute of the Federal Center of Theoretical
and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
(St. Petersburg, Russia), Senior Researcher

ARGUMENTATION BY ANALOGY IN THE PHILOSOPHY AND THEOLOGY OF JOHN PHILOPONUS*

In the paper, an analysis is given of the logical form of argumentation via analogy, examples of demonstration of the area of its application and its epistemological possibilities in theological and philosophical works, given by Philoponus, in the first turn in the Christological treatise “Arbiter,” in the

* The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research, project No 21-011-44263.

Commentary on the *Analytica Posteriora* and in the late treatise “Concerning the Whole and the Parts.”

Keywords: John Philoponus, neoplatonism, analogy, christological polemics, monophysites, diophysites

In the paper, the methodological basics of John Philoponus’ argumentation of Monophysite view on the essence of the Incarnation, which he deploys in his main Christological treatise “Arbiter,” is scrutinized. Philoponus proves in this treatise that in the case of Christ, we deal with a unique nature coinciding with hypostasis due to that it has a single example which is not subject to any common species, and at the same time he gives he gives a detailed critique of Dyophysite position, which declares the unity of two natures in one hypostasis of Christ. As per the viewpoint represented in the paper, the core element of Philoponus’ argument is an analogy between Christ and other entities of the cosmos having one nature identical with their hypostasis, the composition and description whereof is not manifested in any other object in the world. As such, Philoponus engages the Sun, which becomes an analogy of Christ within the frames of his argument. The proposed analogy is not a simple comparison but it has a form of an argument via analogy, i. e. the one from the Neoplatonic scholar range of tools, which produces a necessary conclusion only in a particular case and expresses the exclusiveness of the very argument, but is not subject to universalization from the point of the universal definition of its subjects. In the paper, an analysis is given of the logical form of argumentation via analogy, which had a renowned standard example in Antiquity in the argument set forth in Euclid’s “Principles” in regard to magnitudes (book V, proposal 16) and numbers (book VII, proposal 13), as well as examples of demonstration of the area of its application and its epistemological possibilities in theological and philosophical works, given by Philoponus, in the first turn in the Commentary on the *Posterior Analytics* of Aristotle (*In Post. Anal.* 73.8–75.3) and in the late treatise *Concerning the Whole and the Parts* (*De total. et part.* 2–3, 5, 7).

СЕКЦИЯ 7: ВИЗАНТИЙСКИЙ ПЛАТОНИЗМ: ТЕОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ, ГИМНОГРАФИЯ

ДОРОФЕЕВ ДАНИИЛ ЮРЬЕВИЧ, доктор философских наук, профессор; Санкт-Петербургский горный университет (Санкт-Петербург, Россия), профессор, заведующий кафедрой философии

«РАЦИОНАЛЬНОЕ» И МИСТИЧЕСКОЕ В ОБРАЗЕ АНТИЧНОГО И СРЕДНЕВЕКОВОГО СВЯТОГО ФИЛОСОФА*

Выступление посвящено сравнению соотношения в образе античного и средневекового святого философа «рационального» и мистического начал. *Образ* будет пониматься нами и в отношении созданного визуально-пластического (живописного и скульптурного) произведения искусства, и в отношении реального конкретного человека. Будет показано различие в понимании образа и его мистической составляющей для античных и христианских философов.

Ключевые слова: Визуальный образ, мистическая составляющая образа, философы, Античность, Средневековье, иконография, искусство

Доклад будет рассматривать образы античных и средневековых философов в перспективе воплощения ими в своих образах (как визуально-пластических, так и реальных) органического и диалектического единства мистического и разумного начал. Через обращение к досократической традиции, Сократу, Платону, Аристотелю, стоикам и неоплатоникам будет показано, как в чувственно воспринимаемых образах соответствующих философов манифестировался опыт мисти-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект №20-011-00385а «Иконография античных и средневековых философов в православных храмах: специфика визуальной репрезентации человека в русской культуре».

ческого усмотрения бытия, который при этом соседствовал с Разумом. Здесь важно показать, что «эстетический» образ в Древней Греции раскрывал в себе глубинные основания умозрения, мистической «теории», плоды которой определяли и «рациональные» практики» повседневного существования в культуре «заботы о себе». Пластичный образ человека в классической скульптуре был «идеален», математически строго определен канонами соответствия с космосом, но и в нем проявлялась философская индивидуальность. Переходя к Средним Векам важно обосновать и утвердить само понятие «святого христианского (православного) философа». Будет затронута важная и трудная тема соотношения античной философии и христианского учения в период становления и утверждения христианской философии византийскими Отцами Церкви. В частности, будет показана связь в иконографии античных философов и христианских мыслителей (на примере связи иконографии Сократа и Иоанна Богослова). Будет показано, что все крупнейшие Отцы Церкви, являющиеся святыми философами (Афанасий, Капподокийцы, Златоуст, Максим, Симеон Новый Богослов, Григорий Палама) основой своего учения имели личный мистический опыт. Отдельно будет выявлено мистико-персоналистическое понимание образа как манифестации Первообраза, и новый эстетический способ проявления этой мистической личности в фресках, мозаиках и иконах. Автор выступления кратко рассмотрит иконографию некоторых святых православных философов, сравнив ее с иконографией античных философов в перспективе различия в соотношении мистического и «рационального» и самого понимания этих понятий. Также будет затронута тема присутствия фресковых образов античных философов

*Видеозапись
доклада:*

в православных храмах, в первую очередь в мистической перспективе (как это касается, например, иконографии «Платона во гробе»). Будут представлены редкие примеры изображений античных философов в храмах Византии, Сербии, России, собранные в рамках осуществляемого автором выступления проекта.

DANIIL DOROFEEV, DSc in Philosophy, Professor; St Petersburg Mining University (Saint Petersburg, Russia), Head of the Department of Philosophy, Professor

”RATIONAL” AND MYSTICAL IN THE IMAGE OF THE ANCIENT AND MEDIEVAL SAINT PHILOSOPHER*

The presentation is devoted to comparison of “rational” and mystical principles in the images of ancient and medieval philosophers. The image will be understood both in relation to created visual-plastic work of art, and in relation to a real person. The difference of the image and its mystical component for ancient and Christian philosophers will be shown.

Keywords: Visual image, mystical component of the image, philosophers, Antiquity, Middle Ages, iconography, art

The report will consider the images of ancient and medieval philosophers in the perspective of their embodiment in images of the organic unity of the mystical and rational principles. Through an appeal to the pre-Socratic tradition, Socrates, Plato, Aristotle and Neoplatonists, it will be shown how the experience of mystical perception of being was manifested in the sensibly perceived images of the corresponding philosophers. It is important to show here that the “aesthetic” image in Ancient Greece revealed the deep foundations of speculation, a mystical “theory,” the fruits of which also determined the “rational” practices of everyday existence in the culture of “self-care.” The plastic image of a person in classical sculpture was “ideal,” mathematically strictly defined by the canons of correspondence with the cosmos, but it also showed a philosophical individuality. Turning to the Middle Ages, it is important to substantiate and strengthen the very concept of “holy Christian (Orthodox) philosopher.” An important and difficult subject of the relationship between ancient philosophy and Christian doctrine in

* The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research, project No 20-011-00385a “The iconography of ancient and medieval philosophers in Orthodox churches: the specificity of the visual representation of man in Russian culture.”

the period of its formation, as well as establishing of Christian philosophy by the Byzantine Church Fathers, will be taken up. In particular, the connection in the iconography of ancient philosophers with Christian thinkers will be shown. It will be shown that all the major Church Fathers considered holy philosophers (Cappodocians, Maximus the Confessor, Symeon the New Theologian, Gregory Palamas), had personal mystical experience as the basis of their teaching. Separately, the mystical-personalistic understanding of the image as a manifestation of the Prototype will be revealed, as well as a new aesthetic way of manifesting this mystical personality in frescoes, mosaics and icons. The author of the talk will briefly examine the iconography of some holy Orthodox philosophers, comparing it with the iconography of ancient philosophers in the perspective of the difference in the relationship between mystical and “rational,” and the very understanding of these concepts. The theme of the presence of fresco images of ancient philosophers in Orthodox churches, primarily in a mystical perspective (for example, the iconography of “Plato in the Tomb”), will also be touched upon. Rare examples of images of ancient philosophers in the temples of Byzantium, Serbia, and Russia will be presented.

БИРЮКОВ ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ, доктор философских наук; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), научный сотрудник

СТАТУС АПОФАТИЧЕСКИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ О БОГЕ ВО 2-М ПИСЬМЕ ГРИГОРИЯ ПАЛАМЫ К ВАРЛААМУ КАЛАБРИЙСКОМУ*

Во 2-м письме к Варлааму Калабрийскому Григорий Палама рассуждает о том, что «окрест Бога» и проводит мысль о том, что к тому, что «окрест Бога», относится и то, что положительно говорится о Боге, и то, что отрицательно. Таким образом, Палама субстанциализиру-

* Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 19-011-00952, «Учение Григория Паламы как философская система: историко-философский анализ».

ет то, на что указывают отрицательные высказывания о Боге. В докладе предлагается трактовка того, что стоит за этим положением.

Ключевые слова: Григорий Палама, окрест сущности, энергии, божественные имена, катафатика, апофатика

Во 2-м письме к Варлааму Калабрийскому (1337 г.) Григорий Палама проводит следующие рассуждения. Бог есть Его сущность и то, что «окрест» Него — энергии. В том отношении, в котором Бог — сущность, Он немислим, в том же отношении, в котором Он — то, что окрест сущности, Он мысим. В этом смысле все причаствует Ему как Высшей реальности (гл. 32). Палама утверждает, что к тому, что окрест Бога, относится, например, Жизнь, Сущность и Сила, однако Бог сверхпревознесен над ними, и поэтому отрицательные высказывания о Боге — богоприличнее и истиннее, чем положительные. Поэтому, в отличие от других сущих, к тому, что «окрест Бога» относится и то, что положительно говорится о Боге, и то, что отрицательно. И эти положительные и отрицательные высказывания о Боге могут противоречить друг другу, причем, как контрарно, так и контрадикторно (гл. 34).

Здесь очень интересно, что Палама субстанциализирует то, на что указывают отрицательные высказывания о Боге. Его рассуждения предполагают, что эти высказывания указывают на нечто существующее — существующее окрест Бога. Выстраиваемую Паламой картину можно понять следующим образом.

На то, что существует окрест Бога, указывается как утвердительными, так и отрицательными высказываниями. Когда о Боге говорится утвердительно, то эти катафатические божественные имена указывают на те аспекты Бога, которые соотносимы с элементами структуры сотворенного Богом мира, поэтому энергии, соответствующие этим именам, причаствуемы тварным. Божественные энергии же, как будет эксплицитно учить Палама в написанных несколько позже «Триадах» (3.2.6–7), существуют в Боге независимо от тварного мира. Поэтому в Боге есть и такая энергийность, которая не соотносима с тварным миром.

Как мы видели, Палама утверждает, что отрицающие высказывания о Боге (апофатические божественные имена) указывают не только на нечто несуществующее, но и на существующее, на то, что есть окрест Бога. Но, в отличие от существующего окрест Бога, на которое указывается утвердительными высказываниями, то окрест Бога, на которое указывают отрицательные высказывания, не соотносимо элементами структуры тварного мира, и, соответственно, не причастуемо последним. Таким образом, учение Паламы о том, что отрицательные высказывания о Боге указывают, несмотря на заложенную в них негацию, на нечто сущее в Боге, можно понять так, что они отсылают именно к той энергичности, существующей окрест Бога, которая не соотносима с тварным миром.

DMITRY BIRIUKOV, DSc in Philosophy; National
Research University Higher School of Economics
(Moscow, Russia), Research Fellow

**THE STATUS OF APOPHATIC STATEMENTS ABOUT
GOD IN THE SECOND LETTER OF GREGORY
PALAMAS TO BARLAAM OF CALABRIA***

In the Second letter to Barlaam of Calabria (1337), Gregory Palamas reflect on what is “around God” and holds the idea that, unlike other beings, what is “around God” includes both what is positively and negatively said about God. In this way, Palama substantializes what negative statements about God indicate. The report offers an interpretation of what is behind this provision.

Keywords: Gregory Palamas, around God, energies, divine names, cataphatics, apophatics

In the Second letter to Barlaam of Calabria (1337), Gregory Palamas reflect on what is “around God (the divine essence)” and holds the idea that, unlike other beings, what is “around God” in-

* The research was prepared with a financial support of the Russian Foundation for Basic Research, project № 19-011-00952.

cludes both what is positive and negatively said about God. In this way, Palama substantializes what negative statements about God indicate. The report offers the following interpretation of what is behind this provision.

When God is spoken of in the affirmative way, the cataphatic divine names indicate those aspects of God that are correlated with the elements of the structure of the created world, so the energies corresponding to these names are associated with the created. However, the divine energies, as Palamas will explicitly teach later in the Triads (3.2.6–7), exist in God independently of the created world. Therefore, there is also an energy in God that is not correlated with the created world.

As we have seen, Palama asserts that negative statements about God (apophatic divine names) indicate not only something that does not exist, but also something that exists, something that is around God. But, unlike the existing around God, which is indicated on by affirmative statements, that around God what is indicated on by negative statements, is not correlated with the elements of the structure of the created world, and, accordingly, is not associated with the latter. Thus, Palamas' teaching that the negative statements about God indicate, despite the negation inherent in them, something that exists in God, can be understood in such a way that they refer to that energy that exists around God, what is not correlated with the created world.

ПРИХОДЬКО МАКСИМ АЛЕКСАНДРОВИЧ, кандидат философских наук; Приход в честь свт. Николая Мирликийского РПЦ/МП (Севилья, Испания), священник

**БЕСЕДА С БОГОМ НА РАВНИНЕ, или ЛОГОС
И ПРИРОДА В ТОЛКОВАНИИ ФИГУРЫ ИСААКА
у ФИЛОНА АЛЕКСАНДРИЙСКОГО***

В докладе рассматривается проблема соотношения умопостигаемой и чувственной реальностей в мире и чело-

* Грант РФФИ 21-011-44178 «Формирование рациональной теологии в античности и раннем средневековье» (РГПУ им. А. И. Герцена).

веке, сформулированная Филоном Александрийским в учении о «двойственном» Логосе. За основу рассуждения берется толкование Филоном эпизода выхода Исаака на равнину (Быт. 24:63). В интерпретации фигуры Исаака обнаруживаются важные черты, существенно дополняющие концепт о «двойственном» Логосе Филона и позволяющие понять адаптацию платонических и стоических доктрин в рамках монотеистической теологии.

Ключевые слова: логос, Исаак, смех, душа мира, экзегетика

МАХИМ ПРИКНОДКО, CSc in Philosophy; The Parish of St. Nicolas Russian Orthodox Church (Seville, Spain), priest

A CONVERSATION WITH GOD ON THE *PLAIN* OR *LOGOS* AND *NATURE* IN THE INTERPRETATION OF THE FIGURE OF ISAAC BY PHILO OF ALEXANDRIA

The report examines the problem of correlating intelligible and sensible realities in the world and in man, formulated by Philo of Alexandria in the doctrine of the “twofold” Logos. The reasoning is based on Philo’s interpretation of the episode of Isaac’s exit to the plain (Gen. 24:63).

Keywords: logos, Isaac, laughter, world soul, exegetics

ЩУКИН ТИМУР АРКАДЬЕВИЧ, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия), аспирант; Социологический институт РАН (Москва, Россия), ассоциированный научный сотрудник

ГРИГОРИЙ ПАЛАМА КАК КРИТИК ПЛАТОНОВСКОЙ ТЕОРИИ ИДЕЙ*

Доклад посвящен критике Григорием Паламой платоновской теории идей. В нем разбираются четыре текста из раннего периода творчества Григория Паламы,

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 19-011-00952 «Учение Григория Паламы как философская система: историко-философский анализ».

которые так или иначе были посвящены критике платоновской теории идей. На основании этих текстов вычленяются четыре пункта, по которым святитель расходится с афинским философом, а точнее с тем образом платоновской философии, который существовал в его сознании.

Ключевые слова: Григорий Палама, идея, энергия, универсалия, Варлаам Калабрийский, Григорий Акиндин

Доклад посвящен критике Григорием Паламой платоновской теории идей. В нем разбираются четыре текста, относящиеся к раннему периоду богословского творчества Григория Паламы, которые так или иначе были посвящены критике платоновского идеализма. На основании этих текстов вычленяются четыре пункта, по которым святитель расходится с афинским философом, а точнее с тем образом платоновской философии, который существовал в его сознании (и вероятно, в сознании многих образованных византийцев XIV века). В Первом письме к Варлааму Григорий Палама указывает на не-чистоту и страстность платоновской идеи, зараженность её случайным содержанием. Во Втором письме к Варлааму платоновские идеи критикуются за неспособность стать связующим звеном в богопознании, поскольку они являются «пустыми» универсалиями, предшествующими множеству вещей. Такие идеи не являются предметом созерцания и не могут стать началом рефлексии. В «Триадах в защиту священнобезмолвствующих» Григорий Палама прежде всего указывает на самостоятельность (автономность существования) идей, их отделенность и от Бога и от мира. Наконец, в «Антирретиках против Акиндина» речь идет о тварности идей, что опять-таки делает невозможным богообщение. В докладе утверждается, что хотя полемические выпады против Платона есть выпады скорее против оппонентов Григория Паламы, их вполне можно рассматривать и как способ манифестировать собственное учение. Григорий Палама самоопределяется как христианский философ, предлагающий оригинальную трактовку идей, отличную от той, что предлагает «языческая», собственно платоническая, мудрость.

TIMUR SHCHUKIN, Herzen State Pedagogical University
of Russia (Saint Petersburg, Russia), Postgraduate;
Sociological institute of the Russian Academy of Science
(Moscow, Russia), Associate Research Fellow

GREGORY PALAMAS' CRITICISM OF PLATO'S IDEAS*

This report focuses on Grigory Palama's criticism of Plato's ideas. It examines four texts from the early life of Gregory Palamas, which in one way or another were devoted to the criticism of Plato's ideas. On the basis of these texts, four points are identified on which the saint disagrees with the Athenian philosopher.

Keywords: Gregory Palamas, ideas, energy, universals, Barlaam of Calabria, Gregory Akindynos

The report focuses on Gregory Palama's criticism of Plato's ideas. It examines four texts related to the early life of Gregory Palamas, which in one way or another were devoted to the criticism of Platonic idealism. On the basis of these texts, four points are identified on which the saint disagrees with the Athenian philosopher, or rather with the image of Platonic philosophy that existed in his mind (and probably in the minds of many educated Byzantines of the 14th century). In his First letter to Barlaam, Gregory Palamas points out the impurity and passion of Plato's idea, its contamination by accidental content. In the Second Letter to Barlaam, Plato's ideas are criticized for their inability to become a link in the knowledge of God, since they are "empty" universals that precede many things. Such ideas are not the subject of contemplation and cannot become the beginning of reflection. In the "Triads For The Defense of Those Who Practice Sacred Quietude," Gregory Palamas first of all points out the independence (autonomy of existence) of ideas, their separation from both God and the world. Finally, in the "Antirretics contra Akindynos," we are talking about the creaturehood of ideas, which again makes it impossible to commu-

* Research grant 19-011-00952 of Russian Foundation of Basic Research "The doctrine of Gregory Palamas as a philosophical system: a historical and philosophical analysis."

nicate with God. The report argues that although polemical attacks against Plato are attacks rather against the opponents of Gregory Palamas, they can also be considered as a way to manifest his own teaching. Gregory Palamas defines himself as a Christian philosopher who offers an original interpretation of ideas, different from that offered by “pagan,” Platonic, wisdom.

ЧАРЫКОВА КАРИНА СЕРГЕЕВНА, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), магистр

ГИМНЫ ВЕЛИКОМУ ПОНЕДЕЛЬНИКУ, ВТОРНИКУ И СРЕДЕ КОСЬМЫ МАЮМСКОГО: НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОМПОЗИЦИИ И СОДЕРЖАНИЯ

В докладе рассматриваются два трипеснца и двупеснец Косьмы Маюмского (1 пол. VIII в.) на первые три дня Страстной седмицы. Использованные автором композиция гимнов, тематические акценты, структурирование содержания по разделам, способ цитирования — все это следует цели единения молящихся в едином настрое, соответствующим характеру празднования. Четкая конструкция формы облегчает восприятие, наличие рефрена способствует более активному участию молящегося в богослужебном действе.

Ключевые слова: Косьма Маюмский (Иерусалимский), гимнография, трипеснец, двупеснец, канон, Великий Понедельник, Великий Вторник, Великая Среда, Страстная седмица.

Косьма Маюмский, или Иерусалимский — гимнограф первой половины VIII в., перу которого принадлежит множество канонов.

Два трипеснца и двупеснец на Великие Понедельник, Вторник и Среда представляют собой краткий вариант жанра, по структуре тяготеющий к своему архаичному прототипу, и интересны с точки зрения структуры и содержания.

Все три гимна написаны на 2-й глас, имеют единый акростих. Количество тропарей в песнях

*Видеозапись
доклада:*

одинаково, за исключением удлинённых на тропарь 8-й песни гимна Вторнику (что является, как можно думать, компенсацией изъятой предыдущей 2-й песни) и последних, завершающих цикл, песен гимна Среде, описывающих предательство Иуды и являющихся кульминационной доминантой.

Содержание распределено по песням канона с определенной последовательностью, которая соответствует посвящению событиям Страстной седмицы.

Анализ композиции и содержания выявляют следующие аспекты, приоритетные у автора: 1) ограничение тематикой дня, 2) обращение не индивидуальное, но массовое к Богу и к молящимся; 3) сужение рассуждений на тему дня до небольшого по объёму концептуального вывода. Он не ставит задачей убедить слушателя (как Иоанн Златоуст, Ефрем Сирийский или Амфилохий Иконийский) или описать события (как Роман Сладкопевец), призвать к покаянию души (как Иоанн Златоуст, Роман Сладкопевец и вслед за ними Андрей Критский). Для Косьмы важно единение народа в молитве к Богу, приуроченной празднику. Соответственно, он избирает короткий стих с повторяющимся рефреном (для простоты подпевания); общее количество тропарей при этом невелико, тематика структурирована последовательно по песням. Последние два аспекта облегчают конструкцию произведения, не делая его восприятие утомительным.

Композиция гимнов, тематические акценты, структурирование содержания по разделам, способ цитирования, использование рефрена — все это следует цели единения молящихся в едином настроении, соответствующем характеру празднования. Четкая конструкция формы облегчает восприятие, наличие рефрена способствует более активному участию молящегося в богослужбном действе.

Косьма Майюмский делает гимнографию более песенной и массовой по сравнению с другими авторами. Если кондаки Романа Сладкопевца ближе к гомилетике, а в канонах Андрея Критского звучит обращение к душе каждого молящегося, у Косьмы заметна тенденция к призыву единения в празднич-

ной молитве — через грамматическое «мы», побудительное наклонение, совместное обращение, служение.

Рефлексия над идеей единства Церкви породила и музыкальную задачу: здесь, как и в других канонах, Косьма сочиняет ирмосы специально под каждую конкретную песню; повторяющийся припев песен способствует совместному участию верующих в праздничном действе. Приоритетность вышеперечисленных характеристик соответствует теологии единства в литургической форме выражения.

KARINA CHARYKOVA, St Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia), MA

HYMNS OF THE MAUNDY MONDAY, TUESDAY AND WEDNESDAY OF KOSMAS THE MELODOS: SOME PECULARITIES OF COMPOSITION AND CONTENT

The report examines three hymns of the first three days of Holy Week written by Kosmas the Melodos (the first half of the 8th century). The composition of hymns, thematic accents, structuring the content into sections, the way of citing, the use of refrain — all this follows the goal of uniting the worshipers in one mutual prayer of the feast.

Keywords: Kosmas (Cosmas) the Melodos (of Jerusalem), canon, hymnography, Maundy Monday, Maundy Tuesday, Maundy Wednesday, triodion

БАРЫШЕВА ОЛЬГА ИГОРЕВНА, Русская христианская гуманитарная академия (Санкт-Петербург, Россия), научный сотрудник

СПОСОБЫ ТОЛКОВАНИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ ПРАВИЛ: ВИЗАНТИЙСКИЕ КОММЕНТАРИИ К «КАНОНАМ» ФЕОДОСИЯ*

В настоящем докладе исследуются византийские комментарии к позднеантичному учебнику по грамматике — «Канонам» Феодосия. Внимание уделяется тому,

* Исследование выполняется при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 18-78-10051 «Византийский фактор в формировании русской логической традиции».

как комментаторы трактуют ряд проблемных мест, с которыми ученики сталкивались при освоении греческой грамматики.

Ключевые слова: античная грамматическая теория, византийская грамматическая теория, «Каноны» Феодосия, Иоанн Харакс, Георгий Хировоск

Основным учебником по грамматике в византийское время служили «Каноны склонения имен и глаголов для начинающих» Феодосия Александрийского (IV–V вв.) — приложение к авторитетным античным трактатам по грамматике, в первую очередь к «Искусству грамматики» Дионисия Фракийского (II–I в. до н. э.). «Каноны» представляют собой по сути грамматические таблицы с минимальным разъяснением некоторых правил. Поэтому вполне закономерно, что впоследствии составляются пространные комментарии к этим «Канонам». Известны два таких комментария: комментарий Иоанна Харакса, дошедший до нас в виде конспекта александрийского патриарха Софрония (IX в.), и комментарий Георгий Хировоска (IX в.), сохранившийся полностью. Эти комментарии и являются предметом настоящего доклада.

Цель нашего исследования — проанализировать эти тексты с точки зрения их содержания и логической аргументации. Мы концентрируемся на тех случаях, когда комментаторы уделяют особое внимание какому-либо грамматическому вопросу, затронутому в «Канонах» Феодосия. Тексты двух комментариев, вероятно, восходящие к утраченному корпусу античных источников, сопоставляются между собой, выявляется мера их взаимозависимости. Определяются подходы комментаторов к разъяснению тех вопросов, которые, с точки зрения византийцев, представлялись особенно важными и трудными, таких как, например: почему отсутствуют глагольные формы первого лица у двойственного числа; является ли именительный падеж собственно падежом и можно ли включать его в число падежей; как объяснить существование омонимичных глагольных форм и т. д. Изучение этих подходов позволяет глубже понять специфику учебного процесса в византийской школе.

OLGA BARYSHEVA, Russian Christian Academy for the Humanities
(Saint Petersburg, Russia), Research Fellow

**WAYS OF INTERPRETING GRAMMATICAL
RULES: BYZANTINE COMMENTARIES TO THE
“INTRODUCTION” OF THEODOSIUS***

This paper examines the Byzantine commentaries on the late antique textbook on grammar — the “Introduction to the Rules of Noun and Verb Declension” by Theodosius of Alexandria. Attention is paid to how the commentators interpret a number of problematic passages that students have encountered in mastering Greek grammar.

Keywords: Ancient grammatical theory, Byzantine grammatical theory, the “Introduction” of Theodosius, John Charax, George Choeroboscus

The main textbook on grammar in Byzantine time was the “Introduction to the Rules of Noun and Verb Declension” by Theodosius of Alexandria (4th–5th cc.) — a supplement to influential ancient treatises on grammar, primarily to the “Art of Grammar” by Dionysius of Thrace (2nd–1st cc. BC). Theodosius’ “Introduction” is essentially a series of grammatical tables with a minimal explanation of some of the rules. Therefore, it is quite natural that lengthy commentaries on the “Introduction” were subsequently drawn up. Two such commentaries are known: the commentary of John Charax, which has come down to us in the form of a synopsis by Sophronius of Alexandria (9th c.), and the commentary by George Choeroboscus (9th c.), which survived intact. These commentaries are the subject of this paper.

The purpose of our research is to analyze these texts in terms of their content and logical argumentation. We concentrate on those cases where the commentators pay special attention to any grammatical issue raised in Theodosius’ “Introduction.” The texts of two commentaries, probably dating back to the lost corpus of ancient sources, are compared with each other, and the

* This paper is part of the research project № 18-78-10051 funded by the Russian Science Foundation.

measure of their interdependence is revealed. The author defines the approaches of commentators to clarifying the issues that, from the point of view of the Byzantines, seemed especially important and difficult, such as, for example: why there are no verbal forms of the first person in the dual; is the nominative case actually a case and can it be included in the number of cases; how to explain the existence of homonymous verb forms, etc. The study of these approaches allows a deeper understanding of the specifics of the educational process in the Byzantine school.

ГОНЧАРКО ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ, кандидат философских наук; Русская христианская гуманитарная академия (Санкт-Петербург, Россия), научный сотрудник; Российский Государственный Педагогический Университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия), доцент

СЕМАНТИКА, СЕМИОТИКА И ЛОГИКА В ТЕОЛОГИИ ДИОНИСИЯ АРЕОПАГИТА*

В докладе планируется рассмотреть современные реконструкции идей Дионисия Ареопагита средствами современных семиотики, логической семантики и теории истинности. Также в докладе представлено обоснование мнения, почему его теория о божественных именах может быть интерпретирована как семантический экстернализм.

Ключевые слова: треугольник Фреге, теория истинности, божественная иерархия, божественные имена, неоплатоническая теология

В докладе предлагается показать, что в трактате Дионисия Ареопагита «О божественных именах» (*Περὶ Θεῶν Ὀνομάτων*) сформулирована семантическая теория истин-

* Исследование выполняется при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 18-78-10051 «Византийский фактор в формировании русской логической традиции».

ности, основанная на отношении подобия; построена теория значения, которая, согласно интерпретации В. М. Лурье, является одной из наиболее радикальных форм семантического экстернализма^{*}; а теория именованя (а именно божественные имена) не укладывается в классическую теорию денотации, предполагая расширение ее выразительных возможностей с учетом того, что божественные имена не являются знаками в классическом смысле.

Семиотическая теория Ареопагита может быть реконструирована как теория, предполагающая, что речь и ее основные функции (именование и обозначение) не являются только процессами внутри самого языка, но отсылают за его пределы не только к означаемым предметам, но и к их онтологической сущности (творческая функция языка), а означаемое и означаемое связаны не только напрямую, но и посредством еще одного значения, которое вносит коррективы в семантический треугольник Г. Фреге и предполагает его расширение.

Также основные понятия теории значения Ареопагита будут проинтерпретированы в докладе в свете трех основных теорий значения: референциальной (Платон, Г. Фреге, Ф. де Соссюр, А. А. Потебня), концептуальной (Аристотель, Дж. Локк, Ч. Пирс, Ч. Моррис) и функциональной (Л. Витгенштейн, Дж. Райл, Н. Н. Амосова). Референциальная теория значима для интерпретации теории денотации Ареопагита в контексте изучения неоплатонических истоков его варианта учения об идеях. Концептуальная теория значима в связи с тем, что ареопагитовская апофатическая теория именованя может восходить к аристотелевской метафизике лишенности, предполагающей логику α -отрицания [Metaph. 1022b32]. А функциональная теория значима в свете противопоставления менталистской и экстерналистской семантик и современных подходов к их объединению, в связи с чем теорию значения Дионисия можно квалифицировать как «новый антисубъективизм» в смысле Д. Дэвидсона.

^{*} В. М. Лурье. Философия Дионисия Ареопагита: Теория значения // *Einai*. Т. 3 (1/2), 2014. С. 384.

DMITRY GONCHARKO, CSc in Philosophy; Russian Christian Academy for the Humanities (St Petersburg, Russia), Researcher; erzen State Pedagogical University of Russia (St Petersburg, Russia), Associate Professor

SEMANTICS, SEMIOTICS AND LOGICS IN THEOLOGY OF DIONYSIUS THE AREOPAGITE*

The talk deals with the modern reconstructions of the ideas of Dionysius the Areopagite by means of modern semiotics, logical semantics and theories of truth. It also provides an argumentation for the opinion why the theory of divine names can be interpreted as semantic externalism.

Keywords: Frege's triangle, truth theory, divine hierarchy, divine names, neoplatonic theology

I am going to show that in the treatise by Dionysius the Areopagite "On Divine Names" (Περὶ Θεῶν Ὄνομάτων) it is built a semantic theory of truth based on the relation of similarity, a theory of meaning and the theory of naming, which does not fit into the classical theory of denotation.

The semiotic theory by Areopagite could be reconstructed as a theory assuming that speech and its main functions (naming and designation) are not only processes within the language itself, but refer beyond it not only to the objects being signified, but also to their ontological essence (creative function of language), and the signifier and the signified as connected not only directly, but also through another meaning, which the semantic triangle of G. Frege should be expanded to.

The basic concepts of the theory of meaning by Areopagite will be interpreted by me in terms of the three basic theories of meaning: referential (Plato, G. Frege, F. de Saussure, A. A. Potebnya), conceptual (Aristotle, J. Locke, Ch. Peirce, Ch. Morris) and functional (L. Wittgenstein, G. Ryle, N. N. Amosova). The referential theory has the neoplatonic origins and could be interpreted as modern version of the Platonic doctrine. The conceptual theory goes back

* The author is supported by Russian Science Foundation, project No 18-78-10051 "The Byzantine Roots of the Russian Logical Tradition."

to the Aristotelian metaphysics of negation, which presupposes the logic of α -negation [Metaph. 1022b32]. And the functional theory could be relevant to the theory of meaning by Dionysius as a “new anti-subjectivism” in the sense of D. Davidson.

СЕКЦИЯ 8: ПЛАТОНИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ РЕНЕССАНСА И НОВОГО ВРЕМЕНИ

КУТУЗОВА АНАСТАСИЯ АЛЕКСАНДРОВНА;
ФГБОУВО «Сыктывкарский государственный
университет имени Питирима Сорокина»
(Сыктывкар, Россия), преподаватель

РАЦИОНАЛЬНАЯ ТЕОЛОГИЯ И КУЛЬТ РАЗУМА И ВЫСШЕГО СУЩЕСТВА ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ КОНЦА XVIII в.

Платон оказал неоценимое влияние на развитие европейской философии. Его незримое «касание» чувствуется в трудах многих выдающихся философов, общественных деятелей и т. д. Любые философские конструкты опираются на наследие прошлого и феномены, возникшие в совершенно уникальный исторический период во Франции 1789–1799 гг., известный как Великая французская революция, также не избежали отпечатка наследия великого античного мыслителя.

Ключевые слова: Платон, рациональная теология, культ высшего существа, культ разума

ANASTASIA KUTUZOVA, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Pitirim Sorokin Syktyvkar State University» (Syktyvkar, Russia), Lecturer

RATIONAL THEOLOGY AND THE CULT OF REASON AND THE SUPREME BEING OF THE GREAT FRENCH REVOLUTION AT THE END OF THE 18TH CENTURY

Plato had an invaluable influence on the European philosophy development. Its invisible “touch” is felt in the works of many outstanding philosophers, public figures. Philosophi-

cal constructs rely on the heritage of the past and phenomena that arose in a unique historical period of 1789–1799, known as the Great French Revolution, did not escape the imprint of the legacy of Plato.

Keywords: Plato, rational theology, cult of the supreme being, cult of reason

СЕМИКОЛЕННЫХ МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА, кандидат культурологии; Русская христианская гуманитарная академия (Санкт-Петербург, Россия), научный сотрудник

ВИССАРИОН НИКЕЙСКИЙ О МНОГОБОЖИИ ПЛАТОНА*

Доклад посвящён трактовке Виссарионом Никейским (и его соавторами) представлений Платона о существовании множества богов и различным стратегиям, позволяющим примирить этот факт с тезисом Виссариона о сходстве философских взглядов Платона с христианскими догматами.

Ключевые слова: Виссарион Никейский, Георгий Трапезундский, Платон, Аристотель, неоплатонизм, Латрия

В число задач, которые Виссарион Никейский и его помощники должны были решить в ходе работы над полемическим трактатом *In Calumniatorem Platonis*, входило примирение тезиса о сходстве взглядов Платона с христианской верой с тем очевидным фактом, что философ признавал существование множества богов. Эта проблема затрагивается во многих местах трактата, но конкретно вопросу о многобожии (причём не только Платона, но и Аристотеля) посвящены первые главы третьей книги, добавленной к трактату в 1469 году и принадлежавшей, по всей видимости, перу доминиканца Джованни Гатти.

* Исследование выполняется при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 18-78-10051 «Византийский фактор в формировании русской логической традиции».

В трактате Платон «оправдывается» несколькими разными способами. Во-первых, с самых первых страниц Виссарион подчёркивает, что не стремится «выставить Платона христианином, как противник сделал с Аристотелем», но, напротив, полностью отдаёт себе отчёт в том, что имеет дело с философами-язычниками, чьи мнения могут подкрепить истины христианской веры, но не совпадают с ними. Вторая линия обороны — замечание о неудовлетворительном качестве переводов Платона, не вполне верно передающих его мысли. В-третьих, подробно разбирается «устройство» платоновского пантеона: Платон, — говорит Виссарион, — учил о происхождении богов друг от друга, причём «второй возник непосредственно от первого, третий от второго, и остальные таким же образом вплоть до последнего».

Связывая эту неоплатоническую схему с аристотелевским учением о перводвигателе и приводя сходные рассуждения многочисленных философов: от Прокла и Авиценны до Альберта Великого и Фомы Аквинского, — Виссарион делает вывод, что учение платоников о первоначале является «самым истинным и согласным с христианской верой». Кроме того, устанавливая в восьмой книге «Законов» правила почитания двенадцати богов, Платон применяется к невежеству своих современников и не вводит культа первого, наивысшего и невыразимого Бога лишь для того, чтобы избежать обвинения в установлении новой религии; на деле же первым из этих богов, — указывает Виссарион, — является Зевс (Юпитер), и «какой бы этот же Юпитер не был в общественных установлениях, в частных философских рассуждениях Платон говорит о нём как о едином и первом благе, и потому под знакомым всем именем Юпитера он имел в виду того, первого и единого».

Согласно Виссариону, из опасения подвергнуться преследованиям философы древности «думали о поклонении богу лучше, чем об этом писали, и не так, как учили». Отдельное внимание уделяется характеру поклонения (*λατρεία/cultum latraie*) богам, причём анализируется смысл этого понятия в разных исторических контекстах.

MARIA SEMIKOLENNYKH, CSc in Culturology;
Russian Christian Academy for the Humanities
(Saint Petersburg, Russia), Researcher

**BASILIOS BESSARION
ON PLATO'S POLYTHEISM***

The presentation focuses on the interpretation of Plato's polytheism given by Basilios Bessarion and his co-authors, as well as various strategies that allow reconciling this fact with Bessarion's thesis about the similarity of Plato's philosophical views with Christian dogmas.

Keywords: Basilios Bessarion, George of Trebizond, Plato, Aristotle, Neoplatonism, cultum latraiae

СТАВЦЕВА ОЛЬГА ИВАНОВНА, кандидат философских наук, доцент; Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина (Санкт-Петербург, Россия), доцент кафедры философии

**РЕЦЕПЦИЯ СОКРАТА
У С. КЬЕРКЕГОРА**

В докладе предполагается рассмотреть образ Сократа в мышлении С. Кьеркегора. Как и многие европейские философы датский экзистенциальный мыслитель часто обращается к античному наследию, как к философскому, так и к литературному, и к историческому. При этом образу Сократа было уделено особенное внимание, во-многом, ориентируясь на него С. Кьеркегор выстраивал свое философствование.

Ключевые слова: Кьеркегор, Сократ, рецепция, ирония, субъективность, майевтика, экзистенциальный выбор, экзистенциальное мышление.

В острополюемической, направленной против спекулятивной философии, современной датской церкви, против за-

* The paper is prepared with the financial support of the Russian Science Foundation, project No 18-78-10051 "The Byzantine Roots of the Russian Logical Tradition."

стывших в комфорте современников, философии С. Кьеркегора восприятие Сократа было важным как для методологии Кьеркегора, так и для стиля его работ. Кьеркегор как бы примеряет на себя образ Сократа, заимствуя его метафорические обозначения: овод, повитуха, майевтик, ироник и приспособляющая их для своей критики.

Кьеркегор занимает позицию незнания Сократа. Подобно Сократу, который заявляет, что он ничего не знает, но при этом имеет место обратное, Кьеркегор под псевдонимом Климакус («Заключительное ненаучное послесловие») заявляет, что он не является христианином, но при этом скрывает христианское содержание в эстетических произведениях. Важным при этом является косвенный метод сообщения, разрабатываемый Кьеркегором.

В докладе будет рассмотрено кьеркегоровское обращение к сократовской иронии, сократовскому пониманию истины, которое переводит философию в иной, чем у гегельянских философов тип философствования — экзистенциальный, в рамках которого важным оказывается субъективная позиция. Сократовскую майевтику Кьеркегор пытается приспособить к текущему историческому моменту, чтобы вырвать людей из погруженности в знание, из рассеянности и самодовольства и направить к выбору и осознанию ответственности за себя. Планируется проанализировать образ Сократа в диссертации Кьеркегора «О понятии истории. С постоянным обращением к Сократу», произведениях «Философские крохи», «Заключительное ненаучное послесловие». Образ Сократа необходим Кьеркегору для развертывания особого, экзистенциального, стиля философствования, противоположного абстрактной философии гегельянцев.

*Видеозапись
доклада:*

Это рассмотрение поможет прояснить, во-первых, своеобразие кьеркегоровского философствования, во-вторых, важность античной философии и культуры для кьеркегоровских, и шире — современных философских построений.

OLGA STAVTSEVA, CSc in Philosophy, Associate Professor;
Leningrad State University named after A. S.
Pushkin (St Petersburg, Russia), Associate Professor
at the Department of Philosophy

RECEPTION OF SOCRATES
BY S. KIERKEGAARD

The report is supposed to consider the image of Socrates in the thinking of S. Kierkegaard. Like many European philosophers, the Danish existential thinker often turns to ancient heritage, both philosophical and literary, and historical. At the same time, special attention was paid to the image of Socrates, in many ways, focusing on him, S. Kierkegaard built his philosophizing.

Keywords: Kierkegaard, Socrates, reception, irony, subjectivity, maieutics, existential choice, existential thinking

In the acutely polemic, directed against speculative philosophy, the contemporary Danish church, against the contemporaries of S. Kierkegaard's philosophy frozen in comfort, the perception of Socrates was important both for Kierkegaard's methodology and for the style of his work. Kierkegaard, as it were, tries on the image of Socrates, borrowing his metaphorical designations: gadfly, midwife, maieutic, ironic and adapting them for his criticism.

Kierkegaard takes the position of ignorance of Socrates. Like Socrates, who claims to know nothing, but the opposite is true, Kierkegaard, under the pseudonym Climacus ("Final unscientific afterword"), declares that he is not a Christian, but at the same time hides Christian content in aesthetic works. Important here is the indirect communication method developed by Kierkegaard.

The report will consider Kierkegaard's appeal to Socratic irony, the Socratic understanding of truth, which translates philosophy into a type of philosophizing different from that of Hegelian philosophers — existential, within which the subjective position turns out to be important. Kierkegaard tries to adapt Socratic maieutics to the current historical moment in order to wrest people from immersion in knowledge, from absent-mindedness and complacency and to direct them to choice and awareness of responsi-

bility for themselves. It is planned to analyze the image of Socrates in Kierkegaard's dissertation "On the concept of history. With a constant appeal to Socrates' works," "Philosophical crumbs," and "Final unscientific afterword." The image of Socrates is necessary for Kierkegaard to develop a special, existential, style of philosophizing, opposite to the abstract philosophy of the Hegelians.

This consideration will help clarify, firstly, the originality of Kierkegaard's philosophizing, and secondly, the importance of ancient philosophy and culture for Kierkegaard's, and more broadly, modern, philosophical constructions.

МИГУШ ЕГОР ВЯЧЕСЛАВОВИЧ, Санкт-Петербургский
государственный университет (Санкт-
Петербург, Россия), студент

ПЛАТОНИЗМ В ТВОРЧЕСТВЕ ВИНЧЕНЦО ДЖОБЕРТИ

Данный доклад посвящен платонизму в творчестве итальянского философа Винченцо Джоберти. Для Джоберти Платон являлся одним из ключевых источников вдохновения, которого он чтит как крупнейшего мыслителя и моралиста древности.

Ключевые слова: Винченцо Джоберти, Платон, платонизм, итальянская философия, неогвельфизм

В философской системе Винченцо Джоберти Платон является главным философом античности. Уже на раннем этапе творчества Джоберти формулировал идеи, в которых стремился вернуть Италию к традициям христианского платонизма, чтобы реализовать церковно-политическую утопию, для которой стала необходима апелляция к философской религии, которая бы воплотила единение власти церковной и гражданской, философии и религии. Итогом данного синтеза, по замыслу Джоберти, должна была стать церковно-политическая гармония, которая сформировала бы единое общество, управляемое универсальными законами.

В историко-философском взгляде для Джоберти существуют два основных направления: темное и светлое. Светлое представлено Платоном, Августином, Вико и характеризуется как «светлая хранилища истинных сокровищ» и «вечных достижений умозрения».

Высокий интерес для Джоберти представляют политические сочинения Платона («Государство» и «Законы»), за которыми он признает реальность, несмотря на утопичность, подразумеваемая их идеальность.

Для Джоберти обращение к платонизму было и критикой современности, наглядным примером историко-философского пути, а также призывом к политическому действию. Подобно тому, как Платон в «Государстве» размышляет о вопросах метафизики, Джоберти придерживается онтологизма в своих книгах о политике.

Для обоснования политических задач и действий проводится параллель с Платоном с целью актуализации онтологического взгляда, который Джоберти противопоставляет психологизму и сенсуализму. В построении итальянского единого государства и возврате к католическому миропониманию Джоберти видит общеевропейскую необходимость, которую должен реализовать философ, подобно тому, как Платон намеревался обратиться к дорическому и пеллагическому греков, очистив их от ионийских (французских), и от македонских (немецких) влияний. Политическое движение, возглавленное Джоберти, получило наименование неогвельфизм.

В дальнейшем взгляд на историю платонизма, разработанный Джоберти, был унаследован Джованни Джентиле, в творчестве которого Платон и Сократ предстали как прорыв в сторону осуществления гуманизации философской мысли, преодолевшей натурфилософию (в актуальном контексте для Джентиле — позитивизм).

*Видеозапись
доклада:*

EGOR MIGUSH, St Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia), Student

PLATONISM IN THE WORKS OF VINCENZO GIOBERTI

This speech is dedicated to Platonism in the works of the Italian philosopher, Vincenzo Gioberti. Plato was one of the key sources of inspiration for Gioberti, whom he considered to be as the greatest thinker and moralist of the antiquity.

Keywords: Vincenzo Gioberti, Plato, Platonism, Italian philosophy, Neo-Guelphism

ЛИСОВИЧ ИННА ИВАНОВНА, доктор культурологии, доцент; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва, Россия), профессор

НАТУРАЛЬНАЯ МАГИЯ И ПЛАТОНИЗМ В ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Доклад посвящен изучению того, как сочетаются учение Платона о Космосе с натуральной магией в понимании Джамбаттиста делла Порта, ее основным концептам и математической составляющей. Новая философия во многом восприняла эти идеи через Галилея, но Ф. Бэкон критиковал математику и натуральную магию, хотя и признавал ряд идей Платона, «благородные цели» натуральной магии, ее практический и опытный характер.

Ключевые слова: Натуральная магия, ренессансный платонизм, математика, раннее Новое время, Дж. делла Порта, Ф. Бэкон

Видеозапись
доклада:

Термин «натуральная магия» закрепился благодаря трактату Джамбаттиста делла Порта «*Magia Naturalis*», опубликованному им в 1557 году в Неаполе, как сочинение, написанное им в юности. В Книге первой «О причинах чудесных явлений» делла Порта, ссылаясь на магов древности и Платона описывает основания натуральной магии, к которым относится оду-

шевленность Космоса, его математичность и иерархичность, закон подобия и возможность в малом увидеть целое, связи симпатии и антипатии и др., которые позволяют при помощи натуральной магии достичь амбициозной цели — открыть «тайны природы». Структура и содержание «*Magia Naturalis*» во многом повторяет жанр «*Secretum Secretorum*», популярный в Средние века, приписываемый Аристотелю. Но основное отличие «Натуральной магии» делла Порты от других видов магии заключается в том, что наряду с оккультной философией, алхимией и астрологией делла Порты включает в общую систему математику, метеорологию, оптику, медицину, ботанику и натурфилософию, то есть те области, которые не были предметом внимания платоников и магов. Эта работа впоследствии повлияет на трактат «О магии» Дж. Бруно. Натуральная магия тем не менее была предметом критики Ф. Бэкона, который полагал, что раскрытием тайн природы должна была заниматься новая философия, а не натуральная магия, поскольку математические расчёты одновременно согласуются с системами Коперника и Птолемея, а натуральная магия, алхимия и астрология изобилуют ошибками и в большей степени полагаются на фантазию и веру, чем на разум и доказательства.

INNA LISOVICH, DSc in Culture science, Associate Professor; Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia), Associate Research Fellow

NATURAL MAGIC AND PLATONISM IN THE EUROPEAN CULTURE OF EARLY MODERN PERIOD

The report is devoted to the study of how Plato's teaching about the Cosmos is combined with natural magic in the understanding of Giambattista della Porta, its basic concepts and mathematical component. The New Philosophy largely adopted these ideas through Galileo, but F. Bacon criticized mathematics and natural magic.

Keywords: Natural magic, platonism, mathematics, early Modern period, Giambattista della Porta, F. Bacon.

The term “natural” magic was established thanks to Giambattista della Porta’s treatise “Magia Naturalis,” published by him in 1557 in Naples, as a work written by him in his youth. In the first book, “On the causes of miraculous phenomena,” della Porta, referring to the magicians of antiquity and Plato, describes the foundations of natural magic, which include the animateness of the Cosmos, its mathematical and hierarchical nature, the law of similarity and the ability to see the whole in the small, the connections of sympathy and antipathy, etc., which allow using natural magic to achieve an ambitious goal — to discover the “secrets of nature.” The structure and content of “Magia Naturalis” largely follows the genre of “Secretum Secretorum,” popular in the Middle Ages, attributed to Aristotle. But the main difference between the “Natural Magic” of della Porta and other types of magic is that, along with occult philosophy, alchemy, and astrology, della Porta includes as part of the system mathematics, meteorology, optics, medicine, botany and natural philosophy, that is, those areas that were not the subject of attention of Platonists and magicians. This work would later influence the treatise On Magic by J. Bruno. Natural magic, however, was the subject of Bacon’s criticism, who writes that those mathematical calculations are simultaneously consistent with the systems of Copernicus and Ptolemy, and that natural magic, alchemy, and astrology are rife with errors and rely more on imagination and faith than on reason and evidence. Therefore, according to Bacon, a new philosophy, based on the method of a new induction, had to deal with the discovery of the secrets of nature. The ideas of natural magic were also reflected in the artistic culture.

ДИЛАНЯН КАРИНЭ АЛЕКСАНДРОВНА, неза-
висимый исследователь

ТЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОСМОЛОГИЯ ИОГАННА КЕПЛЕРА И ЕГО РЕФОРМИРОВАННАЯ АСТРОЛОГИЯ

В лекции обсуждается реформированная астрология Иоганна Кеплера (1571–1630) и ее применение в форме «политической астрологии», предназначенной для управления государством и сохранения социальной

гармонии. Кеплеровская реформа была частью и завершением грандиозного проекта лютеранских теологов XVI века, стремившихся поднять астрологию до ранга универсальной науки, направленной на изучение природы, истории и судьбы человечества и индивидуумов, а также на формирование общественного порядка.

Ключевые слова: Кеплер, лютеранская теология, политическая астрология, космическое государство, Платон, Меланхтон, Коперник

Известное высказывание Кеплера: «Я лютеранский астролог, поэтому я отбрасываю чепуху и сохраняю ядро» — отсылает к источникам, которые привели Кеплера к пересмотру принципов традиционной астрологии: это гелиоцентрическая астрономия Николая Коперника (1473–1543) и лютеранская теология Филиппа Меланхтона (1497–1560). И если новая астрономия Коперника поддерживалась и продвигалась лютеранскими теологами как Божественный план устройства мира, то теология Меланхтона включила небесные влияния в контекст физических законов, дабы обеспечить рациональную основу для изучения астрологии лютеранами. Для обоснования необходимости изучения астрономии и астрологии Меланхтон обращается к авторитету Платона и утверждает, что согласно Платону, философия есть познание Бога создателя Вселенной и ее управителя, а изучение астрономии и астрологии, ведет к познанию Бога, а потому может быть названо философией, и не просто философией, а натур-философией. Меланхтон заявляет, что

...изучение материи бесполезно, если не рассматривается высшая причина, которая двигает и возбуждает материю, а именно, движение небес и звезд, ... которая действительно достойна познания ради многих других целей, а также более тщательно изучена, поскольку напоминает человеческому разуму о Деле Божьем и ясно свидетельствует о том, что природа вещей возникла не случайно, но что он был установлен и устроен каким-то вечным и архитектурным разумом, думающим о порядке и заботящимся о нем.

Учась в Тюбингенском университете, Кеплер погрузился в теологический интеллектуальный дискурс и уже в первые годы учебы в переписке обсуждал собственный проект астрологической реформы, однако понадобились годы, чтобы довести его до завершения. Эта реформа началась с формулирования фундамента новой астрономии, который Кеплер представлял в виде геометрической конструкции на основе пяти платоновых тел, предназначенной для обоснования и защиты системы Коперника и закончилась созданием концепции «политической астрологии». Кеплеровская теория политической астрологии, базировалась на лютеранском понимании Закона и естественной философии, и уходила своими корнями в платоновское рассуждение об устройстве государства согласно космическому образцу. В этой концепции Кеплер формулировал возможности астрологии как вероятностные, а не предопределенные: эти средства *«всегда в нашей власти... и ничего абсолютно не предопределено»*.

Видеозапись
доклада:

В лекции будут рассмотрены теологические основания кеплеровской реформированной астрологии, как лютеранские, так и уходящие своими корнями в платоновскую теологию, а также практическое применение его «политической астрологии», основанное на наблюдении, исследовании и очевидной достоверности.

KARINE DILANIAN, Independent scholar

THEOLOGICAL COSMOLOGY OF JOHANNES KEPLER AND HIS REFORMED ASTROLOGY

The lecture discusses Johann Kepler's (1571–1630) reformed astrology or “political astrology,” designed to govern the state and preserve social harmony. It was a part of a project of Lutheran theologians of the 16th century, who sought to raise astrology to the rank of universal science for studying nature, history and fate of mankind, as well as in forming social order.

Keywords: Kepler, Lutheran theology, political astrology, cosmic state, Plato, Melanchthon, Copernicus

Kepler's famous statement: "I am a Lutheran astrologer, so I throw away the nonsense and keep the hard kernel" refers to the sources that led Kepler to revise the principles of traditional astrology: that are the heliocentric astronomy of Nikolaus Copernicus (1473–1543) and the Lutheran theology of Philipp Melanchthon (1497–1560). If Copernicus's new astronomy supported and promoted by Lutheran theologians as the Divine Plan for the Structure of the World, then Melanchthon's theology included celestial influences in the context of physical laws in order to provide a rational basis for the study of astrology by Lutherans. Melanchthon turns to the authority of Plato and argues that philosophy is the knowledge of the God — creator of the Universe and its ruler, and the study of astronomy and astrology leads to the knowledge of God, and therefore is a "natural philosophy." Melanchthon states:

...consideration of matter is useless unless the higher cause is also considered... which moves and excites matter, namely, the motion of the heaven and stars... it also to be more studiously studied because it reminds the human mind about the Work of God and clearly testifies that the nature of things did not arise by chance, but that it was established and arranged by some eternal and architectrical mind thinking about and taking care of the order.

While at the University of Tübingen, Kepler plunged into theological discourse and in the first years of his studies discussed his project of astrological reform, but it took years to bring it to completion. This reform began with the formulation of the foundation of a new astronomy, which Kepler presented as a geometric structure based on five solid Platonic bodies to protect the Copernicus system and finished with the concept "political astrology." Kepler's theory of political astrology based on the Lutheran understanding of the Law and natural philosophy, and rooted in the Platonic discussion of the structure of the state according to the cosmic model. In this concept, Kepler formulated the possibilities of astrology as probabilistic, and not predetermined: these remedies are "always in our power... and nothing is completely predetermined."

ДЕМИН РОСТИСЛАВ НИКОЛАЕВИЧ, Русская
христианская гуманитарная академия (Санкт-
Петербург, Россия), преподаватель

**ТЕОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ
И АСТРОНОМИЯ ФИЛИППА ОПУНТСКОГО
И АСТРО-ТЕОЛОГИЯ УИЛЬЯМА ДЕРХЕМА**

В выступлении анализируются взгляды Филиппа Опунтского на предмет теологии и философии. Рассматривается его гносеологическая концепция, демонстрирующая иное чем у Платона отношение к чувственному познанию. Обосновывается предположение о влиянии учения Филиппа Опунтского на основание Уранополиса Александрии. Уранолатрия ученика Платона сопоставляется

*Видеозапись
доклада:*

со взглядами английского ученого Уильяма Дерхема (1657–1735), изложенными в сочинении «Астро-теология, или демонстрация бытия и атрибутов Бога через обзор неба» (1714).

Ключевые слова: теология, астро-теология, философия, уранолатрия, Филипп Опунтский, Уранополис, Александрия, Уильям Дерхем

ROSTISLAV DYOMIN, Russian Christian Academy for the
Humanities (Saint Petersburg, Russia), Lecturer

**THEOLOGY, PHILOSOPHY, AND
ASTRONOMY BY PHILIP OF OPUS
AND ASTRO-THEOLOGY BY WILLIAM DERHAM**

The presentation analyzes the views of Philip of Opus on the subject of theology and philosophy. The uranolatry of the disciple of Plato is compared with the views of the English scientist William Derham, set out in the essay “Astro-theology, or the demonstration of the being and attributes of God through a survey of the sky” (1714).

Keywords: Theology, Astro-theology, Philosophy, Uranolatry, Philip of Opus, Uranopolis, Alexarch, William Derham

АРСЕНТЬЕВ НИКИТА АЛЕКСЕЕВИЧ; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия), студент

**РАЦИОНАЛЬНАЯ ТЕОЛОГИЯ
в КЕМБРИДЖСКОМ ПЛАТОНИЗМЕ:
Г. МОР, Р. КЕДВОРТ и Б. УИЧКОТ**

Кембриджский платонизм в XVII делает попытку возрождения античной философии Платона. Английские философы, наиболее важные из которых Генри Мор, Ральф Кедворт, Бенджамин Уичкот, пытаются реформировать представления о христианской теологии, предпринимая синтез двух сфер: веры и разума. Разум понимается как атрибут, свойственный как человеку, так и Богу.

Ключевые слова: рациональность, вера, рациональная теология, платонизм, разум

В эпоху XVII века кембриджские философы, ценившие особо эпистемологию и метафизику Платона, предприняли попытку рационализировать современную им теологию. Такой шаг был обусловлен тем предостережением, что кальвинизм, механицизм Декарта и материализм Гоббса отступали от идеи рациональности, истинной религии, разума. Поэтому в попытке защитить религиозную истину английские философы разработали собственную теологию, которая была синтезом и отождествлением двух сфер: разума и веры.

Кембриджская теология, таким образом, приобретает отличительный признак. Для английских платоников невозможно существование «слепой» веры, которая бы не использовала органон под названием «разум». Ральф Кедворт, представитель кембриджского платонизма, предложил концепцию, которая основана на совершенстве, бесконечности, доброте Абсолюта. Чувственно воспринимаемый мир, сотворенный Богом, следовательно, отражает его атрибуты. Человеческая душа точно также несет отпечаток своего создателя, что подразумевает, что гносеологи-

*Видеозапись
доклада:*

ческие принципы аналогичны принципам Бога. Кроме того, человеческая душа онтологически предшествует чувственно воспринимаемому миру, следовательно, принцип познания идей трактуется как «припоминание». В этом заключается синтез катафатических элементов богословия и платоновской онтологии. Бенджамин Уичкот, отец-основатель школы, отождествлял разум и веру, говоря, что духовное не есть противопоставлению рациональному; духовное, напротив, наиболее рационально. Там, где проявляется дух, есть разум, который имеет цель удовлетворить, убедить и повелеть разумом. Соответственно, Уичкот стирает границы между средневековым разграничением сфер разума и веры. Г. Мор, как и его коллега и друг Кедворт, пошел чуть дальше, разрабатывая идею духа, который бы объяснял деятельность разума. Согласно ему, материальные и духовные субстанции имеют протяженность. Следовательно, Бог, как причина, обладает тоже протяженностью, как и любая материальная вещь, но он неделим. Духовной субстанцией помимо Бога и души является Природа, которая поддерживает связь между чувственно воспринимаемым и божественным. Природа нужна для того, чтобы «план» демиурга перманентно реализовывался в этом мире.

NIKITA ARSENTEV, Moscow State Lomonosov
University (Moscow, Russia), Student

**RATIONAL THEOLOGY IN CAMBRIDGE
PLATONISM: HENRY MORE, RALPH CUDWORTH
AND BENJAMIN WHICHCOTE**

Cambridge Platonism in the seventeenth century attempts to revive the ancient philosophy of Plato. English philosophers, the most important of whom are Henry More, Ralph Cudworth, and Benjamin Whichcote, try to reform the ideas of Christian theology by undertaking a synthesis of two spheres: faith and reason. Reason is understood as an attribute peculiar to both man and God.

Keywords: rationality, faith, rational theology, Platonism, reason

КАТРЕЧКО СЕРГЕЙ ЛЕОНИДОВИЧ, кандидат философских наук, доцент; Государственный академический университет гуманитарных наук (Москва, Россия), доцент; Российский православный университет св. Иоанна Богослова (Москва, Россия), заведующий кафедрой

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНЫЙ МЕТОД В ОНТОТЕОЛОГИИ ПЛАТОНА*

Согласно Канту, трансцендентальный метод выступает основным методом метафизики. Однако он зарождается уже в Античности, у Платона. Его суть состоит в выставлении мысленной гипотезы с целью восхождения к *Единому*. Позже он применяется для [онтологического] доказательства бытия Бога.

Ключевые слова: трансцендентальный метод, трансцендентальная аргументация, Иммануил Кант, диалектический метод, Платон, онтологическое доказательство бытия Бога

Трансцендентальный метод как «измененный метод мышления» [ВХVIII] связан с именем Канта. В его основе лежит *трансцендентальная аргументация* (ТА; <http://plato.stanford.edu/entries/kant-transcendental/>), которая представляет собой переход от *данного* к [трансцендентальным] *условиям* его возможности. Это можно представить так (подробнее об этом я говорю в [1, 2]):

1. *E*
2. *P* есть трансцендентальное [априорное] условие *E*
3. Следовательно, *P*.

Однако ТА как метод метафизики/диалектики зарождается уже в Античности (Платон) [3]. Он представляет собой метод идеального осмысления вещей, нацеленный на выявление условий мыслимости тех или иных эмпирических феноменов [3,192;215]. Например, для того «чтобы

Видеозапись
доклада:

* Данное исследование проведено в рамках проекта РФФИ № 19-011-00925 «Кантовский проект дескриптивной метафизики: история и современное развитие».

мыслить пространственно-временную вещь, уже надо иметь представление о пространстве вообще и времени вообще» [3,216]. Демонстрацию ТА можно найти в диалоге «Пир»:

Вся эротическая иерархия «Пира» имеет только один философский смысл — быть конкретным приложением трансцендентального метода. Существуют красивые тела, — как это возможно? Ответ трансцендентальной философии таков: это возможно потому, что есть вообще телесная красота. Как возможна телесная красота вообще? Она возможна потому, что есть красота души (ибо тело есть то, что движется душой). Как возможна красота души? Она возможна потому, что есть красота ума, идеи (ибо душа есть то, что осмыслено умом...): так мы приходим к идее красоты, которая... только и делает возможной красоту всяких тел и душ. Таким образом, эротическое восхождение «Пира» есть не что иное, как результат трансцендентального обоснования... [3,233].

Парадигмой для ТА выступает платоновский «Парменид». В нем выставляется некоторая [мыслительная] *гипотеза* с точки зрения которой происходит рассмотрение того или иного эмпирического материала. Далее происходит итерация: вдвинутая *гипотеза* подвергается новому осмыслению и полагается новая *гипотеза*, являющаяся основанием первой гипотезы и т. д. В результате происходит выявление трансцендентальных условий. Итогом такого восхождения выступает «беспредпосылочное начало» из платоновского концепта Линии, или *Единое* неоплатоников (ср. с 1-й гипотезой *Парменида*).

В последующем ТА применяется в онтологическом и космологическом доказательствах бытия Бога*.

Литература

1. Катречко С. Л. Трансцендентальная аргументация Канта как формальная онтология // Рацио.ru, вып. 5 (2011), с. 89–105; <https://journals.kantiana.ru/ratio/3158/8912/>

* См.: https://en.wikipedia.org/wiki/Transcendental_argument_for_the_existence_of_God

2. Катречко С. Л. Трансцендентальная аргументация Канта и гипотетико-дедуктивная модель научного исследования Поппера–Гемпеля // Рацио.ru, вып. 14(2015), с. 44–55; <https://journals.kantiana.ru/ratio/3183/8902/>

3. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. М.: Искусство, 1969.

SERGEY KATRECHKO, CSc in Philosophy, Associate Professor; State Academic University for the Humanities (Moscow, Russia), Associate Professor; Russian Orthodox University of St. John the Theologian (Moscow, Russia), Head of Department

THE TRANSCENDENTAL METHOD OF PLATO'S ONTOTHEOLOGY*

According to Kant, the transcendental method is the main method of metaphysics. However, it originates already in Antiquity, in Plato. Its essence consists in setting up a mental hypothesis with the aim of ascending to the One. It is later used to prove the existence of God.

Keywords: transcendental method / transcendental arguments (Kant), dialectical method (Plato), ontological proof of the existence of God.

ХОШЕВ АНДРЕЙ ЮРЬЕВИЧ, кандидат технических наук;
Российский православный университет св. Иоанна
Богослова (Москва, Россия), магистр

НЕОПЛАТОНИЧЕСКИЕ ИСТОКИ ОНТОЛОГИЧЕСКОГО АРГУМЕНТА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ Р. ДЖ. КОЛЛИНГВУДА И С. Л. ФРАНКА

В докладе рассматриваются взгляды на идейную взаимосвязь онтологического доказательства Ансельма Кентерберийского с трудами представителей неоплатонизма, представленные в труде С. Л. Франка «К истории онтологического доказательства» (1915) и в неизданном

* This research was supported financially by the Russian Foundation for Basic Research, project No 19-011-00925.

тексте Р. Дж. Коллингвуда «Лекции об онтологическом доказательстве существования Бога» (1919).

Ключевые слова: онтологический аргумент, неоплатонизм, Р. Дж. Коллингвуд, С. Л. Франк, Боэций, Плотин

Онтологическое доказательство существования Бога, сформулированное в XI в. Ансельмом Кентерберийским, имело непростую судьбу: оно дважды отвергалось (Фомой Аквинским и И. Кантом) и дважды восстанавливалось (Р. Декартом и Г. Ф. В. Гегелем), но к началу XX в. так и не вернуло себе былого признания, продолжая пользоваться репутацией рудимента средневековой схоластики.

Третье восстановление онтологического аргумента в начале XX в. проходило под знаком пристального изучения истории его формирования с античности. Двумя важными в этом отношении трудами являются работа С. Л. Франка «К истории онтологического доказательства» (1915) и неизданный текст британского историка и философа-неогегельянца Р. Дж. Коллингвуда «Лекции об онтологическом доказательстве существования Бога» (1919).

Франк и Коллингвуд независимо приходят к выводу о том, что истоки онтологического аргумента лежат в философии неоплатонизма.

С. Л. Франк фокусирует внимание на трудах Плотина и Августина, а Р. Дж. Коллингвуд отводит центральное место Боэцию, в трудах которого «О Троице» и «Утешение философией» усматривает готовые компоненты онтологического аргумента, которые, по его мысли, использовал Ансельм. В частности, формулировка *nihil deo melius excogitari queat* в труде

Видеозапись
доклада:

«Утешение философией» предвосхищает формулу Ансельма *id quo maius cogitari nequit*.

В докладе приводится обзор ключевых тезисов С. Л. Франка и Р. Дж. Коллингвуда о роли неоплатонизма в формировании онтологического аргумента, сопоставляется их подход к изучению этой связи в истории философии.

ANDREW KHOSHEV, CSc in Technics; Russian Orthodox University
of St. John the Theologian (Moscow, Russia), Student

NEOPLATONIC ORIGINS OF THE ONTOLOGICAL ARGUMENT AS INTERPRETED BY R. G. COLLINGWOOD AND S. FRANK

The report is devoted to the views on the relationship of the ontological proof of Anselm of Canterbury with the works of the representatives of Neoplatonism, expressed in the work of S. Frank “On the History of Ontological Proof” (1915) and in the unpublished text of R. J. Collingwood “Lectures on the Ontological Proof of the Existence of God” (1919).

Keywords: ontological argument, neoplatonism, R. G. Collingwood, Frank, Boethius, Plotinus

Ontological proof of the existence of God, formulated in the XI century by Anselm of Canterbury, had a difficult fate. Twice rejected (by Thomas Aquinas and Kant), it was twice restored (by Descartes and Hegel), but by the beginning of the XX century did not regain its former recognition, continuing to enjoy the reputation of a rudiment of medieval scholasticism.

The third restoration of the ontological argument at the beginning of the XX century took place under the sign of a close study of the history of its formation from antiquity. Two important writings in this regard are S. L. Frank’s «On the History of Ontological Proof» (1915) and the unpublished text by the British historian and neo-Hegelian philosopher R. J. Collingwood «Lectures on the Ontological Proof of the Existence of God» (1919).

Frank and Collingwood independently conclude that the origins of the ontological argument lie in the philosophy of Neoplatonism.

S. L. Frank focuses on the writings of Plotinus and Augustine, and R. J. Collingwood gives a central place to Boethius, in whose writings «On the Trinity» and «Consolation in Philosophy» he sees ready-made basic ideas of the ontological argument, which, in his opinion, were used by Anselm. In particular, the formulation *nihil deo melius excogitari queat* in «Consolation in Philosophy» anticipates Anselm’s formula *id quo majus cogitari nequit*.

The report provides an overview of the key theses of Frank and Collingwood on the role of Neoplatonism in the formation of an ontological argument, compares their approach to the study of this connection in the history of philosophy.

РАССАДИН СЕРГЕЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ, кандидат философских наук, доцент; ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет» (Тверь, Россия), профессор; Институт философии РАН (Москва, Россия), докторант

КОЗЛОВА НАТАЛИЯ НИКОЛАЕВНА, доктор политических наук, доцент; ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (Тверь, Россия), заведующий кафедрой

ТЕОЛОГИЧЕСКИЙ МИФ ПЛАТОНА КАК ИНСТРУМЕНТ КОНСТРУИРОВАНИЯ «СЧАСТЛИВОГО ПОЛИСА»

Рассматриваются дискурсивные механизмы конструирования «социального» в творчестве Платона. Выявляются модусы рассуждений греческого мыслителя в поисках «правильного» социального порядка, мыслимого им исключительно в виде полиса. Авторы приходят к выводу о концептуальной значимости детерминация социального дискурса Платона теологическим мифом.

Ключевые слова: Платон, полис, генезис социального дискурса, социальный порядок, теологический миф, справедливость

Интеллектуальная традиция конструирования идеального «социального», берущая начало в творчестве Платона, на протяжении всего своего существования претерпевала различные изменения в соответствии с различными социально-политическими и идеологическими факторами. При этом дискурс «правильного» социального устройства, как правило, сводится к поиску «правильного» порядка (Ordo).

Развивая рассуждения досократиков о Dike, как космическом принципе, одновременно организующем справедливое социальное бытие, Платон в тоже время ориентируется

на поиск социальной модели, основанной на соблюдении законности и направленной на достижение счастливого состояния граждан. Парадигмальной и инвариантной социальной моделью для него, как и для всех древнегреческих мыслителей, выступает полис.

Как отмечает М. Хайдеггер, «Πόλις — это местность места истории греков: не город и не государство, а скорее средоточие их, греков, сущности». Дискурсивное конструирование государственного строя и социального порядка, осуществляемое Платоном, имеет собственную историю развития, порождая несколько различающихся проектов «идеального полиса» («Государство», «Законы»).

Задавая одновременную ориентацию на рекуррентное воспроизведение былого социума и создание нового полиса в будущем, мыслитель стремится рефлексивно устранить причины, приведшие к деградации социального организма. Для этого он предлагает множество социальных изменений — устранение частной собственности, равенство женщин и мужчин, новые принципы воспитания и идеологической подготовки граждан и т. д.

Безусловный примат целого в виде полиса над частным (семьей, фратрией, демо) и индивидуальным приводит Платона к необходимости качественной легитимации сообщества подобного рода. «Сборка» «правильного» полиса возможна, по мнению создателя Академии, лишь в случае точного следования «образцу, воздвигнутому на небесах».

Последний определяется Платоном через развернутый теологический миф, описывающий не только процесс «лепки»/создания людей путем примешивания золота, серебра и меди для четкой социальной дифференциации полиса, но и процедуру правильного воспитания/дрессировки первых людей «божественными пастухами-даймонами, назначенными для этой цели богом.

Данный — божественный — порядок, как считает философ, способен вернуть справедливость и, тем самым, сделать счастливым «всё государство в целом».

SERGEY RASSADIN, CSc in Philosophy, Associate Professor; Tver State Technical University (Tver, Russia), Professor; RAS Institute of Philosophy (Moscow, Russia), Postgraduate

NATALIYA KOZLOVA, DSc in Political science, Associate Professor; Tver State University (Tver, Russia), Head of Chair

PLATO'S THEOLOGICAL MYTH AS A TOOL FOR CONSTRUCTING THE «HAPPY POLICY»

The discursive mechanisms of constructing the “social” in Plato’s work are considered. The author reveals the modes of reasoning of the Greek thinker in search of the “right” social order, which he thinks only in the form of a polis. The authors conclude that the determination of Plato’s social discourse by a theological myth is of conceptual significance.

Keywords: Plato, polis, genesis of social discourse, social order, theological myth, justice

The intellectual tradition of constructing the ideal “social,” originating in the work of Plato, throughout its existence has undergone various changes in accordance with various socio-political and ideological factors. At the same time, the discourse of the “right” social structure, as a rule, is reduced to the search for the “right” order. Developing the arguments of the pre-Socratics about Dike as a cosmic principle that simultaneously organizes a just social existence, Plato at the same time focuses on the search for a social model based on compliance with the rule of law and aimed at achieving a happy state of citizens. The paradigm and invariant social model for him, as for all ancient Greek thinkers, is the polis. The discursive construction of the state system and social order, carried out by Plato, has its own history of development, giving rise to several different projects of the “ideal polis.” Setting a simultaneous orientation to the recurrent reproduction of the former society and the creation of a new polis in the future, the thinker seeks to reflexively eliminate the causes that led to the degradation of the social organism. To do this, he proposes many social changes — the elimination of private property, equality of women and men, new principles of education and ideological training of citizens,

etc. The absolute primacy of the whole in the form of a polis over the private and the individual leads Plato to the need for a qualitative legitimization of a community of this kind. The “assembly” of the “correct” policy is possible, according to the philosopher, only if the “model erected in heaven” is accurately followed. The latter is defined by Plato through a detailed theological myth that describes not only the process of “molding” people by mixing gold, silver and copper for a clear social differentiation of the polis, but also the procedure for the correct upbringing of the first people “by divine daimon shepherds appointed for this purpose by God. This divine-order, according to the philosopher, is able to restore justice and, thereby, make happy “the whole state as a whole.”

СЕКЦИЯ 9: ПЛАТОНИЗМ И РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ

БИРЮКОВ ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ, доктор философских наук; Социологический институт РАН (Москва, Россия), научный сотрудник

Источники «формулы исихазма» в статье «Имяславие» (1921–1922 гг.) А. Ф. Лосева*

В статье «Имяславие» Лосев так описывает делание исихастов: «[их] мысли сосредоточены в одной высшей точке, и в душе молящегося не остается ничего, кроме света божественной сущности». Доклад посвящен источникам этой «формулы исихазма». Я показываю,

*Видеозапись
доклада:*

что Лосев здесь опирался по крайней мере на «Деятельные и богословские главы» Симеона Нового Богослова и 1-й анафематизм против Варлаама и Акиндина из «Синодика православия».

Ключевые слова: А. Ф. Лосев, исихазм, имяславие, «Добротолюбие», божественный свет

В своей ранней статье «Имяславие» (1921–1922 гг.) А. Ф. Лосев следующим образом описывает делание исихастов: «все [их] мысли сосредоточены в одной высшей точке и в душе молящегося не остается ничего, кроме света божественной сущности».

Я хочу остановиться на вопросе об источниках этой «формулы исихазма», сформулированной Лосевым. Прояснение этого вопроса поможет понять, на основании каких источников формировались представления о паламизме и исихазме у русских философов-имяславцев. Согласно моим исследованиям, составляя эту формулу, Лосев опирался по крайней мере на два источника. В плане выраженной в ней метафизики света

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 18-18-00134, «Наследие византийской философии в русской и западноевропейской философии XX–XXI вв.».

и представления о том, что в уме исихаста не остается ничего, кроме божественного света, это русский перевод «Добротолюбия», и конкретнее, следующее место из опубликованного в 5-м томе русского «Добротолюбия» «Деятельных и богословских глав» Симеона Нового Богослова: «Ум наш, будучи прост, когда обнажится от всякого стороннего помышления и внидет в простой свет Божий, тогда, будучи объят и сокрыт весь сим светом, не может уже встретить ничего кроме того света, в коем находится...» (главка 147). Однако здесь идет речь о божественном свете, но не о «свете божественной сущности», понимаемом в качестве божественной энергии, как у Лосева. То есть, у Лосева мы встречаем более технически нагруженную формулировку относительно света. Я считаю, что эта формулировка восходит к «Синодику православия», к которому Лосев обращается в своей статье чуть позже, а именно, к представленным там анафемам против Варлаама и Акиндина — ключевого первоисточника в отношении знаний о паламизме для раннего Лосева и его круга. Лосев приводит три положения, суммирующие смысл трех соответствующих анафематствований (из шести). Одно из этих положений, соответствующее первому анафематизму, гласит: «Фаворский Свет, умопостигаемый свет Божией сущности, — это энергия сущности, неразрывная с сущностью, и потому есть Сам Бог». Таким образом, источник выражения «свет божественной сущности» из лосевской «формулы исихазма» — в «Синодике православия».

DMITRY BIRUKOV, DSc in Philosophy; Sociological
institute of the Russian Academy of Science
(Moscow, Russia), Research Fellow

**SOURCES OF THE “FORMULA OF HESYCHASM”
IN “IMYASLAVIE” (1921–1922) BY ALEXEY LOSEV***

In the article “Imyaslavie” Alexei Losev describes what hesychasts do. The report is devoted to the sources of this “formula of hesychasm” given there. I show that Losev relied at least

* This research was supported by the Russian Science Foundation, project No 18-18-00134, “The heritage of Byzantine Philosophy in the 20th and 21st century Russian and Western European philosophy.”

on the “Active and Theological Chapters” of Simeon the New Theologian and the 1st anathematism against Barlaam and Akindin from the “Synodic of Orthodoxy.”

Keywords: Alexey Losev, hesychasm, Imyaslavie, *Philokalia*, divine light

In the article “Imyaslavie” Alexei Losev describes what hesychasts do.

Losev describes the works the hesychasts did in the following way: “all [their] thoughts are concentrated in one highest point, and nothing remains in the soul of the worshipper but the light of the divine essence.” I want to focus on the question of the sources of this “formula of hesychasm” formulated by Losev. I show that Losev relied at least on the “Active and Theological Chapters” of Simeon the New Theologian and the 1st anathematism against Barlaam and Akindin from the “Synodic of Orthodoxy.”

So, according to my research, Losev relied on at least two sources while composing this formula. First, this is the Russian translation of the “Philokalia,” and more specifically, the following passage from the “Active and Theological Chapters” of Simeon the New Theologian, published in the 5th volume of the Russian “Philokalia”: “Our mind, being simple, when it is stripped of all external thoughts and enters into the simple light of God, then, being enveloped and hidden by all this light, it can no longer meet anything but the light in which it is ...” (Chapter 147). However, the text is talking about the divine light, but not about the “light of the divine essence,” understood as divine energy, as in Losev. That is, in Losev we find a more technically grounded formulation regarding the light. I believe that this formulation goes back to the “Synodic of Orthodoxy,” to which Losev refers in his article a little later, namely, to the anathemas against Barlaam and Akindin — the key primary source for the knowledge of Palamism for the early Losev and his circle. Losev gives three statements summarizing the meaning of the three corresponding anathematizations (out of six). One of these propositions, corresponding to the first anathematism, states: “The Tabor Light, the intelligible light of God’s essence — is the energy of the essence, inseparable from the essence, and

therefore is God Himself.” Thus, the source of the expression “light of the divine essence” from Losev’s “formula of hesychasm” is in the “Synod of Orthodoxy.”

ПЕТРОВА ЛЮБОВЬ АЛЕКСЕЕВНА, кандидат философских наук; Социологический институт РАН Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия), старший научный сотрудник

ПЛАТОНИЗМ И ПАЛАМИЗМ в софиологии С. Н. Булгакова*

В своем выступлении я собираюсь рассмотреть процесс перехода с платонического философского языка на паламитский в софиологии С. Н. Булгакова с попутным прояснением возможных мотивов такого перехода, а также указать на возможные причины того обстоятельства, что указанный переход в итоге не стал для софиологической концепции С. Н. Булгакова окончательным.

Ключевые слова: Платонизм, Булгаков, Григорий Палама, софиология, паламизм, сущность, энергия, ипостасность, София, богословие, триадология

В докладе будет показано, что, начиная с сочинения «Свет Невечерний», богословие Григория Паламы постепенно приобретает все большее значение для концептуальной структуры софиологии Булгакова, что находит отражение в изменении способа определения Софии. В изначальный платонический язык софиологии постепенно вносятся коррективы в паламитском «энергийном» ключе. Внешним образом этот переход обусловлен все более подробным знакомством Булгакова с паламит-

*Видеозапись
доклада:*

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 18-18-00134, «Наследие византийской философии в русской и западноевропейской философии XX–XXI вв.»

скими текстами. Внутренняя же его обусловленность связана с тем, что паламитская терминология в большей степени, чем платоническая, отвечала софиологическим интуициям Булгакова.

Однако полного перехода с платонического на паламитский философский язык не происходит: период сближения с паламизмом сменяется у Булгакова периодом отдаления и критической дистанции. В поздних сочинениях линия энергийных отождествлений в софиологии прерывается, София начинает определяться как божественная Сущность, и в конечном счете, паламизм объявляется Булгаковым «незавершенной софиологией».

Заключительный отказ Булгакова в своей софиологической концепции следовать логике паламизма по-видимому связан с несовместимостью онтологической диспозиции, заданной им в его троичном богословии, с основополагающим богословским тезисом Григория Паламы об отличии нетварной энергии от божественной сущности. Способ осмысления соотношения сущности и ипостасей в Боге, изложенный Булгаковым в сочинении «Главы о Троичности», предполагает полную ипостазированность природы и лишение ее статуса самостоятельной реальности, что радикальным образом влияет на его софиологическую концепцию.

Сведение природы к статусу вспомогательного логического средства лишает базовое паламитское онтологическое суждение («сущность и энергия») одного из его конъюнктов и тем самым разрушает его и лишает определенности. Такой «антиэссенциалистский» ход превращает понятие энергии в такое же «вспомогательное логическое средство», как и понятие природы.

Понимание Бога как «нераздельного единства лица и природы» делает излишним допущение в нем «природной энергии» и на высвободившееся место заступает реальность Софии, в своем «божественном лике» совмещающая и Усию и нетварную энергию, а в своем втором, «космическом» образе, удерживающая платонические интенции Булгакова в объяснении оснований тварного мира.

LIUBOV PETROVA, CSc in Philosophy; Sociological institute
of the Federal Center of Theoretical and Applied
Sociology of the Russian Academy of Sciences (St.
Petersburg, Russia), Senior Researcher

**PLATONISM AND PALAMISM IN SOPHIOLOGY
OF SERGEI BULGAKOV***

In my speech, I am going to consider the process of transition from the Platonic philosophical language to the Palamitic language in Sergei Bulgakov's sophiology, along with clarifying the possible motives for such a transition, as well as pointing out the reasons for the fact that this transition did not ultimately become final for Sergei Bulgakov's sophiological conception.

Keywords: Platonism, Bulgakov, Gregory Palamas, sophiology, palamism, essence, energy, hypostasis, Sofia, theology, triadology

The report will show that, starting with the work "The Unfading Light," the theology of Gregory Palamas gradually becomes more and more important for the conceptual structure of Bulgakov's sophiology, which is reflected in the change in the way of defining Sophia. In the original Platonic language of sophiology, adjustments are gradually made in the Palamite "energy" way. Externally, this transition is due to Bulgakov's increasingly detailed acquaintance with the Palamite texts. Its internal conditionality is connected with the fact that the Palamitic terminology, to a greater extent than the Platonic one, corresponded to Bulgakov's sophological intuitions.

However, a complete transition from Platonic to Palamitic philosophical language does not occur: the period of rapprochement with Palamism is replaced by a period of critical distance. In later writings, the line of energetic identifications in sophiology is interrupted, Sophia begins to be defined as a divine Entity, and ultimately, Palamism is declared by Bulgakov to be "incomplete sophiology."

Bulgakov's final refusal to follow the logic of Palamism in his sophological conception seems to be connected with the

* This research was supported by the Russian Science Foundation, project No 18-18-00134, "The heritage of Byzantine Philosophy in the 20th and 21st century Russian and Western European philosophy."

incompatibility of the ontological disposition set by him in his trinity theology with the fundamental theological thesis of Gregory Palamas about the difference between uncreated energy and divine essence. The way of understanding the relation of essence and hypostases in God, described by Bulgakov in the work “The Chapters on the Trinity,” presupposes the complete hypostasis of nature and the deprivation of its status as an independent reality, which radically affects his sophological concept. The reduction of nature to the status of an auxiliary logical means deprives the basic Palamite ontological judgment (“essence and energy”) of one of its conjuncts, and thus destroys it and deprives it of certainty. The understanding of God as “the inseparable unity of person and nature” makes it unnecessary to assume “natural energy” in him, and the reality of Sophia takes its place, combining both Usia and uncreated energy in its “divine face,” and in its second, “cosmic” image, retaining Bulgakov’s platonic intentions in explaining the foundations of the created world.

БИРЮКОВ ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ, доктор философских наук; Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия), научный сотрудник

ДВА ВЗГЛЯДА НА ВИЗАНТИЮ У СТАРШИХ СЛАВЯНОФИЛОВ И ГРЕКО-БОЛГАРСКИЙ ВОПРОС*

Я нахожу существенное различие во взгляде на Византию, с одной стороны, в «О характере просвещения Европы» И. Киреевского, и с другой, в его «О необходимости и возможности новых начал для философии». В последнем случае, Киреевский следует А. Хомякову. Я показываю, как эти два взгляда на Византию проявляются в отношении к греко-болгарскому вопросу в славяно-фильско-охранительской среде того времени.

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 20-68-46021 «Славянофильство в религиозно-философском диалоге: 1836–1917».

Ключевые слова: Византия, И. В. Киреевский, А. Хомяков, Т. Филиппов, славянофильство, философия истории

Я нахожу существенное различие во взгляде на Византию, выраженное, с одной стороны, в сочинении Киреевского «О характере просвещения Европы» (1852 г.), и с другой, в его сочинении «О необходимости и возможности новых начал для философии» (1856 г.). В первом случае дискурс Киреевского связывает Византию с категорией цельности, переносимой на нее с платонизма, который ее фундирует. Во втором Византия предстает в качестве цивилизации, принципиально не цельной, расколотой между христианским духовным началом и началом языческим, доминирующем в византийском государстве и обществе. Проводя этот последний взгляд на Византию, Киреевский следует линии, характерной для старших славянофилов как таковых. Так, подобный взгляд мы встречаем у А. С. Хомякова. В «Семирамиде» (писалась с конца 1830-х по начало 1850-х гг.) Хомяков рисует совсем пессимистическую картину византийского общества, утверждая, что христианин в Византии помнил лишь о личном спасении, поскольку государство утратило нравственное направление, а Церковь «лишившись всякого действия и сохраняя только мертвую чистоту догмата, утратила сознание своих живых сил и память о своей высокой цели».

Эти два взгляда на Византию, обнаруживающиеся в сочинениях Киреевского, находят свое отражение в отношении к греко-болгарскому вопросу в славянофильско-охранительской среде его времени. Греко- и византиноцентричный взгляд, выраженный в его «О характере просвещения Европы» Киреевского, представлен у Третья Филиппова, апологета и защитника греческой стороны в греко-болгарском вопросе. Другой взгляд, выраженный в сочинении «О необходимости и возможности новых начал для философии» Киреевского, предполагающий, что византийская цивилизация имеет светлую и темную стороны, разделялся также А. С. Хомяковым — оппонентом Третья Филиппова в отношении греко-болгарско-

го вопроса. При этом в интерпретации Хомякова, в контексте его реакции на греко-болгарский вопрос, этот взгляд вбирает в себя антиклерикальную составляющую, предполагающую, что темная сторона Византии распространяется и на институт Церкви. Тогда как в рамках соответствующего взгляда Киреевского эта линия не выражена.

DMITRY BIRIUKOV, DSc in Philosophy; Institute of Philosophy and Law of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia), Research Fellow

TWO VIEWS ON BYZANTIUM AMONG THE OLDER SLAVOPHILES AND THE GREEK-BULGARIAN QUESTION*

I find a significant difference in the view of Byzantium in Ivan Kireevsky. I argue he followed Alexey Khomyakov regarding one of them. I show how these two views on Byzantium are reflected in the attitude to the Greek-Bulgarian Question in the Slavophile-Conservative circle of this time.

Keywords: Byzantium, Ivan Kireevsky, Alexey Khomyakov, Terty Filippov, Slavophilism, philosophy of history

I find an essential difference in the views on Byzantium expressed in Kireevsky's *On the Character of the Enlightenment in Europe*, on the one hand, and his *On the Necessity and Possibility of the New Foundations for Philosophy*, on the other. In the first case, Kireevsky's discourse connects Byzantium with the category of wholeness (transferred onto it from Platonism, which is its basis), while in the second case, Byzantium is presented as a civilization, not whole in principle, but split between the Christian spiritual element and the pagan element, dominating the Byzantine state and society. I find a similar view in Alexey Khomyakov. In his *Semiramis*, Khomyakov draws a very pessimistic picture of Byzantine society. He insists that a Christian in Byzantium remembered only about his personal salvation, for the state had lost any moral direc-

* This research was supported by the Russian Science Foundation, project No 20-68-46021, "Slavophilism in Its Religious and Philosophical Dialogue: 1836–1917."

tion, and the Church, “having lost all action and preserving only the dead purity of the dogma, lost the awareness of its live forces and the memory of its high goal.”

This two views on Byzantium are reflected in the attitude towards the Greek-Bulgarian question in the Slavophile-conservative milieu of his time. One view, expressed in *On the Character of the Enlightenment in Europe* is Greco- and Byzantinocentric; it considers Byzantine civilization as a certain wholeness. A similar position, formulated, in my opinion, under the influence of Kireevsky, is presented in Terty Filippov, an apologist and defender of the Greek side in the Greek-Bulgarian conflict. Another view is expressed in Kireevsky’s *On the Necessity and Possibility of the New Foundations for Philosophy*. It presumes that Byzantine civilization is bipolar, it has a bright side and a dark side. That view is shared by Khomyakov, who was the opponent of Filippov in relation to the Greek-Bulgarian question. In Khomyakov’s interpretation, in the context of his response to the Greek-Bulgarian Question, this view includes an anti-clerical constituent, which presumes that the dark side of Byzantium encompasses the institution of the Church as well, while in the corresponding view of Kireevsky this aspect is not expressed.

БИТЮЦКАЯ АЛЛА АЛЬБЕРТОВНА, Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия), преподаватель

СВОБОДНАЯ ТЕУРГИЯ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

В статье обоснован феномен свободной теургии Серебряного века, повлиявший на развитие русской философии XX в. В ходе исследования выявляется следующее. Во-первых, категория «теургии» откроет новый вектор для русской философии, возвращая исследователей к античным истокам. Теургия становится вариантом нового религиозного знания. Во-вторых, рассмотрена троичная структура теургического действия. В-третьих, проанализированы воззрения Владимира Соловьева и Вячеслава Иванова о свободной теургии.

Ключевые слова: свободная теургия, Вячеслав Иванов, Владимир Соловьев, синтетическое искусство, софиология

Теория Соловьёва откроет представителям Серебряного века творческие синтезы. Стоит перечислить некоторые категории: София, свободная теософия, богочеловек, теургия. Теургия обретет форму нового мифотворчества, а деятели культуры станут не просто творцами, но и теоретиками новых направлений. С лёгкой руки философа категория любви обретет эпохальное значение, сделав семейный институт не только ячейкой общества, но и местом возникновения нового творчества.

Нельзя не упомянуть миф о «Прекрасной даме», открывший русской поэзии новый образ женственности и поклонения прекрасному полу. Теургия, воссозданная В. С. Соловьёвым, показывает главенствующую роль творчества в жизни и культуре человека. Носитель теургического знания становится проводником метафизических посылов, транслируя идеи творческого изменения. Увидеть данную тенденцию можно в трудах А. Блока, А. Белого, В. Иванова, А. Скрябина. Лейтмотивами в рамках размышлений становятся — теургический процесс, личностный религиозный поиск, создание синтетического (всеединого) искусства. Данные интенции отражаются в идеях символического, религиозного, театрального мифотворчества Серебряного века. Воззрения театральных деятелей сведены к созданию нового синтетического искусства и нового человека-творца. Главным образом, именно на подмостках сцены получит воплощение теургия и творческая антропология. Идея В. Иванова о «соборном театре» транслирует боговдохновенность и образ человека-теурга в процессе театрального действия. Благодаря этому, созданы новые театры (Камерный, БДТ, МХТ) и переосмыслена театральная эстетика. Идеи Скрябина раскроют призму синтетического искусства и помогут русским авангардистам создавать свои манифесты.

ALLA BITYUTSKAYA, Voronezh State University
(Voronezh, Russia), Lecturer

FREE THEURGY OF THE SILVER AGE

The article substantiates the phenomenon of free theurgy of the Silver Age. First, the category of “theurgy” will open

a new vector for Russian philosophy, returning researchers to ancient origins. Second, the threefold structure of theurgic action is examined. Thirdly, the views of Solovyov and Ivanov on free theurgy are analyzed.

Keywords: free theurgy, Vyacheslav Ivanov, Vladimir Solovyov, synthetic art, sophiology

Solovyov's theory will open the representatives of the Silver Age to creative syntheses. It is worth listing some categories: Sophia, free theosophy, God-man, theurgy. Theurgy will take the form of a new myth-making, and cultural figures will become not just creators, but also theorists of new directions. With the light hand of a philosopher, the category of love will acquire an epochal significance, making the family institution not only a unit of society, but also a place for the emergence of new creativity.

It is impossible not to mention the myth of the "Beautiful Lady," which opened a new image of femininity and worship of the fair sex to Russian poetry. Theurgy, recreated by V. S. Solovyov, shows the dominant role of creativity in human life and culture. The bearer of theurgic knowledge becomes the vehicle of metaphysical messages, transmitting the ideas of creative change. You can see this trend in the works of A. Blok, A. Bely, V. Ivanov, A. Scriabin. The leitmotives within the framework of the reflections are the theurgic process, personal religious search, and the creation of synthetic (all-one) art. These intentions are reflected in the ideas of symbolic, religious, and theatrical myth-making of the Silver Age. The views of theatrical figures are reduced to the creation of a new synthetic art and a new human creator. Mainly, it is on the stage that theurgy and creative anthropology will be embodied. The Ivanov's idea about the "cathedral theater" translates the inspiration of God and the image of a human theurgist in the process of theatrical action. Thanks to this, new theaters were created (Chamber, BDT, Moscow Art Theater) and the theatrical aesthetics was rethought. Scriabin's ideas will reveal the prism of synthetic art and help Russian avant-gardists create their own manifests.

ЛЕВИНА ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА, кандидат
философских наук; Свободный университет
(Москва, Россия), преподаватель

ВИЗАНТИЯ АВАНГАРДА: НЕТВАРНЫЙ СВЕТ И ОСЛЕПИТЕЛЬНЫЙ МРАК*

Авангардные живописцы были поражены иконами, в особенности русскими иконами «старого стиля» XV–XVI веков, увидевшими свет в начале XX века после двух столетий запрета. Исследование связано с отражением теории Григория Паламы, исихазма, в иконописи XV–XVI веков, а затем в авангарде, в частности, у Михаила Ларионова и Казимира Малевича. Идея будет аргументирована работами Павла Флоренского и Сергея Булгакова.

Ключевые слова: Нетварный Свет, ослепительный мрак, Григорий Палама, Казимир Малевич, Михаил Ларионов

Авангардные живописцы были поражены иконами, в особенности русскими иконами «старого стиля» XV–XVI веков, которые увидели свет в начале XX века после двух столетий запрета. Аскетические иконы с влиянием византийского богословия исихазма в XVII веке были заменены «западными» миметическими образами. Иконы оказали огромное влияние на основоположника лучизма Михаила Ларионова, он считал, что русские иконописцы были сильно увлечены абстракцией. В 1913 году он организовал две выставки, в одной из которых были представлены его собственные картины в виде лучей света, отраженных от объектов.

*Видеозапись
доклада:*

Казимир Малевич также находился под влиянием иконописи. В своих теоретических работах он ссылаясь на Евангелие. Представляя супрематические полотна на «Выставке 0,10» в 1915 г., Малевич поместил свой шедевр — как икону — в «красном углу». «Черный квадрат»

* Исследование поддержано Российским фондом фундаментальных исследований, проект № 19-011-00610 «Трансцендентность и нарратив в становлении моделей историзма».

часто воспринимается как икона авангарда. Александр Бенуа писал, что «Черный квадрат» — это «культ пустоты, мрака, «ничто». В исследовании я доказываю, что у Малевича в действительности был мрак, но другого типа, связанный с понятиями «нетварный свет» и «ослепительный мрак» в теологии Дионисия Ареопагита и Григория Паламы.

Будет продемонстрировано, как применение теории Паламы, исихазма, нашло свое отражение в иконописи XV–XVI веков, а затем в теории и живописи авангарда, в частности, у Михаила Ларионова и Казимира Малевича. Эта идея будет аргументирована на примере работ Павла Флоренского и Сергея Булгакова.

TATIANA LEVINA, CSc in Philosophy; Free University
(Moscow, Russia), lecturer

BYZANTIUM OF AVANT-GARDE: UNCREATED LIGHT AND DAZZLING DARKNESS*

Avant-Garde painters were amazed by icons, particularly “old style” Russian icons, which saw the light of the day in the early twentieth century. I will trace its connection to the concepts of “uncreated light” and “dazzling darkness” and demonstrate how an application of Palamas’ theory, hesychasm, was reflected in icon-painting and later in Avant-Garde theory and paintings.

Keywords: Uncreated Light, dazzling darkness, Gregory Palamas, Kazimir Malevich, Mikhail Larionov

Avant-Garde painters were amazed by icons, particularly fifteenth to sixteenth-century “old style” Russian icons, which saw the light of the day in the early twentieth century after two centuries of prohibition. In the seventeenth century, ascetic icons influenced by Byzantine hesychast theology had been replaced by “Western” mimetic images. Icons had a massive impact on Mikhail Larionov, the founder of Rayonism, who wrote that “Russian icon painters [...] were strongly drawn towards abstraction.” In 1913 he or-

* The research is supported by the Russian Foundation for Basic Research, project No 19-011-00610.

ganized two exhibitions, one of which included his own Rayonist paintings with rays of light reflected from objects. Kazimir Malevich was also influenced by icons. In his theoretical writings, he refers to the Gospels. Launching his Suprematism at the “0,10 Exhibition” in 1915, Malevich placed his masterpiece as icons were placed, in the “beautiful corner.” The Black Square is often perceived as the icon of the Avant-Garde.

It is important to trace the influence of Byzantine theology on the Avant-garde, paying attention to the Palaeologus and Russian icons. Alexandre Benois said that the Black Square was a “cult of emptiness, darkness, ‘nothing.’” I will argue that indeed it was darkness, but of another type. I will trace its connection to the concepts of “uncreated light” and “dazzling darkness” found in Dionysius the Areopagite and Gregory Palamas’ theology and demonstrate how an application of Palamas’ theory, hesychasm, was reflected in fifteenth-sixteenth-century icon-painting and later in Avant-Garde theory and paintings, in particular by those of Larionov and Malevich. Finally, Pavel Florensky and Sergey Bulgakov’s philosophy will be analyzed.

СЕКЦИЯ 10: ИУДЕЙСКАЯ ТЕОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ АНТИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ

ТАНТЛЕВСКИЙ ИГОРЬ РОМАНОВИЧ, доктор философских наук, профессор; Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), заведующий кафедрой

О ВОЗМОЖНОЙ ПАРАЛЛЕЛИ МЕЖДУ КУМРАНСКОЙ КРЕАЦИОНИСТСКОЙ ДОКТРИНОЙ И КОСМОГОНИЕЙ АНАКСАГОРА*

В кумранских рукописях засвидетельствована концепция творения Богом мироздания через посредствующее «звено» — «Знание» (תד) — в соответствии с «Замыслом»/«Мыслью» (מחשבה / מחשב) Бога (см., например: *IQS* 3:15–16; *IQM* 17:5), содержащейся в его «Разуме»/«Уме» (נהל, שכל). Особо отчетливо эта идея выражена кумранским лидером, «Вразумляющим» (משכיל), в завершающем Устав Кумранской общины гимне: «И через Его Знание (ובדעתו) все произошло (или: “происходит”. — *И. Т.*); и все сущее Он в Замысле Своем (במחשבתו) учреждает (или: “устанавливает”, “утверждает”. — *И. Т.*), и без Него ничего не делается» (*IQS* 11:11; ср. также: *IQS* 11:18–20 = *4QS* 5–7; *IQM* 13:2; *IQH^a* 5:6, 9:19–20, 12:13, 19:7–8, 21(верх):7). Ср. также *IQS* 3:15–17: «От Бога Знания (происходит) все сущее и будущее; и еще прежде их (людей) бытия Он предназначтал все их замыслы. И когда они станут теми, кем им предназначено было стать в соответствии с Его славным Замыслом (כבוד מחשב), они выполняют свое дело, и ничто не может быть изменено». Библейские истоки кумранского креационистского учения явствен-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44058.

ны: см., например, *Иер.* 10:12 = 51:15; *Притч.* 3:19–20, 8:21–31 (ср. также: *Сир.* 24:3 и сл.; *11Q Ps^a Sirach, Sir.* 51:13 и след.). Мы усматриваем также возможную космогоническую параллель к кумранской доктрине сотворения мироздания у Анаксагора, который утверждал, что «Ум» (νοῦς) «предрешает (γνώμην ἴσχει) абсолютно все» и «все знает (ἔγνων)»; «и все, чему суждено быть, и все, что было, все, чего теперь нет, и все, что есть теперь и будет в будущем, — все это упорядочил Ум...» (фр. 12 [пер. А. В. Лебедева]; ср.: фр. 14). (О корреляции между знанием и властью ср.: *Arist. An.* 429a19.)

Ключевые слова: кумранская теология, Кумранская община, кумранская креационистская доктрина, космогония и космология Анаксагора

IGOR TANTLEVSKIJ, DSc in Philosophy, Professor; St Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia), Head of Department

ON A POSSIBLE PARALLEL BETWEEN THE QUMRAN CREATIONIST DOCTRINE AND THE COSMOGONY OF ANAXAGORAS*

The Qumran manuscripts attest to the concept of God's creation of the universe through an intermediary "link" — "Knowledge" (דעת) — according to the "Thought"/"Design"/"Plan" (מחשבת / מחשבת) of God (see, e. g.: *IQS* 3:15–16; *IQM* 17:5) contained in His "Intelligence"/"Mind"/"Insight" (שכל, בה). This idea is expressed especially clearly by the Qumran leader, the "Wise Master" (משכיל), in the hymn concluding the Manual of Discipline of the Qumran community: "And by His Knowledge (ובדעתו) everything has occurred (or: "is occurring" — *I. T.*); and in His Thought (במחשבתו) He establishes all the being, and without Him nothing is done" (*IQS* 11:11; cf. also *IQS* 11:18–20 = *4QS^a* 5–7; *IQM* 13:2; *IQH^a* 5:6, 9:19–20, 12:13, 19:7–8, 21(upper):7). Cf. also *IQS* 3:15–17: "From God of Knowledge (comes) all that is occurring and shall occur; and before they (people) came into being He established all their designs. And when they become what they were preordained to become according to His glorious Design

* The research was funded by the Russian Foundation for Basic Research, project No 21-011-44058.

(כמחשבת כבדו), they will perform their work, and nothing can be changed.” The Biblical origins of the Qumran creationist teaching are clear: see, e. g., *Jer.* 10:12 = 51:15; *Prov.* 3:19–20, 8:21–31 (cf. also: *Sir.* 24:3f.; *11Q Ps^a Sirach*, *Sir.* 51:13f.). We also see a possible cosmogonic parallel to the Qumran doctrine of the creation of the universe in Anaxagoras, who claimed that “Mind” (νοῦς) “foreknows (γνώμην ἴσχει) absolutely everything” and “knows (ἔγνω) everything”; “and all that is destined to be, and all that was, all that is not now, and all that is now and will be in the future, — all this ordered by the Mind...” (fr. 12; cf.: fr. 14). (On the correlation between knowledge and power cf.: *Arist. An.* 429a19.)

Keywords: Qumran theology, Qumran community, Qumran creationist doctrine, cosmogony and cosmology of Anaxagoras

ПОГОНЯЙЛО АЛЕКСАНДР ГРИГОРЬЕВИЧ, доктор философских наук, профессор; Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), профессор

ПАВЛОВО «УСТАНОВЛЕНИЕ» И *ADVERSUS* *IUDAEOS* В ЗАПАДНОЙ ПАТРИСТИКЕ*

Очевидность догматических расхождений между иудаизмом и христианством скрывает собой то вовсе не очевидное обстоятельство, что богословская догматика как сумма вероопределений вторична по отношению к первоначальному культу и его заповедям. В случае христианства, богооткровенной религии, возникшей в лоне другой богооткровенной религии, разрыв с иудаизмом — *conditio sine qua non*, но совершается он как частичная нейтрализация вменяемой каждому обрезанному еврею религиозной нормы. Отсюда ключевое значение т. н. «антиохийского эпизода» в формировании новой религии.

Ключевые слова: созерцание, установление, религия, богословие, философия, сущность, дискурс, откровение, завет, орос, закон

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44058.

Смысл моего выступления состоит в том, чтобы обосновать тезис, согласно которому формирующееся христианское богословие, прежде всего догматическое, оказывается полем пересечения двух исходно противоположных дискурсов — религиозного и философского, строящихся на принципиально разных онтологических основаниях — на божественном установлении, соответственно, на бытийном приоритете жеста, деяния, поступка (это то, что С. С. Аверинцев назвал «порядком истории», «Иерусалим», согласно Тертуллиану), и на предпочтении «созерцания» («порядок космоса», «Афины»). Первый пользуется языком заповедей (делай/не делай), второй конституируется в своей основе вопросом о сущности, адресованном всему сущему, вопросом, *созерцательным* по своему характеру: *что это такое (есть)?* и говорит определениями (λόγος τῆς οὐσίας).

Но жест Павла* — *установительный* («Значит, Павел ложно установил?.. (*falso statuit...*)» — риторически вопрошает Тертуллиан (Tert. De carne Christi 5)), он отделяет христиан как от иудейского закона, так и от эллинской мудрости с ее доминантой созерцания (теория). И эта последняя граница, утверждая радикальную общность иудаизма и христианства как строгого монотеизма креационистского толка, с фатальной неизбежностью порождает спор обеих религий, ведущий только к взаимоисключению. Вторая заповедь ревнивого Бога полагает между ними непреходимую границу. В самом деле, язычество, т. е. многобожие, толерантно к чужим богам, оно их уважает; но единственный Бог монотеистического креационизма не допускает рядом с собой других богов, чем обеспечивает избранничество своему народу со всеми вытекающими из этого избранничества последствиями. Бог — один, и он либо еврейский, либо христианский, завет заключается либо с тем, либо с другим.

Иудаизм исключает христианство просто и безоговорочно на том простом основании, что двух истинных религий быть не может, а истинная религия — иудаизм. Но исключение иудаизма христианством имеет ряд особенностей, главная

* Антиохийский эпизод, Гал. 2:11–14.

из которых состоит в удвоении Заветов, в дополнении теперь уже Ветхого завета Новым. Такое *исключение* иудаизма *включает* его в орбиту христианства на особых правах — исключенной религии. Поразительным образом решение А. Августином «еврейского вопроса» почти без остатка укладывается в агамбеновскую концепцию «включающего исключения».

Появление второго Завета меняет смысловую структуру Писания, Книги. Не будем забывать, что речь идет о Книге Жизни, т. е. тексте, который в отличие от обычной книги не изображает с той или иной степенью подобия внешнюю ему реальность, а сам есть локус всякой реальности, каковая потому и имеет место, что вписана в Книгу. Иудейский буквализм в понимании Торы, многократно ставившийся в вину раввинам их христианскими оппонентами, этим и объясняется, и обвинения в бездуховности здесь притянуты за уши. Напротив, наличие двух заветов в христианском Священном писании создает некую симметричную структуру «двух створок», позволяющую соотносить эпизоды Ветхого завета, с эпизодами Нового и таким образом понимать текст «символически», по-прежнему, однако, не выходя за пределы Книги в некую предполагаемую реальность. В позднейших иудео-христианских контроверсиях такое соотнесение, связанное прежде всего с пророчествами и в достаточной мере формализованное, свелось к набору клишированных формул, с помощью которых та или иная сторона доказывала свою правоту. Но все это, пользуясь метафорой Тертуллиана, «Иерусалим», дискурс чисто религиозный, и «Афины» пока что здесь ни при чем или почти ни при чем.

Лексика и логика — а значит, и онтология — философского созерцания начинает незаконно проникать в изначально чуждый ей религиозный дискурс задолго до христианства и разными путями^{*}, но наиболее впечатляющее вторжение

* Септуагинта с ее многократно описанной «подменой» еврейского «действенного присутствия» греческим «сущий» (Исх. 3:14); экзегеза Филона Еврея, о которой возникший в IX–X вв. «теологический» иудаизм вообще забыл, — важнейшие вехи этого проникновения.

происходит в ходе формирования христианской догматики, того самого догматического богословия, разработка которого ставится в заслугу Отцам христианской церкви. Безотлагательная задача выработки вероопределения в христианстве (сравним эту срочность с тем обстоятельством, что иудаизм долго и спокойно обходился без теологии и вплотную занялся ею лишь в X веке под прямым влиянием исламского калама и опосредованным христианства) диктовалась тем, что исторический Иисус был признан Христом, пришедшим Мессией, Богом.

«Язык сущностей», на котором говорит об Отце и Сыне образованная публика и, в частности, александрийский пресвитер Арий, ставит перед отцами IV века вопрос о том, как и в какой мере аристотелевы категории подходят для выражения сути христианского Откровения, и в этом смысле античная философия действительно выступает «служанкой» богословия.

ALEXANDER POGONIAILO, DSc in Philosophy,
Professor; St Petersburg State University (Saint
Petersburg, Russia), Professor

ST PAUL'S *ESTABLISHMENT* AND *ADVERSUS* *IUDAEOS* IN OCCIDENTAL PATRISTICS*

The obvious dogmatic divergence between Judaism and Christianity conceals a circumstance, which is far from obvious, that dogmatic theology as a sum of creeds is secondary to the original cult and its commandments. In the case of Christianity, a revealed religion that arose from within the bosom of another revealed religion, the break with Judaism is a *conditio sine qua non*, but it occurs as a partial neutralization of the religious norm, imposed on every circumcised Jew. Hence the central importance of the so-called Incident at Antioch in the shaping of a new religion.

Keywords: contemplation, establishment, religion, theology, philosophy, substance, discourse, revelation, testament, oros, law

* The research was funded by the Russian Foundation for Basic Research, project No 21-011-44058.

ГЕРШОВИЧ УРИ, PhD, доцент; Санкт-Петербургский
государственный университет (Санкт-
Петербург, Россия), доцент

**«ЛУЧШЕЕ В ПОЭЗИИ — ЛОЖЬ»: ВЛИЯНИЕ
ПОДХОДА АРАБСКИХ АРИСТОТЕЛИКОВ
К ПОЭТИКЕ НА ВОСПРИЯТИЕ ПЕСНИ ПЕСНЕЙ
ЕВРЕЙСКОЙ ФИЛОСОФСКО-ТЕОЛОГИЧЕСКОЙ
МЫСЛЮ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ***

Известно, что арабские аристотелики считали риторику и поэтику частью логического корпуса Аристотеля (см. D. Black. *Logic and Aristotle's Rhetoric and Poetic in Medieval Arabic Philosophy*). Поэтические силлогизмы, согласно их подходу, основываются на заведомо ложных посылах и правилах вывода и, стало быть, поэтический дискурс является низшим в иерархии логического корпуса. Отсюда довольно пренебрежительное представителей фальсафа к поэзии. Этот подход был принят и еврейскими мыслителями, в частности, Маймонидам. Вместе с тем, согласно известной талмудической максиме, «Если все Писание свято, то Песнь песней — святая святых» (Мишна. Ядаим 3:5). Таким образом, перед еврейскими теологами, принявшие подход арабских аристотеликов к поэтике, стояла сложная задача: как объяснить высочайший статус Песнь песней в библейском каноне, если эта книга написана языком лжи? В произведениях средневековых еврейских теологов мы не находим четко сформулированного решения данной проблемы, что объясняется, в частности, тем, что Песнь песней связывалась с не подлежащей разглашению эзотерической тематикой. В докладе будут перечислены различные попытки исследователей проанализировать релевантные тексты и сформулировать решение указанной проблемы, а также будет предложена новая интерпретация ответа на вопрос о совмещении высокого статуса Песни песней с заведомой ложью поэтического дискурса.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44058

РЕДЬКИН ОЛЕГ ИВАНОВИЧ, доктор филологических наук, профессор; Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), заведующий кафедрой

**ПЕРЕВОДЫ АНТИЧНЫХ АВТОРОВ
НА АРАБСКИЙ ЯЗЫК И СТАНОВЛЕНИЕ
АРАБО-МУСУЛЬМАНСКОЙ НАУЧНОЙ ТРАДИЦИИ***

Распространение ислама и становление арабо-мусульманской цивилизации на Ближнем Востоке и в Северной Африке не означало разрыва с прошлым, но явилось продолжением культурного континуума Средиземноморья и адаптацией его достижений в области технологий, научного, администрирования и экономического устройства к новым условиям. Это в полной мере справедливо и в отношении наследия античных мыслителей, идеи которых оказали значительное влияние на становление и развитие в арабском халифате медицины, астрономии, математики, алхимии, философии, а также в становлении и развитии арабской грамматической школы. Знакомство арабов с оригинальными работами греческих авторов состоялось уже в первые десятилетия ислама. Этому способствовало и параллельное использование в различных частях халифата на протяжении длительного времени наряду с арабским также и языков автохтонного населения. Так, в Египте греческий язык в сфере делопроизводства уступил место арабскому лишь спустя несколько десятилетий после его завоевания, а в первые века ислама он также был распространен на территории Сирии и Палестины. Местное население наряду с родным языком владело также арабским, чем можно объяснить тот факт, что для переводов с греческого на арабский нередко привлекались не только мусульманские, но также и христианские и иудейские ученые. Активная деятельность по переводам работ античных мыслителей на арабский язык и распространению его на всей территории халифата была начата в рамках уникального научного проекта, известного

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44058

как «Дом мудрости» в Багдаде при поддержке, в том числе и финансовой, аббасидского халифа аль-Мамуна и продолжена его последователями. Идеи Аристотеля и Платона были использованы арабскими грамматистами куфийской и басрийской грамматических школ, что оказало влияние на становление системы арабской грамматической традиции в VII–IX вв. н. э. Античная философия, в частности неоплатонизм, оказала значительное влияние и на суфизм, аскетическо-мистическое направление в исламе, которое в настоящее время распространено в ряде регионов мира.

**СЕКЦИЯ 11: КОНЦЕПТЫ ПРОФЕТИЗМА,
МЕССИАНИЗМА И ЭСХАТОЛОГИИ
В РЕЛИГИОЗНЫХ И ФИЛОСОФСКИХ ТЕКСТАХ**

ТАНТЛЕВСКИЙ Игорь Романович, доктор философских наук, профессор; Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), заведующий кафедрой

ОСОБЕННОСТИ КУМРАНСКОГО «ПРОФЕТИЗМА»*

Если «революция осевой эпохи связана с возникновением, концептуализацией и институционализацией понятий о коренном конфликте между порядком трансцендентным и порядками от мира сего» (Эйзенштадт Ш. Н.), то в лице харизматического лидера Кумранской общины, фигурирующего в источниках под обозначением Учитель праведности, мы встречаемся с последним — правда, гетеродоксальным — иудейским пророком «осевого времени», который, в отличие от своих ортодоксальных предшественников, не только осознал коренной конфликт между трансцендентными и мирскими порядками и декларировал его, но и попытался вместе со своими адептами «практически» преодолеть его (см., например: Tantlevskij, I. R. (2004) *Melchizedek Redivivus in Qumran? Some Peculiarities of Messianic Ideas and Elements of Mysticism in the Dead Sea Scrolls*. (The Qumran Chronicle, vol. 12, No. 1. Special issue) Kraków; Mogilany: The Enigma Press). Так что то или иное пророчество в кумранских рукописях и отдельных псевдоэпиграфах, обнаруженных в Кумране (но не обязательно созданных там), привносило совершенно новую специфику в содержание кумранского концепта профетизма и его эволюцию, отражая все нюансы современной той эпохе идеологической и социально-политической борьбе. Особое внимание в докладе уделено кумранским

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-41005

Комментариям (или Истолкованиям — *Пешарим*) на библейские тексты, непосредственно отражающие идеологические, теолого-религиозные и общественно-политические коллизии между кумранитами,* фарисеями и саддукеями. Кумраниты полагали, что пророческие тексты Священного Писания предвещают в иносказательной форме исторические события периода жизнедеятельности их общины и, прежде всего, факты, непосредственно связанные с судьбой конгрегации, и что, следовательно, «адекватное» истолкование соответствующих библейских текстов позволяет предвидеть будущее. Общинники верили, что они живут на пороге Эсхатона, поэтому их произведения, и особенно Комментарии-*Пешарим*, исполнены мессианско-эсхатологических, сотериологических и апокалиптических сюжетов, аллюзий, реминисценций. Среди кумранских рукописей мы встречаем как Комментарии на отдельные пророческие книги и Псалмы, так и собрания комментированных цитат мессианско-эсхатологического содержания из разных библейских произведений — т. н. флорилегии (антологии), testimonia и катены, которым в докладе дается сравнительный анализ.

Ключевые слова: концепт профетизма, Учитель праведности Кумранской общины, кумранский «профетизм», эсхатология, кумранские Пешарим

IGOR TANTLEVSKIJ, DSc in Philosophy, Professor;
St Petersburg State University (Saint Petersburg,
Russia), Head of Department

FEATURES OF QUMRAN “PROPHETISM”**

If “the revolution of the Axial Age is connected with the emergence, conceptualization and institutionalization of notions of the

* Предположительно общиной ессейского толка; ср., например: Tantlevskij, I. R., Gromova, E. V., Gromov, D. (2021) Network analysis of the interaction between different religious and philosophical movements in early Judaism, *Philosophies* 6, 2. <https://doi.org/10.3390/philosophies6010002>

** The research was funded by the Russian Foundation for Basic Research, project No 21-011-41005.

fundamental conflict between the transcendent order and the orders of this world” (Sh. N. Eisenstadt), in the charismatic leader of the Qumran community, who appears in the sources as the Teacher of Righteousness, we encounter the last — although heterodox — Jewish prophet of the “Axial Age,” who, unlike his orthodox predecessors, not only realized the fundamental conflict between the transcendental and secular orders and declared it, but also tried to “virtually” overcome it together with his adherents (see, e. g.: Tantlevskij, I. R. (2004) *Melchizedek Redivivus in Qumran? Some Peculiarities of Messianic Ideas and Elements of Mysticism in the Dead Sea Scrolls*. [The Qumran Chronicle, vol. 12, no. 1. Special issue]. Kraków; Mogilany: The Enigma Press). So, this or that prophecy in Qumran works and individual pseudepigrapha found in Qumran (but not necessarily compiled there) introduced a completely new specificity to the content of the Qumran concept of prophetism and its evolution, reflecting all the nuances of the contemporary ideological and socio-political struggle of that epoch. The lecture focuses particularly on the Qumran Commentaries (or “Interpretations” — *Pesharim*) on Biblical texts, directly reflecting the ideological, theological-religious and socio-political conflicts between the Qumranites,* Pharisees and Sadducees. The Qumranites believed that the prophetic texts of the Holy Scripture foretold, in allegorical form, historical events during the life of their community and, above all, facts directly related to the fate of their congregation, and that, therefore, an “adequate” interpretation of the relevant Biblical texts could foresee the future. The congregants believed that they were living on the threshold of the Eschaton, so their works, and especially the Commentaries-*Pesharim*, are full of messianic-eschatological, soteriological and apocalyptic subjects, allusions, and reminiscences. Among Qumran manuscripts one can find Commentaries on some Prophetic books and Psalms as well as collections of commented quotations of messianic-eschatological content from different Biblical works — so-called florilegia (anthologies), testimonies and catena, which are analysed comparatively in the lecture.

* Presumably a community of the Essene type; cf., e. g.: Tantlevskij, I. R., Gromova, E. V., Gromov, D. (2021) Network analysis of the interaction between different religious and philosophical movements in early Judaism, *Philosophies* 6, 2. <https://doi.org/10.3390/philosophies6010002>

Keywords: the concept of prophetism, the Teacher of Righteousness of the Qumran community, Qumran “prophetism,” eschatology, Qumran *Pesharim*

ЕВЛАМПИЕВ ИГОРЬ ИВАНОВИЧ, доктор философских наук, профессор; Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), профессор

П. ЧААДАЕВ О ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ И ИУДЕЙСКИХ ИСТОКАХ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ*

В своих «Философических письмах (в седьмом письме) П. Чаадаев обращается к проблеме истинных и ложных истоков европейской цивилизации. Он признает, что наиболее важную роль здесь сыграли первые греческие мудрецы (Гомер, Пифагор и Платон) и иудейские пророки (Моисей). Но оценивает он их влияние прямо противоположным образом. Древняя Греция дала пример абсолютно ложного пути развития, связанного с культивированием индивидуального отдельного и независимого существования человеческих личностей. Особенно негативно Чаадаев отзывался о Гомере, как о пророке современного (!) ложного мира, который обожествил порок и преступление и создал «поэзию зла». Из всех греческих мудрецов Чаадаев позитивно оценивает только Эпикура, считая, что его нравственный идеал, направленный на единение людей, близок к христианской нравственности, как ее понимает сам Чаадаев. Древнюю Иудею и ее религиозность он рассматривает как истинный путь цивилизации, связанный с идеей служения отдельных индивидов духовному целому народа и человечества. В этом смысле Моисея, давшего начало истинной религиозности, Чаадаев называет «самой гигантской и внушительной из исторических фигур». Но Моисей получил от Бога только «начальное» Откровение, дальше в истории были другие великие личности, которые продолжили дело Моисея и дополнили наше знание о Боге теми элементами, который сами получили

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-41005

свыше. В конце этой плеяды великих находится Иисус Христос, который получил окончательное и полное Откровение. И теперь человечеству нужно только до конца понять то великое знание, которое даровал им Бог в цепи великих людей от Моисея до Христа.

Ключевые слова: Чаадаев, русская философия, античная философия, Откровение

Гершович Ури, PhD, доцент; Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), доцент

МАШИАХ БЕН ЙОСЕФ В УЧЕНИИ ПАЛЕСТИНСКИЙ ЗАКОНОУЧИТЕЛЕЙ: АНАЛИЗ ФРАГМЕНТА ИЗ ТРАКТАТА «СУККА» (51Б–53Б)*

Существует целый ряд исследовательских гипотез относительно возникновения образа Мессии, сына Иосифа (или сына Эфраима), в палестинских Таргумах и талмудических источниках. Некоторые полагают, что этот образ возник вследствие интерпретации определенных стихов Писания (Зах. 12:10 или Ис. 53:1–12), другие считают, что гибнущий Машиах бен Йосеф — отголосок образа Иисуса. Есть мнения, связывающие этот образ с историческими событиями — разрушение Второго Храма, восстание Бар Кохбы (которого некоторые законоучителя считали Мессией). Существуют и подходы, описывающие более сложный путь формирования этого образа, когда сначала возникает мидраш-агада, снимающая противоречия Писания, а затем трансформируется под влиянием исторических событий (Й. Хайнеман). Та или иная гипотеза относительно генезиса образа неизбежно придает этому образу определенное содержание. В данном докладе мы постараемся проанализировать один из ранних источников, содержащих упоминание Машиаха бен Йосефа, отвлекшись от вопроса о происхождении образа, но сосредоточившись

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-41005.

на его осмыслении в широком контексте данного фрагмента. Предложенный анализ покажет, что палестинские законоучители связывали образа Машиаха бен Йосефа с понятием Злого начала, формируя, тем самым, определенную теологическую идею в отношении мессианского процесса. Будет показана также возможная связь идей, содержащихся в обсуждаемом фрагменте, с более поздним эсхатологическим сочинением — «Книгой Зрубавеля (Зоровавеля)».

СВЕТЛОВ РОМАН ВИКТОРОВИЧ, доктор философских наук, профессор; Институт философии человека РГПУ им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия), директор

Ирония, лукавство или неоплатонический теологумен? Бог-Создатель в письме Юлиана Отступника общине иудеев*

Подготовленное накануне Персидского похода письмо к общине иудеев (точнее — к патриарху Тивериадскому Хилелею) содержит помимо фраз, которые должны были настроить носителей иудейской веры максимально позитивно по отношению к римскому императору и римскому государству (отказ от любого незаконного налогообложения, наказание виновных в притеснениях при Констанции, обещание восстановить Иерусалимский Храм) также фразу, которая звучит следующим образом: «А потому, наслаждаясь миром, вы сможете обратиться еще больше усердных молитв за мое царствование к всемогущему Богу-Создателю (δημιουργῶ θεῶ), который почтил меня тем, что увенчал короной своею незапятнанной десницей».

Вне всякого сомнения, Юлиан хорошо знал христианскую доктрину и, благодаря ей, ветхозаветный иудаизм. Поэтому под Богом Создателем, он явно имеет в виду ветхозаветного Яхве — по крайней мере именно такого прочтения он мог ожидать от иудеев. И в таком случае он отождествляет его не с Единым и не со сверхкосмическими богами, но с не-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-41005.

оплатоническим демиургом чувственно-телесного космоса. Однако при этом возникают как минимум две трудности, требующие пояснения.

1. В таком случае Юлиан претендует на религиозно-правовую легитимность своей власти (в глазах иудеев), раз, по его словам, ему ее даровал Бог-Создатель — т. е. на наличие в нем крови Давидовой.

2. В других текстах Яхве скорее рассматривается как покровитель только иудейского народа, т. е. в неоплатонической иерархии божественных существ он не занимает высокого места.

Рассмотрению этих проблем в рамках общего «ландшафта» представлений Юлиана о религиозных общинах Римской империи посвящен данный доклад.

ROMAN SVETLOV, DSc in Philosophy, Professor; Institute
of the philosophy of a human, Herzen University
(Saint Petersburg, Russia), Director

IRONY, SLYNESS, OR A NEOPLATONIC THEOLOGUMEN? GOD THE CREATOR IN A LETTER FROM JULIAN THE APOSTATE TO THE JEWISH COMMUNITY*

The mention in the Letters to the Jewish community of God the Creator forms at least two difficulties that require clarification.

1. In this case, Julian claims the religious and legal legitimacy of his power (in the eyes of the Jews), since, according to the emperor, God the Creator gave it to him — that is, for the presence of David's blood in his bodies.

2. In other texts, Yahweh is rather regarded as the patron saint of the Jewish people only, i. e. in the Neoplatonist hierarchy of divine essences, he does not occupy a high place.

This paper is devoted to the consideration of these problems within the framework of the general “landscape” of Julian's ideas about the religious communities of the Roman Empire.

* The research was funded by the Russian Foundation for Basic Research, project No 21-011-41005.

Оглавление

Пленарное заседание	7
Секция 1: Средневековый платонизм: теология, риторика, логика.....	18
Секция 2: Платонизм в истории искусства.....	37
Секция 3: Новые подходы в платоноведении	54
Секция 4: Рациональная теология и история платонизма: античность.....	68
Секция 5: Рациональная теология и история платонизма: эллинизм.....	83
Секция 6: Рациональная теология в неоплатонизме	102
Секция 7: Византийский платонизм: теология, философия, гимнография	121
Секция 8: Платоническая традиция Ренессанса и Нового времени.....	140
Секция 9: Платонизм и русская философия	166
Секция 10: Иудейская теология в контексте античной культуры.....	181
Секция 11: Концепты профетизма, мессианизма и эсхатологии в религиозных и философских текстах	190

Научное издание

**XXIX научная конференция
«Универсум Платоновской мысли»:
«Рациональная теология в платонизме»
Санкт-Петербург, 24–25 июня 2021**

Тезисы докладов

Художник *О. Курта*
Верстка *Д. Курдыбайло*

Подписано в печать 22.06.2021
Формат 60 × 88 ¹/₁₆. Бум. офсетная
Печать цифровая. Усл. печ. л. 12,5
Заказ № 639

МОО Платоновское философское общество
Тел.: (812) 310–79–29; +7(981) 699-6595;
e-mail: 9450922@gmail.com